

(Сообщение

от:

<WallZBackOff@boxmail.com>

кому: мне

Доброй ночи. Мы с тобой как-то списывались в чате. Разговорились о водоплавающих. Ты понял меня, ты помнишь о чем я. Так вот, все эти смерти девочек — не случайны. У меня есть серьезные доказательства назревающего заговора, который скрывают под патиной самоубийств. Я долго собирал информацию, и наконец у меня все получилось. Я слышал, что ты работаешь в этом издательстве.

Так вот, это — реальная история. Все хотят, чтобы произошедшее в Чернодаре оставалось в Чернодаре, но миру нужно явить правду. Имена, события — все в подлинном виде.

Прочитай и дай знать свое мнение.)

Предисловие

За окном детонировала летняя ночь, и я застыл в ожидании далекого взрыва, что наконец разрядит обволакивающее меня затишье.

Перед вами — дневник с перечнем жертв. Яркий слепок эпохи. Свидетельства неординарного, но далеко не самого приятного человека.

На ваш честный суд отдано жизнеописание писателя, особенно прославившегося давней дружбой с серийным убийцей. Что вы будете делать? Вы, конечно, наверняка воздержитесь от поспешных выводов при чтении. Все, как говорится, не так однозначно. Нужен человек, который проведет вас за руку. Что ж, вам повезло. Для вас таким человеком буду я. Тщательно исследовав дневники Аркадия Сквозняка и приведя их в надлежащее для чтения состояние, я прокомментировал содержимое и выявил всю подноготную написанных строк. Могу пообещать, что темных мест практически не осталось.

Мне не посчастливилось быть знакомым с главным героем. Я никогда не причислял себя к его поклонникам. До меня доходили лишь обрывочные слухи о его славе и успехе. И все же именно я, как никто другой, подхожу для того, чтобы дать наиболее точное прояснение и подходящую оценку данной книги, озаглавленной довольно неброско — **“Подлинник Аркадии: жизнь и творчество Аркадия Сквозняка”**.

Помимо общего места рождения, нас объединяет с ним несколько общих знакомых и университет, в котором нас разделял всего лишь один этаж между факультетами. Я охотно ответил на просьбу о журналистском расследовании, с которой ко мне обратился главный редактор издательства Fish Press Валерий Позичин.

Когда мы читаем про серийных маньяков, то из разу в раз нам напоминают об их полной неприметности и незаметности для общества. И только потом, когда мы показываем фотографию пойманного преступника и подвергаем случайных людей физиогномическим экспериментам, где спрашиваем о том, кого они видят, то все безошибочно отвечают: **“Монстра”**.

Но как этого не замечали раньше даже те, кто был ближе всего к этому монстру? Как не могли ничего не подозревать? “Он был примерным семьянином, хорошим мужем, надежным другом, и лишь постфактум — я не знал, я даже не предполагал, что он убийца. Обычный парень, обычный человек.” Нам сложно обвинять этих людей в невнимательности, так как каждый из нас сам, возможно, здороваясь с кем-то за руку, пожимает ладонь убийце. И нам приходится примириться с тем, что мы не можем знать, какой человек перед нами — до самой его гробовой доски.

Пусть так, а что ответят те, другие? Те, что предполагали нечистое в тихом родственнике в замшелом пиджаке и его бегающих глазках извращенца, замечали соседа, каждую ночь провожающего чье-то тело от бара до порога дома, что не возвратно потом пропадало... вскрик за стеной с последующим глухим ударом. Мы не знали, не подозревали. “Иначе бы этого не случилось” — но боже мой, как часто они сами не отдавали себе отчет, что незнание — это то, что спасало их из разу в раз. Но можно ли осуждать их? Кинь камень, как говорится, мы найдем с полусотню справедливых оправданий каждому. Незнание — сладкий паллиатив от ощущения вины, как, кажется, говорил главный герой книги в ваших руках. Увы, не зная Сквозняк не мог, так что выбор у него был, в отличие от других приближенных к многочисленным убийцам.

Автор настоящего предисловия и следующих за содержимым дневника Аркадия Сквозняка комментариев воздержался от резких оценок. Кто-то назовет его ненормальным. Возможно, отвратительным, мерзким. Приторным. Он явно не моральный человек. Но, в общем-то, каждый его хоть немного поймёт.

Учитывая, что сам Сквозняк бесследно исчез и уже который месяц числится пропавшим без вести, и мы при всем желании не можем его проинтервьюировать, я оставляю за читателями право раскрасить писателя самому, не облагая его грузом скопившихся оценок без возможности защиты. Тем более, что сам дневник лучше, чем что бы то ни было демонстрирует нам мышление человека, который находился в дружеской связи с убийцей и не то что подозревал, а им же и посвящен в эту кровавую историю. Я же играю небольшую роль настольной лампы объективности, не сильно отличную от той, что высвечивает меня по левую руку от, когда я набрасываю черновик данного предисловия. Меня интересуют только голые факты биографии, очищенные от шелухи литературщины.

Для немногочисленных давних читателей Аркадия Сквозняка и исследователей литературы это предисловие может показаться утомительным, а следующий после дневника мой подробный комментарий излишним — не смею задерживать и запрещать пропускать «вмешательство» постороннего. Единственное что — я бы лишь порекомендовал для пропустивших задуматься о себе и о том, какими людьми они являются, если так просто пропускают высвечивающие объективные обстоятельства комментарии. Удивление здесь не меньшее, как от тех тайных читателей Гитлера, которые, игнорируя благочинный голос экскурсовода, пускаются по завихрениям безумца в одиночку — чтоб вы понимали, хорошо? Вспомним ту известную цитату из Ницше!

Во многом автор прозаических сборников «Фигуры из грез» и «Грустные зеркала», рассказы в которых отличались, с одной стороны, виртуозностью формы, а с другой бесхитростностью содержания, предстает совершенно в ином свете в своих исповедальных дневниковых тетрадах. Не претендую на лавры литературоведа, лишь только сравниваю свои впечатления. В конце концов, как вы успели убедиться, я преследую совершенно иные цели. Поэтому пускай вас не обманет пышный витальностью образ от настоящей личности. Многие попадают. Так, кстати, некоторые люди попадают в секты.

Мое предисловие и мой комментарий с анализом описываемых событий больше заинтересует тех, кому небезразличны проблемы преступности и отчужденности человека в современном обществе, которые можно было бы решить при куда более усердном внимании государства. На вопрос "стоит ли читать творчество А. Сквозняка перед его дневниками?" я отвечу — как хотите, в любом случае любые параллели с творчеством и реальностью будут мной сразу же прокомментированы. Что же до немногочисленных фанатов творчества их любимого писателя, то чтением его дневников они углубят и без того прекрасное (я надеюсь!) понимание его подлинной фигуры. Нам остается только надеяться, чтобы в будущем государство научилось без проблем находить лицо преступника в толпе и оберегать людей, таких, как Аркадий, от их тлетворного влияния.

Особую благодарность хочу выразить частному детективу Михаилу Осипову, благодаря которому эти дневники так скоро увидели свет, и кому многим обязано следствие в поимке серийного убийцы Яна Лествицкого, что прямо сейчас отбывает свое наказание в тюрьме при городе Черномдар, и другом которого является наш главный герой — Аркадий Сквозняк; Виктору В.И. Виноградову за предоставленные сведения о некоторых лицах и взаимоотношениях главного героя с литературным миром, Маргарите Юдиной и многим другим, согласившимся посодействовать в совместном чтении при составлении комментариев и освещении жизни Аркадия.

Ростислав Литвинов
Санкт-Петербург, 15 июля 2022 года

Часть 1

*Ну что ж, пойдём. И может быть, я встречу
тебя, а ты меня, хоть и сейчас
мы вместе. Мы в одном и том же месте,
которое мне обозначить нечем,
и кто из нас двоих узнает нас?
Наш облик, как и путь наш, неизвестен.*

*Ну что ж,
пойдём туда,*

*где Спи спокойно на граните
прочтем или Спокойно спите
без снов и никому не снясь,
где с высоты на вечер пролит
холодный взгляд и небо строит
зеркальный сад и сразу в грязь
сбивает яблоки глазные -
они соскальзывают вниз
и там текут, уже слепые.
Григорий Дашевский.*

*Это мерзкая и отвратительная книжонка,
написанная очень несчастным человеком,
у которого была и, наверное, будет
очень тяжёлая жизнь, потому что
он ужасный дурак.
Аноним.*

1

Аркадия. Дом моей музыки, родина вымыслов вокруг меня. Образчик мечты и синоним сказочного Эдема. Мир, где тщательное убийство — это феномен из... нет, боже, нет. Переписать.

Он признался в убийстве. Я не просил его об этом, но видимо все из-за того, что я для него самый близкий друг. Новость ошеломила и расстроила хрупкую мозаику моих чувств и комбинацию уже выстроенного повествования. Мне исповедались. Должен ли я был ему посочувствовать и поддержать? Типичный вопрос, мы задаем его сами себе каждый раз, когда кто-то говорит о своих проблемах, а мы вынуждены слушать даже если не хотим. Но представьте, каково было мне. Обычно нам просто все равно и ради приличия мы уточняем что-то, задаем вопросы, создаем людям иллюзию, что их слушают. Нет, неправильно так говорить про всех, но боже мой, перед кем я оправдываюсь. Это же дневник. И даже это предложение, и другое, и следующее —

перевод бумаги. Может, все дело в том, что записывая это прямо сейчас, я слышу самого себя как бы со стороны?

Какой реакции он ждал? Что я должен был ему сказать? Нередко нам охота просто быть выслушанными. Хотел ли он? Эти вопросы волновали меня постфактум, в тот же момент я как будто проснулся, не сразу обнаружив себя перед утренней умывальней, зеркало над которой таращилось на торчащую зубную щетку у меня за щекой.

Откровение застало меня на лавочке (парк, вечер). Мы сидели под умиротворенно растущим кленом, впереди белая ива заслоняла червонную перспективу неба. Заготовленная ночь густела у подножий деревьев и кустарников. Нос чесался от близкой сирени. (До этого мы играли в карты и говорили о привычных вещах: аниме, игры.)

— Я убийца.

В каком смысле? Мы пили сидр. Из-под листвы на повороте ветви родилась женщина с коляской и прошла мимо нас. Краем глаза я заметил, как он открыл и закрыл рот. На самом деле, признание прозвучало мимоходом, так что не теряясь и ничего не ожидая спросил:

— В каком смысле убийца?

— Ну, в прямом, — я видел: он растерян, он не знает, как отвечать; я рассуждаю спустя время, тогда мне, да и ему, не могло прийти на ум, что признание в подобном может прозвучать так буднично, и встретить столь же будничное недоумение, а то и равнодушие. Которое потом, конечно... но это потом.

— Ну, мне интересно. Раскрой получше, — я закинул ногу на ногу и сделал задумчивый глоток.

— Возможно, ты слышал о ней. Ну, может быть, но я бы этого не хотел. Но может быть, ну, как бы... короче. Ты что-нибудь слышал про девочку по имени Алиса Спивак?

Он был организован отвратительно, этот вечер, и не стоял своего проживания вместе с этим откровением. Мне не хотелось, чтобы он был. Закрывать глаза было невозможно. Переписывание — действие дьявольски невозможное. У меня было много вопросов, но задавать их тогда мне показалось чем-то омерзительным и недопустимым, как будто бы начав допрос — я бы сам стал соучастником убийства. Меня не интересовали вопросы в духе “как ты будешь жить с этим?” и “что подумают твои родные, если узнают?”. Меня интересовало другое.

Я написал: задавать вопросы мне было омерзительно. Но это не означает, что подобное может меня остановить. Я испытывал шок, но вместе с тем какая-то темная волна подхватила мою податливую сущность. Наконец, становился соучастником.

Дорога протянулась мимо меня, освещенная, как во сне, отполированным увяданием неона. От чувств, которым слов не подобрать, я проступал посреди улицы в витрине антикварной лавки. Там же развесила на столбах ночь гирлянду фонарей, наполнив всю прозрачность отражения едковатой синевой. Существовать было слишком темно, так что ложки и вилки за стеклом оставались без рук, ларчик был заперт навсегда, а дужки вездесущих очков были на ушах у пустоты, которая не в первый раз подглядывает за мной.

Улица была пуста, бесконечно пуста и спроектирована быть пустой, висясь в даль в ложную перспективу. Я стоял недалеко от четырехэтажного дома и смотрел на его зажженные окна. Фасадные топлёные огни таяли в разлитых лужах. Прошел мимо углов забора палисадника, мимо оставленных автомобилей во двор. Нужное мне окно горело. Обострив слух, я услышал и понял все: семьи, которые жили от свадебной комедии до бытового триллера, одиночек, задыхающихся в никотине и несочиненных гитарных аккордов; наконец, я понял, почувствовал и увидел ее.

Алиса Спивак, девушка семнадцати с половиной лет, темный силуэт с белой рукой, прислоненной к плывущему окну на третьем этаже в невозмутимости водянистой ночи.

2

Я родился в 1998 году, в Черномдаре, городе стальных сибирских зим посреди казахской степи под приграничным брюшком России. Моя семья являла собой отлаженный, но лишний в постсоветском мире механизм. Мой отец был человеком сурового нрава и уставшего сердца — типичный представитель ушедшего на покой ушлого дельца, что сколотил себе состояние в девяностые годы и преспокойно заведовал личным рестораном, обеспечив мне сытое детство.

Они познакомились с моей матерью при невыясненных и путаных обстоятельствах — VHS-кассета тех лет исчезла в водовороте времени, а мать рассказывала мне весьма кинематографичную историю с весьма противоречивыми подробностями каждый раз, когда я пытался хоть что-то узнать. Мне было известно, что в молодости она отличалась мятежным характером, не в пример своей нынешней тихой и спокойной старости, наступившей после смерти отца. Его кончина была окутана туманом и темной пучиной вод. По некоторым сведениям во время плавания его сковала судорога и утянула на дно. Но как мне кажется, в одну из ночей он просто вышел с бутылкой дорогого алкоголя искупаться в реке, как вдруг его посетила мысль посмотреть на загробную жизнь; пузырьки на поверхности тишайшей заводи с плещущимся диском луны.

Тогда мне было тринадцать-четырнадцать лет. Хоть подростком мне и казалось мое детство безотрадно унылым, обращая взгляд в прошлое, я вынужден признать, что в сравнении со сверстниками будущего, мое детство, пора окрашенная в ~~чеховские~~ синесерые цвета, было по-настоящему идиллическим. Поэтому смерть отца я встретил ужасным известием в школе, и, отпущенный посреди обучения классным руководителем, прогулял весь остальной день до позднего вечера. Не помню, плакал ли, но именно в этот момент какая-то богатая пустота этого мира впервые нацелила свой взгляд на меня, пока все, все — родители, друзья и их родственники — искали потерявшегося Аркашу, а он, равнодушный до всяких беспокойств и не подозревающий о них, вернулся как ни в чем не бывало на родительский порог. “Мам, я дома!”

Мать посмотрела на меня, как на призрака, и обняла. “Какой же ты подлец, подлец!” — говорила она со слезами и любовью в голосе. Мне было невдомек, что за меня могут волноваться, так что тогда я ничего не понял. Мы вместе переживали смерть отца. Через год она вышла на пенсию.

Родители подарили мне букет русских и казахских генов. Отец оставил в наследство библиотеку русской классической литературы, раритет дореволюционных изданий и солидную, сейчас никуда не годную, коллекцию самиздата, привезенного им из Петербурга. Он не был чтецом, и хранил все эти сокровища как память о своей матери, моей бабушки, которую я никогда не знал. Спустя время все эти стеллажи очаровали меня и способствовали в оформлении моей литературной натуры. “Добрые боги из Аркадии, где я родился” — говорил я в шестнадцать лет, толком не подозревая о смысле сказанного, и скорее подчинялся некоей магии составления слов, проснувшейся во мне бесконечным слушанием сказок Пушкина на ночь. Я берегу те незабвенные мгновения, как Барон свои сокровища. Никто бы не смог заподозрить, что они у меня есть — ничто не выдавало меня до некоторых пор, пока в какой-то момент я сам не посмотрел на себя в зеркало. Описание внешности через отражение — давний прием, пережеванность которого скорее не позволяет мне описать, а дает повод обрисовать зазеркалье, в

котором мне приходится просвечивать. Показывай, а не рассказывай — как говорят фильмовые сценаристы, и мы воспользуемся этим не всегда пригодным для литературы принципом.

Достанем из-под кровати видеомагнитофон. Он покрылся пылью, залежался среди трупиков подкроватных монстров и возможно уже не работает. На антресолях лежат старые кассеты с проклятьем, которое привыкло ко мне настолько, что уже сделалось родным. Очень коротко зрителям будет продемонстрирована яркая кинохроника.

Кассета первая. Объектив в растерянности блуждает по облачным развалинам, яркий солнечный блик, маскирующий монтажную склейку, одинокий минорный вяз, мальчик с карими глазами и черными локонами стоит у куста сирени и улыбается кому-то, чему-то бесшумному за кадром; мать поправляет на его голове венок из пожухлых маков. Камера медленно отворачивается от него к окрестным пейзажам: сказочному лесу, в глубине которого синяя точка развешивала белье, далеким линиям электропередач, под которыми проехал фургон с едва различимым рисунком рыбы.

Кассета вторая. Озеро, тишь, стрекозы. Пляж, на камеру не попадают лица, только конечности. Мама сбегает по отлогому песчаному спуску к воде, дергает спелым, красным и округлым, как яблоко, плечом, и ныряет. Отец подбадривает ее и отдает камеру неизвестному оператору. В конце видно, как он усаживает мальчика на шею, и всю семью поглощает солнце. Мгновение. Мальчик строит замок из песка, пока рядом с ним четыре туловища мутузят друг друга; он поднимает на них взгляд, когда все закончилось.

Кассета третья. Вечерняя дача, малиновая мгла неба и скорых сумерек. Четыре человека, среди которых отец, играют в карты и пьют чай в полумраке под яблоней. Их лица, кроме отцовского, не разглядеть. Мать разговаривает с соседкой через забор, ее видно всю, кроме головы, фокус на клумбе с пионами, цветущих розах в бутылках из-под пива. Оператор идет через грядки и смотрит на закат, пока его не охватывает головокружение. Камера бешено вращается пока не падает на бок. Шестнадцать ног беззаботно сидят за столом, пока не вздрагивают и не подрываются с места. “Куда?! Куда он побежал?!” — чей-то голос. Отец?

Кассета четвертая. Ночь. Потолочный угол комнаты. Темнота. Камера медленно и лихорадочно спускается вниз, вбирает православный алтарь с иконами, перед которыми лежали разобранные солдатики и сборник стихов поэтов Серебряного века; левая сторона камеры осторожно озаряется светом. Стол с настольной лампой, альбом, за которым сидят мать и маленький сын. Рисунок: гора, башня и ползущий лес. “Посмотри, Кеша. Это сказочная страна, созданная добрыми волшебниками, феями и мудрыми драконами. Она называется Аркадия”. Она называется Аркадия. Рука оператора вползает в кадр и трогает мальчика за плечо. Он оборачивается и никого не видит.

Кассета—¹

Дальнейшее абсолютно неинтересно.

Все это сгинуло без остатка. Я тотчас же вышел из дома, отмерил ровно сто восемьдесят ударов сердца, и посреди чернеющих деревьев, прямо в слепых темных окнах домов зажег спичку. Кассеты вспыхнули в огне, костер недовольно зашипел, как будто ему подбросили влажные поленья. Сухая летняя ночь рассыпала бледные звезды. Остаток квартирных огоньков потухал вслед за взлетающими искрами. Второй, третий

¹ В оригинальном дневнике на этом месте неразборчивая купюра текста, множество раз перечеркнутая, заново написанная поверх нового слоя и снова перечеркнутая так, чтобы было невозможно прочесть.

час. Вся природа, весь двор из панельных и кирпичных жилых типовых застроек пытались угадать мои мысли, пока я рассматривал на прощание с полдюжины исписанных дневниковых тетрадей, прежде чем они полетели в десяток раз отраженный свет, как в портал. Страницы разлагались, на умирающей бумаге в последний раз с неумолимой четкостью проступили слова, прежде чем исчезнуть и пеплом утонуть в гладком чернильном небе. Возможно, это был преждевременный поступок, но тогда у меня было ясное объяснение и доводы, почему нужно было сделать так, а не иначе. Логичное и непоколебимое. Но сейчас мне было достаточно вспомнить, что в тех самых дневниках я описывал свою дружбу с Яном, чтобы его не нужно было вспоминать. Интересно, заключалось ли оно в том, чтобы воля Фортуны не привела ко мне случайного полицейского следователя, а меня не привлекли как соучастника за донесение? Но все это глупости, конечно, глупости. Взвешивая здраво все доводы рассудка и все мысли по этому поводу, я пришел к тому, что мне, в общем-то, все равно — признают ли меня виновным или же нет.

Когда записям пришел конец, я постоял еще некоторое время в этой невозмутимой дворовой темноте. Где-то лаяли собаки. Город спал, и я слышал в десятке километров от дома тактающий поезд. Носком ботинкам пошевелил угли, чтобы убедиться на всякий случай и удостовериться, что никто не сумеет восстановить даже примерный смысл написанного. Три, может, четыре раза вспыхнула спичка для погашения бумажных клочков. Завтра это все рассеется.

Я написал “завтра”, хотя это никак не отражает пепел положения вещей, ведь минуло уже как дня два с тех самых пор, как прошлый злополучный дневник был предан огню, и целых два дня разделяет белая, чистая пустота между этим абзацем и предыдущим. Во дворе под окном днем играют дети, и день спустя (я уже говорил, как неудобно поворачивать стрелки часов?), а вернее назад они играли обугленными деревяшками, представляя, и я вместе с ними, что это раскаленные клинки, которые вдребезги разобьются от столкновения с по-настоящему непреодолимым магическим барьером.

Все это было недавно, и меня норовит переписать отдельные перечитанные страницы и карточки, перемешать между собой, чтобы привести в порядок линейность моей мысли в ущерб времени, но какое-то ощущение пространства повествования не дает мне это сделать. Как будто это совершенно неправильно. Нет, косо выразился — потому что это совершенно неправильно. Завтра я уже никогда не буду чувствовать то, что чувствую сегодня, это будет искажено и испорчено временем и самой памятью.

Это будет ложью.

3²

Многим ли людям приходится реконструировать свое прошлое, подменять вымыслом вылинявшие воспоминания и жить результатом полной самокреации? Поневоле мне приходится задумываться об этом каждый раз, когда я размыкаю глаза и могу спокойно сказать: “Это больше не сон”. Так молодой человек, сталкиваясь с приметами старости — больными мышцами, больной головой, плохим зрением, усталостью и повседневным ознобом — говорит, что чем старше он будет, тем чаще ему

² В оригинале на страницах этой главы происходил полнейший хаос. Мне стоило огромных усилий привести ее в порядок. Предложения перепутаны, времена не согласованы, абзацы стояли чуть ли не наугад. Но тем не менее ничего не было исключено. Вполне возможно, что отдельные места главы могут хранить в себе артефакты не отредактированного прошлого.

придется болеть. Когда упадок сил станет постоянным спутником, то он задастся вопросом: “Неужели так живут все?”

Я отвечаю в такие моменты: “Нет, вовсе нет, ты ошибаешься”.

Но никогда не смогу подыскать такого ответа для себя. Прислонясь щекой к подушке, я тщетно старался заснуть, переворачивался с одного бока на другой, пока наконец не вспомнил, что день прошел, больше его не будет, и мне надо вставать; десять часов вечера. Синее небо с повисшей луной безмятежно. “Оно глубело, как перспектива зеркала в наступающей темноте” — подумал я, и записал эту фразу, что никогда не окажется впору.

Бывает, что пропуская сон, ты теряешь привычное время, и само деление суток кажется одной большой условностью. “Так, где теперь начало, где конец этого дня?” — ты не видишь стрелок часов, ты лишь слышишь их тиканье. Кассет было не четыре, а больше, и дневник обязан своему появлению отражению в окне. Ты перестаешь ворочаться в кровати и застываешь, лежа на спине. Сонный паралич? Нет, но ты всегда хотел сонного паралича, потому что за ним всегда приходят демоны (ты слышал, что за парализованными — приходят демоны). Тебе же приходится лежать и притворяться. Тело пребывает в комнате, но пленка памяти несется в прошлое. Вот солнечный день, прошивающий его серебряный луч тклет: одуванчик, ставший солнечным зайчиком на потолке — белая лунка в темноте, кроличья нора, девочка, синяя далекая точка машет тебе рукой, и ты падаешь вниз. Мир был опрокинут вверх ногами, но все стало на свои места. Двор, футбол — одуванчик, лунка, нора — прошивает серебряными нитями разваливающийся день, ты забиваешь гол. “Хорош!” — парни хлопают тебя по плечу. Решающий мяч. Хорош.

Тебе будет тяжело подсчитать каждый день своего детства. Сколько их наберется? Тридцать семь. Не нужно говорить, все знают, что их гораздо больше. И даже если постараться, ты вспомнишь — гораздо больше. Был ли тот день на самом деле?

А может быть, и не было его никогда. Ведь ты никогда не любил футбол, что уже несомненная правда. Аркаша гулял по двору, пинал камни и размахивал палкой в пустом воздухе. Недалеко, на футбольном поле, во всю гоняли тот самый солнечный зайчик. Сначала в нем поднималась скука от самого вида мяча, затем нечто, похожее на отвращение от того, что скучно одному только тебе, но после наступало равнодушие. А в сущности, какая разница? Какая, в общем-то, разница? Да?

В действительности, и того дня тоже никогда не было, верно? И солнца не было. Пасмурный, но пока еще сухой день, пустое футбольное поле, и на нем — маленький Аркадий с купленным родителями футбольным мячом. Ты ставишь его перед ним, отходишь на десять шагов назад, а я смотрю, как он разбегается и забивает гол. Вот и все. Ивы над нами шелестят вместо рукоплесканий и восторга товарищей.

От человека к человеку декорации прошлого меняются, но слова и их чувства остаются прежними. Это странный вид ностальгии по несуществующему времени. Неужели так живут все?

Ты можешь ответить на это уверенно?

Я пролежал полчаса, пока на телефон не пришло сообщение. Прежде чем его прочитать, я ополоснулся в душе, позавтракал, посмотрел на чайк.

Маргарита. ты звонил. почему не написал? ты ведь знаешь, что я не могу говорить по телефону.

Аркадий. Я могу прийти к тебе или мы можем встретиться и поговорить? Где-нибудь.

Маргарита. ты не ответил. почему не написал? я сколько раз говорила, чтобы ты уважал и относился с вниманием к вещам, которые для меня важны. ты мог бы просто извиниться?

Мне потребовалась минута, чтобы походить по комнате в безмолвном яростном крике и выпустит пар в подушку. Терпеть не могу эту ее черту. Обычно она непримирима. Взяв это в толк, я зарекся с ней ссориться, тем паче, что никакого морального удовлетворения это не принесет. Маргарита не дает шанса для торжества, и даже когда я оказываюсь прав, она инкорпорирует мою правду в свою картину миру так плавно, что у нее не возникает подозрений, что это я ее к ней подвиг — так мы порой читаем строки любимых поэтов, и сами того не замечаем, что поношенные уже не раз истины, которые предлагали семья и общество, вдруг становятся нашей непосредственной частью. Я извинился. Ужасное чувство.

Представляю, как через несколько лет, — да что там, хватит и месяца — перечитываю все эти строки и меня выворачивает наизнанку от стыда за себя. Нам невыносимо видеть свои старые мысли, если пришлось их куда-то нанести, слушать самих себя, взглянуть на юношеское творчество и посмотреть на старые переписки. Нам, ладно, перестану обобщать — мне — неприятно видеть прошлого себя, и даже сейчас, вполне равнодушно перечитывая предыдущее предложение, я наверное знаю, что оно станет мне противным за свою безапелляционность. Это никто не будет читать, сам дневник, вполне возможно, будет уничтожен, как и его предок несколько дней назад. Ну вот я и пришел.

Аркадий. Я внизу. Скоро поднимусь.

Я сблизился с Маргаритой три с половиной года назад. Она встретила в нужный момент сразу после прекращения моих подростковых отношений с девочкой из параллельного класса Соней Стебловой. Разрыву предшествовали смехотворные взаимные игнорирования и немые обиды, длящиеся днями-неделями, а затем пошлые фонтаны признаний, которые всегда можно было упредить, знай мы тогда, что порой стоит говорить о больших и тяжелых чувствах. Был вымоченный июнем безоблачный июль с тенистыми дорожками парка и вечерними пробежками, после которых я шел на лавочку под седolistой ивой близ пруда с хорошо заквашенным солнцем. При себе у меня всегда был неизменный за лето томик ~~Нруета~~ Пруста, бутылка воды и отдающая мятой плитка шоколада. Спустя три недели я встретил Маргариту — поводом познакомиться стала книжка в ее руках.

Она вышла мне навстречу, мы обнялись в парадной под внезапно вспыхнувшей лампочкой, сели за стол на кухне. Маргарита снимает квартиру с одnogруппницей, которую я никогда не видел. Сейчас та находилась в родной деревне, уехала неделю назад, когда прошел последний экзамен перед долгожданным летом.

В доме стояла тишина, как будто много лет назад здесь умерли чьи-то родственники, а их имена, к счастью, никто не помнит. Приятная грусть, как запись падающего солнечного луча на дощатый пол в детской комнате со старой видеокассеты начала нулевых годов. Пока Рита была занята уборкой раковины и завариванием чая, я сходил помыть руки, на всякий случай заглянул в аптечный шкаф. Среди резинок и таблеток я нашел только фотографию чьей-то семьи с неразличимыми лицами. Ничего интересного.

Странно, это уже другое имя?

Я был в курсе, что мои встречи с Маргаритой оставляют ее опустошенной и истраченной, что она больше ни с кем не общается и замыкается на неделю для восполнения “социальных энергий”. Тем не менее она всегда улыбалась при (встрече —

заменить слово) со мной и приглашала то к себе на совместные посиделки, то по мелочам в магазин.

Она говорила, что ее соседка считает наши отношения странными. Мои внутренности сжимались и переворачивались от неловкости, когда она говорила “отношения”. Не факт, что за ним подразумевалась хоть какая-то романтика. Мне нравится считать, что в первую очередь нас связывают платонические чувства. Она никогда не говорила, что мы друзья. Но часто у нее проскальзывало: “ты как мой лучший друг Саша”.

Когда я вернулся, Маргарита задернула шторы и разожгла ароматические свечи. Она разлила чай.

— Ты хотел поговорить о... Яне?

Меня осенило, что я сделал какую-то глупость. Что я ей успел сказать, что я ей успел написать? Пробежав глазами переписку и не найдя ничего компрометирующего, я сказал:

— Ну... да, в каком-то смысле, — выключая телефон и откладывая его в сторону. — Попробуй представить, что твой друг сделал гадость. Как бы ты отреагировала?

— Ну. Это зависит от разных факторов, — она закинула ногу на ногу. — В смысле, гадости ведь разные бывают. Я бы разобралась, все тщательно обдумала, и приняла бы решение, как реагировать, — ее глаза блуждали по потолку, а голова качалась из стороны в сторону в имитации весов и ее противовесов.

Это очень очевидный и рассудочный ответ, и для меня он прозвучал в духе вопросов типа “как дела?”.

— Сложная тема, особенно когда не знаешь, как тебе нужно поступить. То, что твой друг может быть не прав, осложняет дело. Это не тот случай, где один против всех.

— Даже если так, то разве смысл дружбы не в том, чтобы находить поддержку? — вспомнила, что нет конфет, полезла в шкаф; я смотрел на ее задумчивую спину в серой домашней кофте, она говорила: — Ведь если он рассказал тебе все, то он хочет найти поддержку, разве нет? Друзья на то и друзья, чтобы слушать проблемы друг друга, даже если эти проблемы унижительны. Друг поймет, — она улыбнулась и наполнила вазочку конфетами.

Друг поймет. А ты бы поняла, Рита?

— Мне кажется, что иногда дружба выносит не все, — мне так никогда не казалось, но я подумал, что будет полезно бросить такую удочку и попытаться выудить признания Риты из сферы недопустимого даже для друзей. — Предательства, например. Но это крайний случай, о нем мы не говорим. Просто если родители могут стать нам невыносимы, что мы не можем их терпеть, так почему же такое не должно случаться с людьми, которые кровно нам совсем не близки?

— Это сложная тема, — она подтянула на стул ногу и положила на колено голову. — Что натворил Ян? Ты по этой причине мне позвонил, но ничего не написал?

(Она притворяется? Она знает больше, чем показывает?)³

Тот вечер, когда Ян признался мне в неоднократных убийствах людей на почти что регулярной основе (два в месяц, два в два месяца — регулярная основа), я помню с отчетливостью отдельных деталей и его пейзажных фрагментов, при этом на значимую часть позабыв сам диалог. Изредка, набравшись храбрости, я пытаюсь его реконструировать, но каждый раз память, бредя вдоль обочины, не решалась перебежать

³ В скобки я взял те фрагменты и строки, которые написаны на отдельных стикерах и листах, прикрепленных к остальному тексту, и, по-видимому, добавленные Сквозняком значительно позже.

дорогу из-за бешеной скорости мчащихся наперекор вопросов: посадят ли меня? буду ли я соучастником преступления, если промолчу? стоит ли мне сдавать его? плохой ли я, в конце концов, человек, если продолжаю вести с ним дружбу? Я не знаю, я ничего не знаю. Неведомый соглядатай, неведомым образом читающий мой дневник, поставь себя на мое место. Представь, что твой безгрешный друг оказался маньяком, и что он полностью верит тебе — и ты, если слово “дружба” для тебя не пустой звук — найдешь у себя место моим терзаниям, и поймешь, как тяжело даже думать о предательстве.

Лихорадочный полубред — словосочетание громкое, склизкое, отдающее петербургской чахоткой времен девятнадцатого века на страницах русского писателя, поэтому мне не хочется его употреблять. И все же, несмотря на мое отменное здоровье и завидное физическое состояние, я не могу подобрать аналога тому сотрясению сознания и разума, — христианский биолог, подставь сюда мозги и душу, — какое мне пришлось испытать. Психологическая травма? Чушь, нет, что-то менее болезненное и не нуждающееся в терапии (неведомому соглядатаю, принявшему облик психолога — машу рукой, пусть не останется незамеченным). *Лихорадочный полубред*. Пускай, ничего не мешает переписать. Он объяснит, почему я не помню, каким образом дал Рите знать о Яне и о разговоре с ним.

(К слову, совсем недавно вспомнил, как ей написал, но все же даже моя легкая обеспокоенность была недостойна послания. “Ян сделал это, боже, он сделал *это*” — написал я. Как и говорил где-то в самом начале — ухмыляюсь с высоты времени на ненадежную гусеницу памяти.)

— Прости еще раз.

— У тебя взгляд такой, будто душа в пятки ушла. Все хорошо? — она нахмурилась и не сводила с меня глаз.

— Все в порядке. Правда. Просто... знаешь, часто бывает, когда воспоминания будто наслаиваются друг на друга. Получаются фотографии в стиле двойной, тройной экспозиции. Ты видишь себя школьником, тебе хорошо, но какой-то сквозняк из будущего заставляет стыдиться.

— Мы сейчас как раз проходим ~~Марселя Пруста~~ по программе, и наша преподавательница, объясняя его метод, рассказывала, как отводила дочку на первое сентября. И в этот день первого сентября она услышала запах гречки, который, наверное, у нее с давних пор, но все соединилось, как у Марселя в его печенье.

— Воспоминания врут, и я по-доброму завидую ему, — сказал я. Мы посмотрели друг другу в глаза. Чай был допит, а конфет никому не хотелось. Я встал, она встала.

— Может, погуляем?

— Давай.

Долгое время я не мог уснуть рано. Ночь всегда была временем уединенности. Днем я задергивал шторы и под домашний одинокий распорядок мне аккомпанировал плейлист классической музыки, заглушая уличные голоса. Я откладывал утро на потом, просыпаясь в полдень, и давал ему длиться до вечера (времени обеда, если переводить мои часы на часы среднего человека с налаженным режимом сна), пока разбирался с укладкой и увлажняющей маской. Когда я устраивал променады, то мог спокойно не следить за людьми, потому что из них мне попадались лишь редкие семьи, парочки и одиночки.

Денежная часть отцова наследия вкупе с проданным за дорого рестораном и материнской пенсией — все это позволяло мне не думать о деньгах еще довольно долго, но не думай я вдобавок о том, что рано или поздно мне придется ходить на работу и преподавать русский язык и литературу в каком-нибудь захолустье, то спустил бы все

денежные накопления гораздо раньше, живя на широкий рукав. И несмотря на то, что жаловаться, мне, в общем-то, не на что, меня неотвязно преследовала тревога за будущее. Тридцать лет — некий рубеж, до которого мне еще лет девять, думаю, что мне не составит труда растянуть свое сибаритство. Но что потом? Наполняя с Маргаритой продуктовую корзину и ненадолго потерявшись меж стеллажей, выбирая мороженое в гудящем холодильнике и возвращаясь к кассе, стараясь не упасть на скользком полу, я думал о том, что в некотором смысле рад откровению Яна, потому что отсутствие поводов для беспокойств и мое полное ментальное и материальное благополучие не могло не угнетать. Мне стыдно в этом признаваться — знакомые, что едва находят деньги для оплаты квартиры и сточных услуг, захотели бы меня убить, а другие просто не поймут. Ни тем, ни другим я не завидую, потому что ясно представляю, каково это — стоять в очередях и унижаться за бумажку перед государственными олицетворениями Нормальной Жизни. Зависнув ручкой над развитием мысли, останавливаюсь на точке с запятой.

— Какие у тебя планы? — под луной, мы сели на детской площадке среди желтой фонарной тишины, и я ответил Рите:

— Выиграть пару денежных конкурсов, — открывая сидр. — Написать еще несколько рассказов для второго сборника, ими же и выиграть конкурс.

— Я немного не об этом.

— А о чем?

— О более глобальном. Планы на жизнь.

Она оттолкнулась ногой и закрутилась в стонущей карусели. На ней был похожий на пончо плед, и он чуть было не оказался на земле.

— Не знаю; может, уеду в Москву и повторю бизнес своего отца, а может осяду в Японии, в какой-нибудь глухой деревеньке, если получится, чтобы там читать стихи Баяе.

— Романтично!

— Ну, да. Наверное. Честно говоря мне не кажется, что я по-настоящему хочу этого.

— До поступления мне всегда казалось, что я удачно выйду замуж. Мне и сейчас бы хотелось.

— Никогда не поздно, — она была вполоборота ко мне:

— Да, но... помнишь ту историю в старших классах, я рассказывала, которая с тем Али?

— Нет. Но давай не сейчас. Мне неохота слушать про твои отношения.

Нам обоим это напоминало: несуществующие звезды и небо в линзе телескопа на баснословно синем холме. Я не знал, о чем она думала, крутясь и запрокинув голову, но догадывался об этих фразах: “Как это хорошо!” — перед глазами у нее мелькали хрупкие стеклышки огней.

— Какой у тебя знак зодиака?

— Рыбы? Должны быть, я родился весной, — зрение подводило меня, но кажется тогда я увидел одинокую женщину в темноте, которая пробежала далеко и мимо.

— Ты веришь в астрологию?

— Нет.

— Так похоже на вас.

Мне стало тошно.

— Ты бы сказала тоже самое и при другом ответе.

— Ну, нет. Я думаю нет, — в словах она улыбнулась, не услышав пробежавших мурашек моего раздражения. По всем улицам зажглись фонари, по дорожной полосе так быстро проезжали автомобили, что я не успевал придумать водителей.

— Ты думаешь, что вся наша судьба написана в созвездиях?

— Не так. Я думала о том, что было бы красиво, если бы звезды говорили нам, как лучше жить.

— Ну, я так и сказал.

— Нет! Ты сказал что-то о предопределенности. Я говорю о том, что угадав тайный звездный узор, мы бы могли проложить себе, как ты говоришь — стезю — своей жизни. Я бы добавил улыбающуюся скобочку в конце предложения, так много она улыбалась.

— Что? — кажется, я не расслышал. — Что ты сказала?

— Что-то невпопад? — она остановилась.

— Нет, не бери в голову. Просто показалось.

Чья-то рука из тени в солнечном сне, Алиса, падающая в тень.

Диалог, потеряв свой звездный смысл, затянулся. Мы сидели и ели чипсы (Маргарита думала: “Из одной пачки; мы касались руками”), обмениваясь какими-то старыми школьными историями.

В школе я не был травим, не был и активен в компании одноклассников. Некоторое время пытался быть среди них, пока мне не показалась странной идея человеческой социализации. Как и почти каждый ребенок нулевых годов, как, наверное, каждый ребенок в принципе, я задавал себе два вопроса: “в чем я как они?” и “в чем я не как они?” — пока наконец не понял, что ответ меня, в общем-то, никак не интересует. Пиши по мне роман-воспитания писатель века девятнадцатого, скорее всего, он бы закончил на моем поступлении в школу или вычеркнул столь важный период в жизни каждого подростка — настолько бесконфликтно прошла эта пора. Мне было одинаково странно видеть мучения того, кого не признают и отвергают за инаковость его мышления, как и терзания человека в толпе, что ищет отличия от остальных. Меня не постигла характерная участь быть непонятым гением, как и вынужденным изгоем. И уж тем более мне не приходила такая смешная мысль искать в себе отличия от остальных, потому что это было столь же очевидно, сколь и — подбери сравнения. И что, у тебя не осталось друзей? Никого, почти никого, Рита. Я не скучаю по ним, и они прошли сквозь меня, как ненареченный мир проходит сквозь душу обычного человека. Красиво, но ты не сильно любишь себя? Я не думаю, что я лучше, Рита. Точнее, иногда я это просто чувствую, но это так, мираж. Их мир тоже остался для меня не разукрашен даже серым цветом. Слова “рэп”, “вписка”, “туса”, “побухать” со временем приобрели для меня то же значение, какое они имеют для тех, кто случайно ознакомился из энциклопедии с явлением, что было всю жизнь им параллельно. И тебе не хотелось быть в компании? Никогда, Рита. Меня скорее раздражало слово “коллектив”.

Бывает такое, когда ты веришь самому себе без тени сомнения, и некоторым удается так жить, однако сам за собой я такого не замечал. Но почему тогда я не могу с уверенностью сказать, что не слукавил Рите в ту ночь разговора с ней? Виной всему было ощущение какой-то утраты некой подлинной жизни, ощущение, столь знакомое каждому из нас, живущему хоть сколько-то сознательную жизнь.

Я проводил ее до подъезда. Она предложила подняться, я отказался. Сказала, что хочет посмотреть на совершенную синеву. Рита-Рита, твой образ, отдельно от тебя, уже упрыгал по веренице уличных фонарей, пока мы с тобой прощались. Увы, но нет — я не поднимусь с тобой по лестнице. Было приятно провести столь дивное время. Мы обнялись, но мыслями в тот момент я был далеко, неизвестно где, и возможно именно

на страницах дневника я и Рита были куда более живы, чем Аркадий Сквозняк, перевернувшийся в сознании в тот момент. Так и выглядит описание чувства утраты? — внезапная ностальгия по времени и месту, что ты плохо помнишь, от чего позволяешь самому себе его дорисовать.

— Ты точно не хочешь остаться?

— Точно, Рита, — я передал ей пакеты.

— Когда мы поговорим о Яне? — у нее опустился голос, она не видела моего лица. — Мы как-то отошли от темы. Ты ведь ради этого вообще пришел.

— В другой раз. Я кое-что подзабыл, да и я не уверен, что могу говорить некоторые вещи. Сейчас я будто немного протрезвел благодаря тебе.

— Ладно. Тогда... до скорого?

— До скорого.

(Эта тема была не только омрачающим фоном моей тогдашней жизни, но и зерном будущей поросли лейтмотивов, один из которых подобрался уже в ту ночь, когда я шел домой: все время, пока мы с Маргаритой сидели на лавочке, пили сидр и закусывали чипсами, в припаркованном неподалеку автомобиле сидел неразличимый соглядатай с костистыми кистями, повисшими на руле.)

4

Не знаю, зачем вообще нужно было обращаться к Маргарите, потому что она ничем не могла мне помочь, а, чего доброго, увлекла бы меня по ложному следу⁴. Сдав Яна ей, я рисковал. Как ни трудно догадаться, мои юридические познания были никчемны. Насколько я могу судить по имеющейся в сети информации, меня не должны судить за недонесение в подобной ситуации. Но кроме прочего приводилось множество статей, говорящих об обратном, и все более неиллюзорной казалась перспектива расчертить вид из окна в решетку.

Когда ты занимаешься по-настоящему важными делами, у тебя, как правило, нет времени восхвалять себя в собственном дневнике, который никто не прочитает.

Следующие несколько часов я посвятил изучению собственных шансов угодить за решетку. Стоило мне только взяться за темы со словами “убийство”, “государство” и “преступление”, как я утонул. Мне было страшно начинать расследование с новостей. Ничего толком не зная о свершившихся в городе преступлениях, все в нем жили с ощущением того, что рядом ничего не происходит. Все было спокойно и мирно, что для некоторых даже досадно. От того затея устроить личный детектив казалась больше романтической, чем серьезной, потому что даже так — все я сравнивал с полицейскими процедурами и отсмотренными триллерами. Сказать, что я при этом боялся — несколько преувеличить. На самом деле, тревожность усмиралась предчувствием приключения под сердцем. Приступаем с основ.

В какой-то момент меня посетила мысль обратиться за юридической консультацией к какому-нибудь адвокату, но сразу же отмел ее и подумал — уж не схожу ли я с ума? Вещи вокруг как будто стали подглядывать за мной и вслушиваться в каждый мой шаг. Стул улизнул из-под меня, и я лежал на полу со звучащим на фоне

⁴ Здесь мне немного неясно, что имеет в виду Сквозняк. Допускаю, что предложение приурочено к другому отрывку, и по своей рассеянности автор просто перепутал их. Однако я не рискнул тасовать здесь предложения, так что совместно с редактором было решено оставить все как есть.

шлягером в ретровейв-обработке и с отчетливой реверберацией. Гудел вентилятор, мои ступни рассматривала впавшая в задумчивость настольная лампа.

Могло показаться, что Яна никто не искал. Никаких новостей о загадочных убийствах в городе. Не было ничего подобного и в закулисных конспирологических кругах. Жертвы, если они и были, пропадали. На мгновение мне показалось, что Ян и вовсе никого не убивал. Не было никаких тому доказательств. Однако весьма скоро я стал догадываться о всеобщем умолчании.

“Я убил Алису Спивак. Ты можешь мне не верить, но она сама об этом попросила. Моей вины здесь нет. Мы оба этого хотели.”

Он сказал это как оправдание. В его словах не было чувства, но я знал Яна достаточно давно, чтобы понять — он хочет оправдаться.

Я поел, походил по комнате, после чего вышел на вечерний променад. У меня не выходил из головы разговор с ним. Заблудившись, я остановился в кафе с разлитым в воздухе запахом шоколадных круассанов и молока. За соседним столиком:

— Я ему, ну, не знаю как сказать—, в общем, я ему изменила.

— В смысле, в тот самый...

И было темно, конечно, хотя не могу сказать — когда. Нас было двое, двойник и тень двойника, раскладывая звуки, перебирали, через запятую, мысли, суждения, варианты — тасуя, как ночь тасует и разбрасывает окна. Потемнелые окна — продолжая, не своим голосом, словами слагать поверх чужого шума — из них, как из сна, вставали блестящие глыбы черноты, тараша с испода глаза, скользя по праву мне сниться. Пока левая рука делает глоток, вторая, просыпаясь, нащупывает смартфон. Я — компас. Это значит, что пыль моих конечностей рассредоточена, и пока я лежу под одеялом, мой север отливает в формы кафе: пейзажная репродукция на стене с болотистыми цветами и довольной лягушкой, под ней примостился старик с пончиком и чаем, а очки уснули на носу. Голые руки из черной рубашки раскладывают выпечку на витрине. По кафельному полу маслом растекался свет. Два гляссе, наушники, положенный на край столика женский локоть. В утрочь обе руки смыкаются над жалостным мычанием раковины, разминая мыло, чтобы потом снова расстаться. “И как, вы расстались?” — “Я ему еще ничего не говорила. Это предательство, скажи?”

Так, пока на последней секунде я заносу ногу в трогающийся автобус, я слышу и перевариваю — там и сям намеки осени, подброшенные некстати заранее: ладья листа на луже, торопливые сапоги, зонтик в солнечный день. Свободное мягкое кресло — стрела, напоминающая мне о кровати.

Расположение сна.

Легко трогаются руки. Пальцы подвесили над клавиатурой предметы: к р е с л о, к р о в а т ь; моя мысль образец левитации. О к н о. Я могу продолжать так долго, пока каждое слово у меня перед глазами не повиснет в невесомости. Г р а в и т а ц и я. Она ассоциируется с тремя образцами синих теней: осколком неба в пластмассовой луже, вешний лед, чьи-то синие глаза — я стою на зрачке памяти, когда приближаю момент своего знакомства с Яном.

“Возможно, она погналась за кроликом”: найдено тело пропавшей без вести Алисы Спивак. По предварительной версии следователей, девушка могла покончить жизнь самоубийством. Согласно заверениям друзей погибшей, причиной всему могли стать неурядицы в семье. Двоюродная сестра Алисы, София Стеблова, призналась, что

на протяжении двух месяцев давала сбежавшей из дома ночлег и скрывала это как от своих, так и от ее родителей.

5

Моя драматическая арка началась с возвращения домой. Тусклая парадная, дымка люминесцентного света в конце коридора, неумолимый стон дверных петель, отделяющий запомненное от фактического.

— У Георгия аллергия на арахис. А так, вроде, все в порядке, — я развел руками и взял шоколадный батончик. — Кто будет?

Он назвал имена. Писатели и их читатели. Я хотел арендовать нам всем вечер в закусочной или недорогом ресторане, но мне быстро напомнили, что кое-кто из гостей в питается пряниками с майонезом. Мы устроили квартирник. Найдя соответствующую скромной цене и лофт-качеству, я тут же отправился с Владиславом в ближайший минимаркет и залип там, разглядывая стеклышки бутылок и фантики на конфетах; пакеты со всем предоставил компаньону.

Георгий играл на гитаре. Пока он перепевал Аквариум, Владислав располагал столы. Я сидел на балконе и по привычке читал сборник русской классической поэзии — необходимость, если я хочу долго и складно говорить. Был пока еще день, и было чувство сплошного растворения времени. Супротив свету из потемнелых закоулков памяти выступают настоящие конечности; память о дереве на повороте со двора — памяти ему же из детства. Старение мной будет побеждено, я знаю — переимчивым взглядом и им расставленными вещами: почивающими гаражами, чьи крыши не интересуют даже подростков, а только одни кусты, которым и зимой в тягость помирать; крошечная детская площадка с мнимыми спиралями (круг на круге никак не соединенные) и песочницей, на которой случайно проросла картошка; больница напротив дома с ложным повторением квартир в каждом окне. С ресницы у меня упал желудь в ночную лужу, чтобы весь мой мир вздрогнул, и декорации как бы спросили: да зачем мы стоим на одном и том же месте? Пройдет совсем не много времени, прежде чем Георгий, Владислав, Валентин Виардо, Непольский, Рубен, Монастырский спохватятся, кто их сюда притащил, почему их богемный вечер происходит на фоне фона моего детства, почему так тоскливо сползает по чайнику закат и почему по углам за всеми подсматривает какой-то очкарик в коричневом плаще, — да зачем мы на этом месте? Но пока никто из них ничего не чувствует — ни пейзажа, лишнего рамы, плоскости и кисти дерева на углу, которой он был нарисован.

Они пришли, как давно отслужившие, но молодые актеры, и подхватили каждый свою речь, взаимно поздравившись. Я вернулся с балкона и взял газировки. Какой-то прохожий на миг остановился во дворе, держа в локте куртку и вознеся взгляд. Пустой балкон, зажженные окна, мебельная музыка — все это он принял, все представил и взял с собой, позволив себе хоть так приукрасить вечернее бдение, и включив телевизор, почувствовать, что в этом мире еще есть жизнь.

Владислав рассказывал, как долго я не мог решить, что взять поесть, пока Георгий говорил Рубену сколько учился играть на гитаре — его девушка особенно заинтересовалась музыкантом и предлагала тому виноград с конфетами. Непольский подходил к каждому, болтая о своих грязных штанах и как бы невзначай держа в руках стихи — авось кто-то да заинтересуется его писаниной. Когда Виардо тасовал карты мне и Монастырскому, незадачливый поэт присел к нам: “А я вот так торопился, что раза четыре упал. Можно, кстати, и мне?” Он подложил мятые стихи под локти. Монастырский продолжил:

— Я остановился на том, что мне обычно не приходит в голову правильная концепция подобной повести, — он крутил стоящую посередине стола пепельницу — никто не курил, а сигарету я держал меж пальцев на случай, если кто-то попросит. — То есть, такой, которая не будет обрываться.

— Ты перетруждаешься, Илья, — Виардо раздавал карты, чья обратная рубашка выдавала в них бывший набор таро. — Важнее все закрутить, потому что символизм валяется под ногами, а наш мозг сочетает плавающий в луже лист со стихами Пушкина.

— О чем речь? — Непольский разглядывал карты с видом тщательного погружения.

— Илья пишет на конкурс символическую повесть про разговаривающие предметы. Сквозняк сказал, что это хорошая идея, но такое никто не будет читать.

Мне не нравилось говорить с ними о творчестве. Взгляд многих был несколько эгалитарным. Монастырский предпочитал короткие предложения — он не любил, когда моя фраза развивается, как длинная улица зажженных фонарей, тонущая в ложной картинной перспективе, а где-то по ней темной точкой идет ночной смельчак, подкидывающий театральную монету и в беспечности своей не осознающий, что вот-вот он исчезнет, как исчезают многие люди, а гадалки про них говорят: “они не мертвы, их просто нет” — очередной бросок, и вот монета стучается о налитый светом асфальт, а инерционный звук шагов обратной уже перспективой доходит до меня, мимо меня, прежде чем упереться в тупик точки с запятой; ее он ненавидит, Монастырский, словно длинноты метафор утаивают смысл. Мне просто это чуждо, Аркадий. Ведь смыслы и оттенки тем — это единственное, что доступно каждому из нас, и по-настоящему сильный текст способен достучаться до любого. Простая история, вечная истина — это эффект.

Монастырский, мне кажется, рассуждает как режиссер и сценарист игрового кино, а я авторская необходимость, нуждающаяся в его укрощении. Он лингвист и школьный учитель — думаю, ученики его ненавидят за надуманный педантизм: по совсем странным причинам он выпалывает из художественных текстов все “был”, заменяя их под удобные “являлся” или оставляя предложения щербатыми под предлогом красоты такой их улыбки. “Была бледной” — отвратительно ненужная аллитерация. Виардо, чьи руки как компьютерная условность, раздающая карты, и чье лицо мы не видим, молчал, хотя кому как не ему встрять в спор. Наконец Монастырский хочет закурить, но ни у кого не находится зажигалки — и сигарета кочует по столу. Должны быть цвета, запахи, продолжает он. Чувства и эмоции, составляющие образы. Длинные фразы сбивают дыхание, а читать нужно так, чтобы дыхания хватало на предложение.

Какой бред.

Запах, вкус, цвет, осязание, звук — необходимые составляющие хорошего описания. Показывай, а не рассказывай, всего лишь прописная истина. Он сочетает в себе страсть к глубокомыслию и традиционным историям. Любитель писать концептуальную и сложную, по его мнению, прозу, он никогда не любил ее читать. Смысл, продолжает, продолжая брать карты, смысл — то, где мы можем быть победителями. Наконец рассказав про себя, свою жизнь, мы возгорим звездами, потому что твои длинные фразы уже были, а вот тебя самого еще не было, Сквозняк. Он умеет польстить. Хотя в следующий раз он решит придаться до того, что в начале отсутствует пылающая первая строка.

— Что за масонский перещелк, — вмешался Непольский. Он выигрывал в карты и, кажется, активно подсматривал в чужие руки, пока внимание наше рассеивалось в мысленном дыме сигарет. — Это нелепость. Вы что, представляете картинки, когда пишете и читаете?

На самом деле он сказал как-то иначе, так, что его простодушие не выпирает на передний план и он оставляет при себе некую поэтическую загадочность, но как, как — не помню. Подводил к этому столь плавно, что к концу мы уже забыли во что играем, и принялись за выпивку, но вся эта плавность и мягкость... впрочем, показывай, не рассказывай, кому, кому я это говорю и ради кого стараюсь, разве что для предположения, что вещи, предметы и призраки в воздухе читают никому не предназначенное. Но я лукавлю, разумеется, ведь, как и у любого известного человека, археологи от литературы разыщут мои дневники и сжеженно выставят на свет (прилюдного — вечно поддаюсь соблазну нечеловеческого взгляда — вычеркнуть) обозрения — больше для будущего, чем для себя. Я забочусь об этом, как обычно заботится философ о звуке падающего дерева — можно ли услышать его, если а лесу никого нет? Поэтому, и раз, и два —

Аккурат в тот момент, когда Непольский начал о своих стихах, у стола появился Узбеки. Подошедший Георгий познакомил нас: “Вам могут понравиться эссе Дениса. Помните, я вам рассказывал про говорящих рыб?”. Узбеки тщательно маскировал сальные волосы, говоря, что это гель, и охотно показывал нам свои кольца. Минут двадцать спустя он рассказал Виардо о том, что пишет книгу о тяжелой доли национальных меньшинств, и я ушел из-за стола. На кухне Владислав выбирал вино...

и три — я следил за ними с закрытыми глазами. География моего тела походила на архитектурный слой дома. Биология алфавита перелагалась так, что мне нужно было учить язык сызнава, а их речи и разговоры были для меня условны, как букварь — так чувствует себя человек, что оказался в месте, точь-в-точь им однажды воображаемом: да неужели я все так, как мне и казалось? так чувствует себя человек, для которого предполагаемое оказалось самой что ни на есть осязаемой явью.

Мы были единственными друг у друга, так мне хотелось думать, и почти ничего не знали о подлинной жизни вне наших постоянных разговор об искусстве, реже философии, еще реже политики. Когда Узбеки стал говорить, что издательства следует передать в умные руки государства, то даже Непольский, от политики стоящий дальше, чем я, сказал: и это ты говоришь, видя, что происходит вокруг? Емкая формула вопрошания, потому что никто и никогда не доволен системой. Государство — это удобное местоимение, нежели монолит, нами понимаемый одинаково. С недавних пор я пришел к тому, что оно как ветер, лес у подошвы скалы, многоножка улиц в полузабытой видеохронике, то есть нечто столь непоколебимое, долгое, вечное, как уличная толпа по утрам, которую понедельник расфасовывает в общественный транспорт для облегчения собственной небесной участи; светало, но серая лунная лунка стала репризой ночи, необходимой для продолжения.

— Это просто здравый смысл, — Узбеки расслабился от стакана вина, по его губам расплылась блестящая улыбка извращенца, и с бесполезными картами в руках сидящие за столом выглядели, как проступающие из серости едоки картофеля на картине Ван-Гога. Поэтому, продолжал он, нет смысла с ним бороться. Есть смысл изменить его под себя. Если издательством, а стало быть повесткой, управляем не мы, то это будут делать другие — наши враги например. Враги? Южная стена смотрела на Узбекова в новом свете: расплескавшийся неон из растянутой подсветки вдоль стены, приглушенные лампы, впускающие полумрак, — пока на восточной не забултыхалась ночь в окне, деревья отвлеклись на ветер, будто ничего не подслушивали. Часы тикали и показывали разное время, как у⁵.

⁵ Фолкнера? Голое предположение, но дома у Сквозняка я нашел старое издание “Шума и ярости” с закладкой на исписанной карандашом странице, где разворачивается сцена с Квентином в часовой лавке.

— Подлинное искусство никогда не будет беременно пропагандой повестки, — сказал Непольский; Монастырский торжественно сложил карты; Виардо собирал сыгранное; Узбеков закинул ногу на ногу: “Даже твое великое вымученное искусство содержит в себе пропаганду, потому что любое высказывание — пропаганда чего-либо” — затем выпил крепкую и краткую, как незаменимое студенческое эссе, кружку коньяка, смешанного с молоком и газировкой. В самом деле, они наверняка были не очень серьезны. Каждый из них растрачивался в словесных баталиях по любому пустяку в переписке на много часов, но в жизни высыхал быстро, как носки летом. Это какая-то глупость, сказал Непольский. Если все есть все, а любая жизнь — политика, то объяснять и говорить в принципе бесполезно. Шторы общих идей, к чему они?

Государство — густая тень власти, отбрасываемая на стену нашей пещеры; тень человека на деятельности муравья. Явленная ему, как туча, которую он не видит, но ощущает, как зверь ощущает грозу, ветер и солнце — государство: оправдание искусства, сказал (бы) Узбеков, закулив, смотря прямо на меня и больше ни на кого. Сражаться с ним, как с природой, но его можно поработить. Речь до сих пор шла о издательствах. Литературе ни к чему думать о человеке. Я не согласен с тобой, Сквозняк.

— Ты переоцениваешь ее, — сказал я, вернувшись с кухни с бокалом. — Искусство не воспитывает. Оно просто делает нашу жизнь интереснее.

— Ломехузы, Сквозняк, — он приложил ко рту два пальца. — Ломехузы. Знаешь о них и муравьях?

Я прервал его. Боже мой, какой идиотизм, какая искусственная условность — выделение прямой речи, конспект интонаций, жестов, коррекция слов. Исписанные результатами поисковых запросов листы — бедняги, вы заслуживали лучшей участи.

— Так вот, — он продолжал, — что будет, когда мы отдадим наше искусство в руки другого государства? Ты государство, Сквозняк, представь, ну просто представь. Свободная торговля, свобода мнений. И тут как грибы после дождя растут издательства — будущие агенты чужой повестки. Что ты будешь делать?

— Ничего, — сказал я, тщательно скрывая утомление от разговора томностью отпивания из бокала и позой высматривания чего-то в окне. Фотограф, оцени эти краски.

— Тогда ты проиграешь, — на его губах блуждала усмешка, — и твою нацию поработят. Твои мозги поработят, Сквозняк!

— Книги — это такое же развлечение, как кино, музыка... — пытаюсь симитировать тот самый взмах руки пока пишу эти строки, но ни одно слово не подойдет к воспоминанию. — Любое искусство.

Я не был до конца серьезен. Однако Узбеков был недостаточно ироничен, чтобы нормально ответить мне: утилитарист по жизни, он, наверное, никогда не думал, что ему придется защищать изящную словесность. Воспитание (промывка мозгов — в его изложении) — оправдание литературы.

— Значит, ты просто подкинешь монетку.

— Да, просто подкину монетку.

— И будешь ждать, что случится от своего же позволения.

Я кивнул.

— Именно.

— Тогда что ты скажешь о Библии? Разве она не опровергает все твои слова?

Подкинутая монетка. Тень на муравейнике.

Ладно, я так больше делать не буду, никаких больше указаний и предположений. Однако вопрос, почему Сквозняк истребил большую часть отсылок из собственного дневника для меня остается открытым.

— С ним бесполезно спорить. Что Сквозняку интересно? — румяный от выпитого Монастырский — язык у него развязался. — Закрутить словеса без шума и без смысла.

Раздали карты. Управитель случая, я начал игру не отбиваясь, а беря карты одну за другой, пока в один момент не пустил весь свой запас, молниеносно исчезнув из игры; отец, однажды разложив таро, как он это нередко любил делать раз в неделю, энграмматически подготовил мне результаты спорадических азартов. К моменту, когда игра была закончена, я уже собрал кубик Рубика и вторично принялся за пересборку четвертого измерения. Что ж, справедливости ради — в шахматы я бы им проиграл: рассеяв себя по фигурам и поймав геометрическую пульсацию возможностей движения, нахожу свою полную неспособность противостоять чужеродным флуктуациям поля — как мне поставили мат за полдесятка ходов?

Когда все разошлись, я остался один привести в порядок квартиру. Распахнув окна, я выпроваживал осевшие запахи, стоя на балконе, позволял предметам прийти в себя. Запечатлев их расположение раз и навсегда, я дождался, пока потухнут фонари, ушедшие тени сольются с пропадающей утром ночью, и ни на что не смотря собрал мусор, словно избегая ненужного прощания — так мы не говорим иной раз людям о своих планах, дабы избежать вопрошаний и ответственности перед их взглядами, всегда и вынужденно сопровождающие большие дела — прощай, мысленно говорю я, чтобы не услышала мебель, пустое отражение зеркала, блестящая от воды посуда, опорожненная урна, прощай, унося с собой их ночной облик.

Улица слагалась из общих снов, как неконтролируемая фантазия — бездомный в синем пальто, встретившийся мне по пути, сновидчески взглянул как мимо него проплыл я, мы обменялись взглядами, как инопланетяне; он исчез за спиной со звуками оброненной мелочи, монеты светлы, которые разбрасывал подступающий день.

Моя драматическая арка началась с возвращения домой. Казалось до отвращения ироничным, что брошенная на произвол ночи, сна и сноходцев вещественность города и обескровленных улиц служила разуму и сердцу резонансом чувствовать и жить. Сытый желудок — ток эмпатии к умашенному светом пространству. Я больше плоть, когда полнокровно чувствую счастье от человеческой возни: как может мне нравиться распорядок подъема в этот мир и утоление позывов тела: завтрак, обед, ужин, повторить? Регламент действий, согласный с красным и зеленым цветом — и согласие с этим согласием сродни тому малодушному застыванию на светофоре, когда вокруг нет ни души, — и больше человек, когда страдаю и наслаждаюсь страданием, растягиваясь во сне, хрустя всеми косточками и умом путешествуя за прилагательными предметов, игнорируя их сущительность.

Но какой нарратив следующих ощущений: дрожь колен, паралич рук, мурашки вдоль спины с постепенным падением температуры, когда я увидел пришедшее мне сообщение, стоило только проверить почту перед сном?

6

⁶ Привет, В.!

Я только что закончил первое прочтение и первые комментарии дневника Аркадия Сквозняка. На удивление, в отличие от других, данный экземпляр сравнительно целостен и в нем крайне редко встречаются откровенно невосполнимые прорехи, без которых нельзя было бы понять тот или иной абзац — хаотичные записи и заметки все же поддаются приведению в надлежащий линейный порядок. Я оставил для тебя сноски — не забудь при редакции их убрать для окончательного варианта, пожалуйста.

Часть 2

Любая история [неразборчиво].
Аноним.

Постой, кто-то идет?
Аноним.

1

М.О. Привет, Аркадий. Я слышал, ты очень много знаешь про Алису Спивак.

Аркадий. Привет. Кто ты и что тебе нужно?

М.О. Всего лишь человек, который пытается разобраться в ситуации. Это не сильно важно. Ты мне расскажешь?

Аркадий. Я не совсем понимаю чего вы от меня хотите. Я плохо и мало знал Алису. Так кто вы?

Он вышел из сети, а я остался сидеть с мыслями, где же я сумел себя выдать, где Ян себя выдал, пока наконец не уснул. Мне приснилось, как я превратился в вещи и предметы своей комнаты, знал, что могу жить и говорить, но никак не мог собрать себя воедино.

Я познакомился с Яном в недавние годы нашего отрочества во дворе родительского дома. Тучи вытеснили небо к краю города, где разбрызгивая блистающие ливни, светило солнце. На пару коротких мгновений можно было увидеть возвращающиеся из летних лагерей сумки других детей — конец июля был до уличной обездеточности дождлив. Вне зависимости от погоды, я видел Яна в песочнице, на качелях, на футбольном поле обыкновенно одного, — он выносил мяч и громким ударом отправлял его в упругую сеть мимо отсутствующего вратаря. Он заметил меня с пакетиком мармеладных червей, что я жевал смело отстоя от него близ металлических горок, постеснялся подойти и попросить, и я, взамен пары уроков игры в футбол, поделился с ним. Завидую той подростковой непосредственности, как вымывается из нас со временем.

Ничего необычного, как и все мальчишки, мы вместе играли, ничем особенным не выделяясь, вдвоем словно попадая в нужные социальные пазы, что будто бы делало нас невидимыми, пока в какой-то момент он не начал стремительно расти и вот уже к настоящему возрасту не вымахал до метра девяноста. Его усыновили в раннем возрасте бездетные дядя с тетей после погибших в автокатастрофе родителей. До меня друзей у него толком и не было. С самого детства он чувствовал себя инаковым, что нас сближало, но чем старше мы становились, тем невыносимее были эти вечные разговоры о непонимании нас обществом; если я выделялся тем, что умел без особых усилий всем

Сейчас займусь перечитыванием и буду продолжать комментирование с учетом собранного мной материала. Продублирую это сообщение тебе в мессенджер и на электронную почту, чтобы ты посмотрел и сказал, как тебе.

Как ты сам? Как жена? Я слышал, что операция прошла успешно, поздравляю! Ты редко выходишь на связь, чем занят обычно? И еще, ты не мог бы, пожалуйста, дать контакты Кирилла Непольского, если они есть, и выслать скан-версии некрологов жертв Лествицкого? Спасибо заранее. На всякий случай я продублирую это сообщение тебе куда только можно.

понравиться и с той же легкостью отказывался от докучливых связей, Яна боялись и остерегались находиться с ним рядом.

Однажды мы собирали ветви и веники для сооружения шалаша, пытались связать разрозненные части, но ничего не выходило. Плюнув на это дело, я предложил сделать собственный остров.

Это была большая, морских размеров лужа, протянувшаяся по всей детской площадке. Длинными, как старая жвачка, днями проливали дожди, и когда со звоном начался сентябрь и прошла первая перемена, лужа неумолимо отгоняла от себя попытки веселья. Вместе с Яном мы накидали в нее кирпичей и побросали ведущий к ним мусор в качестве мостоподобия. Установленное владычество было недолгим, и вскоре нашу Аркадию оккупировали дети. Осень была сухой — лужа высохла, а наш остров в конечном итоге растащили будущие поколения в свои новые неизвестные королевства.

Мы были детьми, но уже тогда такие развлечения казались чересчур детскими — сверстники и постарше захотели, чтобы вместе с ними мы играли в армию. Мне никогда особо не хотелось с ними играть, но эта странная для них моя отрешенность отчего-то спровоцировала их, и они подстерегали меня на каждом шагу, словно я что-то утаивал от них — выйдя как-то раз посидеть на качелях и подумать о том, какой бы мне хотелось конструктор на день рождения, они поймали меня и потащили к пустому футбольному полю — воображаемому армейскому плацу. Старшие никогда не делали то, чего требовали от тех, что помладше. Падай, Аркаша, тринадцать тебе отжиманий, и его палец, как указка, разрезал воздух от моего носа к земле. Давай, а то будем тебя штрафовать.

Насчет раз.

Я испугался, дернулся, ударил его в челюсть, как только он схватил меня за шиворот. За мгновение я успел пожалеть, что сделал, и пнул в колено. Он закричал. Его дружки кинули меня на землю и пару раз нерешительно пнули с озверелыми лицами. Подоспевший Ян влетел в передрыгу с камнем в руках. Спустя пару минут я сидел на траве, мои сверстники сидели на траве, и все мы смотрели, как Ян мутузил лидера этой дворовой шайки, а его прихвостни оттащивали нападающего. В конце концов, Ян был избит. Троица эта — Алексей, Бах и Веник, дадим им имена для облика, — потеряв ко всем интерес, почапала прочь; все расходились; Ян, поднявшись на ноги, подошел ко мне и протянул раскрытую мозолистую ладонь, помогая встать. К нему больше никто не лез. Я же поклялся, что никогда не буду ни служить, ни уж тем более прислуживать чьей-то размашистой казенной руке. Пошли, Аркадий, сказал он мне, всегда обращаясь ко мне и ко всем по полной форме их имени. Спасибо, Ян. Мне было неловко — в первую очередь от того, что мне не хватило сил и уверенности в себе, что я не мог вмешаться, когда избивали его. Но Яну, по всей видимости, было все равно — насилие было для него стихией столь же обыденной, как и постройка замков из песка или сказочных островов из оставшихся кирпичей.

Защищал ли он меня, потому что боялся потерять своего единственного друга? Или же ему просто нравилось быть на острие и рисковать жизнью? Я не знаю, и только из уважения к нему не делаю утверждений, как и не говорю лишнего. Я боюсь, чего лукавить, скрывать, можно признаться самому себе, что я боюсь, пусть и меньше, чем весь остальной город. И я уверен (хочу думать), что он мне не навредит. Окончательные решения сродни подписанному документу, который не отменить, разве что ты нечистый на руку демиург. Поэтому когда несколько дней спустя со мной вышли на связь, постучали в дверь и вежливо поинтересовались как меня зовут, можно было с уверенностью заключить, что ни у какого государства на меня ничего нет.

Здравствуйте, он протянул мне руку в приоткрытую дверь, дежурно спросил вы ведь Аркадий Сквозняк, все верно? Я писал вам. Его звали Михаил Осипов, у него было

невзрачное лицо мужчины у которого все нейтрально с женой, двое детей, а комнатные растения он любит больше проходящих за его спиной людей — Михаил Осипов, мы не стали пожимать друг другу руки, в которых у него была записная книжка с дневник размером.

Я насчет Алисы Спивак, вы ведь знали ее. Совсем немного.

Совсем немного.

— Хорошо. Могу ли я пройти?

Аркадий. Откуда вы узнали про меня?

Бровь Осипова изогнулась. Он частный детектив, который просто пришел поговорить. У вас с Алисой есть общие знакомые.

Аркадий. С ними я давно не общаюсь и не общался с Алисой. Может, проверите тех, с кем она училась с первого класса?

Обязательно, конечно. Хорошо. Он делано деликатен. Его шея чем-то была обожжена, а его словарь функционально скуп. И даже когда он ушел, я продолжал в мыслях говорить с ним. Диалог выглядел так:

<...>.

Математические знаки неравенства.

Проснувшись, я перепутал утро с сумерками, нащупывая исподнее прошедших дней — так, не спав двое суток, минувшее складывается для тебя в мнимую последовательность; дни смазываются воедино, и вчера — столь же фиктивно, как и завтра. Наверное, только поэтому люди придумали рассказывать истории — сперва просто обмануть, а потом не сойти с ума от собственного обмана. Короче: я проснулся. Влажная темнота отступала по углам, застывая колючими тенями. Я принял душ, бросил в стирку одежду, и, как античное божество, плыл через вечернее марево. Стояла теплая осень. День потух аккуратно укороченной до фильтра сигареты в пепельнице соседнего балкона. Небо, позаимствовав лиловый от неизвестного мариниста, стыло. Я приложил к губам два пальца в курительном жесте, следя за каплями сохнущего белья — вниз, где домой через двор пробежал мальчишка, мимо бабульки на лавочке в красном крапчатом платке, полуслепой, что в изумлении нашла себя еще живой и полной огромного смысла — короче: она проснулась.

Явление Осипова была как внезапная вспышка яви посреди грез. Сложно даже припомнить, о чем мы говорили, и не сказал ли я чего лишнего. Возможно, Й.К. решил, что кто-то его оклеветал, ведь, не совершив ничего дурного, его пришли арестовать — но вдруг он просто забыл, что к нему приходили до этого. Я вел себя как он — чувствуя себя вольготно, как в кресле английского салона, обсуждающего политическое пребывание сыновей в парламенте, но в панике и нарочито уверенным голосом отказывая ему в гостеприимстве, предчувствуя собственную вину. Пусть посторонний поставит нотабене рядом с этим абзацем и вопросительный знак. Я никогда, никогда не буду объяснять свое Я, как и не дам объяснять его постороннему. Пусть посторонний... ну да, точно, у вас трясется рука, с вами что-то не так? — я захлопываю дверь. У них нет улики, а он не длань Господа. Я не причастен.

Кто-то бы мог подумать, что я брежу наяву. Развесив белье и придя в себя, я попытался разложить свою проблему на составляющие:

А. Ян признался, что он убийца, и первой его жертвой была Алиса.

Б. М.О. и новости сообщали, что она покончила с собой.

Очевидно, что одно из утверждений противоречит другому. Я не мог поверить Яну. “Она сама об этом попросила”. Что это значило? Я много раз был свидетелем того, как преступник разделяет ответственность за совершенное со своей жертвой. Но несмотря на все эти вполне логичные измышления, я не мог спросить об этом прямо,

утешаясь официальными заключениями. Жизнь Алисы Спивак не соприкасалась с моей. Когда я узнал о ее смерти, то эта новость была встречена, как смерть давнего одноклассника, с которым ты не поддерживал связь многие годы. “Она сама об этом попросила”. Версия, что все было подстроено как самоубийство, настолько лежала, что мне неловко даже размышлять на бумаге в таком ключе.

Столько вопросов, столько вопросов.

Я вышел на прогулку, когда уже никого не было. Уличные фонари отсчитывали мои шаги от одного острова света до другого. Со сценической плавностью вынырнула из облаков луна. Вдоль обочин стыли автомобили в симметрии количества и расстояния — по три с каждой стороны, пустая улица, по две с каждой стороны; мигающий пешеход в нерешительности занес ногу над расчерченной дорогой, по-видимому уходя насовсем из жизни девушки, что цедила слезы в бумажку на лавочке; скучно и ненадолго остановилось такси, оставляя после себя сигаретный дым в мусорной урне и слезную бумажку в траве. Тут, из-за поворота в конце провинциального исторического бульвара, с королевской помпезностью выглянул торговый центр, облицованный прямоугольными ломтиками ночи и умощенный метками рекламной коммерции поверх неверных отражений. Километров пять-десять по прямой — на восток, на юг, на север и обратно до дома на запад — и я при желании пройду всю обитаемую часть города, что уместился у меня на ладони. Кто-то явно не сильно старался разнообразить декорации: историческая дореволюционная линия, пересекающая город по короткой диагонали, если посмотреть него со спутника; заброшенная паутина с попавшимися человеичниками, от которых даже паукам стало бы досадно; стекло, бетон, построенные, но толком никем не занятые бизнес-центры там и сям. Галантерейный городок, выкупленный за подобранную на улице мелочь. Пара петель вокруг моих ног привели в парк на лавочку к тому самому месту, где мой лучший друг двумя словами причастил меня. Убийца возвращается на свое место преступления — так, по крайней мере, говорят. Интересно, движимый железнодорожный поезд убийства допускает проезд зайцем в своем товарняке? Я осмотрелся, спрятал руки по карманам пальто, вздохнул в прельщающей прохладе; с хрустом и скрипом дерева обмакнули ветви в пруд с бисером снежных звезд. Господи, кто сподвиг тебя на это, Ян.

На следующий день после моего разговора с Ритой, он зашел домой к моей маме и помог ей собрать и расставить мебель.

Ян: голубые линзы на глазах, ворующие свет (Маргарита, однажды увидевшая его, сказала, что у Яна взгляд опрокинут в темноту, оставаясь глубоким и ярким), и косметические очки в круглой оправе, надетые, как черные перчатки от лишних рукопожатий. Был выше меня, а мышцы перекачивались под кожей, несмотря на крайне неразборчивый рацион — пряники с майонезом он уплетал, как другие не замечая уплетают яблоки. Улыбка всегда вымученная, словно Ян не понимал, когда стоит улыбаться — подпирая плечом стену и наблюдая, как моя мама охала и хвалила его за собранный шкаф, он улыбался как-то неловко, как человек, приглашенный на вечеринку, и которого, толком не удосужившись втянуть, обрекли на стояние в углу и вежливые улыбки для поддержания общего веселья. Мы присели выпить чай на будущую дорогу, рыжее каре прикрывало дужки очков на острых ушах, по усам и бороде бежало молоко. Сердобольная матушка норовила всунуть ему слюнявчик, и мы неловко сопротивлялись ей — Ян дергал головой, я ставил посуду и просил ее вымыть тарелки из-под пирожных. Когда мы оделись, она напоследок благословила нашу крепкую дружбу.

Прикрываясь от ветра, на ходу он пытался зажечь сигарету. Он был в серой длинной шинели нараспашку поверх легкой майки, невзирая на затверделую от холода

грязь и оледенелые лужи — его черные берцы не разбирали дороги и хрустели признаками осени под подошвой, а сам он курил, как женщина в отчаянии. Не спеши. Ты ведь хотел поговорить?

Мы не виделись с ним с той самой прогулки, как разошлись и пожелали друг другу увидеться как можно скорее. Почему ты сразу не зашел ко мне? Я обещал, ты помнишь, твоей маме, что помогу ей с домашними делами. Ты мог меня предупредить. Ну, мог. Он пожал плечами. Мы присели на пустой остановке. Родительский дом стоял на городской окраине в нескольких шагах от автобусной конечной близ лесополосы и в окружении трехэтажных жилых домов времен второй мировой войны. Какой-то малыш на детской площадке с мамой на лавочке пробовал припомнить движение каруселям, качелям и крошечному городку с невозможностью жизни.

— Ты оставил какие-нибудь следы? — он притушил окурок о подошву и провел перед носом новой папиросой. — Ко мне приходил частный детектив.

Он оставался невозмутим. Щелкнула зажигалка. И что он сказал?

— По мелочи. Думаешь он многое расскажет? Я понял, что он меня не подозревает.

Почему ты так решил?

— Это логично. На его месте я бы себя не выдал и стал бы за собой следить.

И тем не менее... да, я отставил паранойю в сторону, как противный недопитый стакан в кафе, напоминающий, что за него заплатили. Тебе не кажется, что нам нужно это обсудить? Я посмотрел на него.

— Поговорить о чем? Подробности?

— Ну, например?

Он сделал затяжку. Детали. Все от начала и до конца. Может быть, знакомство? Заурядное: мы учились с ней в школе и переглядывались, знали друг о друге, но всегда недоставало смелости сказать привет. Да, я понимаю. До последнего находишь отговорки. Как будто оглядываясь друг на друга, вы смотрите сквозь, не заметили замечания и наблюдения, замороженные — вдруг она или я увидели совсем другое, вместо лица у меня кривое зеркало?

— Да, я понимаю, — закинутая нога на ногу кивнула.

(Детектив, если вы читаете это, то знайте — я очень громко смеюсь, воображая, как вы пытаетесь разобраться кому из нас принадлежат эти реплики!)

(Что же, я же запутался и сам — все потому что, издавна презирая условность атрибутированного диалога за его навязчивое стремление объяснять и сунуть мне под нос и так ясные мне до того сведения, я стремился избежать их, как клише и банальности, сам того не ведая, что орудовать клише — тоже прием, и что классику от штампа отличает лишь одно — талант.)

...да потому что не было в этом никакого смысла, и мы оба решили, или нет, не оба, а я — решил за нее, тогда как для меня все было ясно и будущее лежало передо мной, как изведенная карта территории — пуститься по ней значило, как прийти в лес за свежими открытиями, но только вообразив, что твоя стопа — первая шагнула на вздохнувшую почву. Вы знаете, что будет, как все пройдет, и пусть оба в этих делах мы были неопытны, оба были воспитаны на одних и тех же медиа, так что казалось, что все у нас будет, как и у них. Мы не общались, но видели, как общаемся, из чего делали поспешные выводы. Нам не нравились люди, с которыми приходится говорить. Но что, если остальные чувствовали то же самое? — пустопорожние рассуждения, я позаимствовал их из образа ее дневника. Поэтому мне было не больно, ей было не больно, и никому не больно, выстраданность же наша — только даль обложного дождя с маленьким заретушированным деревцем пейзажиста, который видит только одиночек,

тогда как его подводит собственное зрение; влажная тень, едва касающаяся реки по утрам (туман) — вот что такое мысль, что тебе будет плохо, красивый план кинематографиста, к которому у тебя нет подпуска.

Но что остальные? Я не знаю, как подойти ко всем, потому что не тасовал их, как и книги у меня на полки, у меня никогда не было привычки расставлять их в буквенном порядке, а пробегая алфавит, мне всегда казалось, что я несправедливо оставил позади неназванной одну из букв.

“Так вот, ты хотел увидеть. Приходи, и ты увидишь.”

Я знал, что после такого у меня не выйдет заснуть, не выйдет отвертеться, как и, в общем-то, все остальное. Эта дверь для меня не заперта, и только здесь, в наклоненном наборк зеркале, куда отворялась квартира, я входил, как неприглашенный, но всеми ожидаемый гость. Хозяева не озаботились забрать одежду и она висела, как тела в мешках в темноте.

Ян: сползающая с него тень, как из глины, формирующая: намеки на чай, полусъеденные сладости, для приличия пустующие шкафы, газовую плиту с пустым нутром. Сидит вполоборота на окне — нога свисает с подоконника наружу и отрешенно раскачивается. Он повернулся в мою сторону и спросил — это ты? И кухня повернулась вслед за ним, измученная и темная. Зайди в ванную.

Когда я просыпался, то успевал повисеть на канатах полусна: с приближением утра я слышал, как расцветала светом моя комната вместе с уходящими на работу людьми, как кто-то, решив помыть машину, включал музыку, что мое сознание, еще не успевшее распутаться, перелагало набором смазанных звуков; я чувствовал запах этого утра — оно пахло, как идеи цвета пахли своими носителями: нечто красное возбуждало в памяти ромашки красным вечером близ автозаправки, откуда несло бензином, а берлинская лазурь школьным булочно-безоблачным днем с приглушенным солнцем и омытым небом — все эта вязь обращалась объектами слуха, причудливо проступающим в моем сне, где я был принцем сказочной Аркадии, откуда меня похитил волшебник, и двигая конечностями в тщетной попытке от него убежать, я одновременно двигал руками и ногами в кровати под одеялом, а когда падал на гранит просторных и грезобразно-бесконечных коридоров — то щеку мою ловила подушка вместо холодного камня, — и прежде, чем проснуться, я осознавал, что закрывая глаза во мне, я открывал их в темноте полусна, дрожа на его канатах, что зависнув над бездной, готовится подкинуть меня в серовато-сизую явь, где я отворяю дверь в ванную комнату с маслом растекшейся по кафелю лампочкой и трещинами вдоль белоснежных стен; там, за полупрозрачной ширмой, в воде сидела девушка, изящно выбросив руку за борт, а вода окрашивалась, не в пример утренней синеве, в закатный багрянец, — и именно тогда, построив в уме многократную последовательность — побег, пробуждение в полусне, пробуждение в яви, в своей квартире, развлечения, возвращение — я понимал, что наконец проснулся. Признаться честно, вид голого и мертвого тела подействовал на меня скорее ободряюще, и я, словно окатанный холодным душем, вмиг обрел сил, о которых полчаса мог только мечтать — подползающий ужас отступил, признавая за мной власть над ситуацией. Оглядывая девушку, мое сердце затрепыхалось и вкрадчиво прошептало: “Кажется, тебя ждет приключение!” — перебивая настойчиво нарастающий гул барабанов у меня в крови. Видя же ее слегка окровавленный лоб (вероятно, захотелось почесаться уже после вскрытия вен), на мгновение во мне промелькнуло желание поцеловать его, но вскоре это необузданное желание исчезло под натиском молниеносно возникающих соображений о том, что же делать со всем этим.

У нее были черные кудрявые волосы, да в общем-то и все, и ни один член моего тела не дрогнул, хотя многим, особенно детям, кажется, что при виде трупов мы способны в плохом или хорошем смысле возбуждаться. Худая? Нет, скорее стройная.

Это труп, да? Зачем-то спросил я у Яна, выходя к нему на кухню и требуя влажные и сухие салфетки. Он кивнул, хотя я видел, что он спросит к чему этот тупой вопрос. Я ожидал этого и скорее был слегка разочарован. Первым же делом я протер все места, до которых успел дотронуться. Ян встал по центру гостиной, в растерянности сопровождая меня взглядом, пока я пытался сдернуть штору.

Что ты делаешь?

Я остановился. Кто она?

Если не вдаваться в подробности: Мария. Остальное уже и не вспомню. Я присел на диван, где они были вдвоем (подушка и одеяла валялись на полу), и в угольно-черных перчатках принялся потрошить ее сумку; в ней лежали: [...] ⁷; взяв пластиковую карточку удостоверения личности (деталей не вспомню) и покрутив, мне пришла в голову мысль. Она совершеннолетняя. Вероятно, учится. Она живет с родителями? Ян помотал головой. Снимает квартиру, чудесно.

— Что ты хочешь сделать?

Замотай ее руки бинтами; сокрой ее наготу от глаз.

Мы вытащили ее из ванны. Взяли за руки и ноги, выплеснув случайно воды, дотащили до комнаты, оставляя за собой мокрые пятна. Осторожно уложили на кровать. Ян, с усердием и отчуждением протирал ее тело и накладывал подготовленные бинты.

⁷ Боже мой, В.

Не обессудь, я, конечно, могу вернуть все как было, но мне кажется нашим читателям просто не нужно это растянутое перечисление вещей в сумке, так как оно не несет никакой интеллектуальной нагрузки, более того — отвлекает от сути, как будто мы читаем не правду жизни попавшего в западню человека, а новомодный роман, где такие приемчики в ходу. Я все-таки настаиваю на точечной редактуре, дабы не столкнуться с риском падения продаж. Мы и так собирались выкинуть некоторые никуда не клеющиеся фрагменты, вроде тех, про которые ты мне сказал, разве нет? Тогда что мы теряем? Но вообще, если ты считаешь этот текстовый каталог чем-то необходимым, то пожалуйста, я в нем смысла не вижу, тем более, что никто не будет читать такое: лубрикант, контрацептивы, пустой блокнот для заметок, скетчбук (если быть точным, то он пишет: альбом подручных рисунков), грязное зеркало, надкусанная помада, косметичка, набор разноцветных ленточек, плюшевый авокадо, щипчики для ногтей, два простых карандаша, влажные салфетки, сухие салфетки, катушка черной нити с иглой, сигареты, зажигалка, дешевый белый шоколад, ластик, бабушкины сережки, таблетки, зонт, наушники, смартфон, антология поэтов Серебряного века, подставка для смартфона, салфетка с номером телефона, изжеванные карты Таро, тампоны, расческа, ложка, корм для уличных котов, зарядка для смартфона, повербанк, полупустая бутылка воды, плохо написанные стихи, пособие для написания стихов, полароид, памятные пробки из-под вина, рубль, крохотный пакетик с чем-то, связка ключей, мысли об экзистенциализме, лежалые истины прямиком из томных кафе, астрологические предсказания, кулон в форме рыбы, плейлисты на все случаи жизни, десятки сохраненных переписок, с которыми никогда больше не будешь общаться, около тысячи случайных картинок, инструкция по созданию образа в стиле "альт", кошелек, документы.

Ее запястья были покорны. Я разорвал пару его старых маек и протер пол. В квартире стояла тишина. Скоро рассвет.

План состоял в следующем: мы собирались перенести труп Марии в ее пустующую квартиру. Вымывая кровавые разводы, я только и думал о том, как все обставить, чтобы это не вызвало подозрений и не привлекло внимания. Главное в таком деле не торопиться — известно, что в спешке люди совершают ошибки. Выжав тряпки и опорожнив ванну, я смял их и сложил на балконе вместе с окровавленными салфетками. Найдя бумагу для розжига, я предал улики пламени. От огненных цветов никогда не пахнет приятно, и я надеялся, что чадить будет не так сильно, чтобы кто-то озаботился вызвать пожарных.

Затем я взял у Яна телефон и стер переписку с Марией. Благодаря системе мессенджера я мог быть уверен, что переписка была удалена и у нее. Сколько она пролежала там, пока я не пришел? Не знаю, Ян не знал, что чувствовать, и мне показалось, что ему стыдно. Может быть уже час как. Может больше. Она сказала, что хочет помыться. Со смартфоном могли возникнуть проблемы, если переписка была куда-либо экспортирована. Я попытался разблокировать его, воспользовавшись ее пальцами, но экран не отреагировал. Не будучи большим специалистом технического взлома, эта задача показалась мне нетривиальной. Представляя себя в образе детектива, я бы заинтересовался тем фактом, что смартфон жертвы куда-то исчез, и хотя избавиться от него — первое, что пришло в голову, я не мог надеяться на раздолбайство правоохранительных органов при всей его вероятности. Насколько вы были близки? Мы были близки. Это значит, что она вряд ли предупреждала кого-то о том, что пойдет к тебе. Ты знаком с кем-то из ее подруг? Нет. Но это не значит, что их у нее нет и она никому про тебя не рассказала. Вела дневник? Вполне возможно, пусть я и мало знаю людей, которые ведут конспект своей жизни. Блог. Блог у нее был? Ян помотал головой. Чудесно.

Будь я автором детектива, то заставил бы своего сыщика разгадывать убийство и цепочку приведших к нему событий по туманным, жонглирующим символами стихам жертвы. Но как это обычно бывает — жизнь расправляется с негодяями самым прямолинейным образом, и стихи и заговоры — область вымысла, а сложное убийство с исчезновением убийцы — область фокуса; никогда, никогда убийца не может не оставить следа. Поэтому мне остается только положить смартфон обратно в сумку и одобрить собственные размышления.

Думаю, опытный сыщик, едва соприкасаясь с поверхностью пола и стен, левитируя над землей, без особых проблем отыщет в этой квартире улики и днк — я сделал все возможное, чтобы гипотетический Михаил Осипов не сумел так легко достичь своей цели. Может быть, все мои старания были напрасны, и сейчас, стоит нам только выйти на улицу, как подстерегающий детектив поймает незадачливого убийцу и его несмышленного напарника с поличным.

— Ты готов?

Ян кивнул. С тщанием любовника он натянул на ее худые ноги сетчатые чулки; ее черная юбка была украшена розовыми котятками. Она носила корсет и длинную грязную мантию, как чучело призрака. Веки сомкнуты. Я прикрыл ее лицо медицинской маской. Ян закинул ее к себе на спину, взяв за ноги и обняв себя ее руками. Я готов.

Когда дверь подъезда открылась, как глаз, в темноту, я словно бы понял всю эту исчезающую ночь. Все было влажно. Голые стволы пирамидальных тополей застыли в изумлении вдоль улицы; засохшие заросли травы тянулись от новой мечети к забору обожженной старостью православной церкви, светлой в ночи, как будка поставленного сторожа. Дороги были пусты. Ян шел ощупью, как днем, но мне все было открыто и ясно, пусть и вел он меня по собственной слепоте и поминутно спрашивал — это улица

такая-то? Мы будто бы вынырнули, и заворачивая с улицы Мира на улицу Интернациональную, мимо площади с памятником вольготно позирующего на лавочке Магжана Жумабаева, озирались вокруг. Потемнелые витрины и окна магазинчиков пропускали мимо себя наших двойников и тени двойников, не замечающих друг друга. Ровные, по линейке отмеренные тротуары, только ночью могли дружелюбно пугать своей неправильностью, когда их не умащивает солнце бальзамирующим светом. Так бедный калека на кухне рассказывает анекдот и смешит гостей, тогда как днем он выходит на свет и примиряет прохожих с голой действительностью, смотрите, мол, и вот так бывает — я убит и пережеван, и теперь прошу у вас милостыню. Смотри на бредущие мимо улицы, как в первый раз, я понял пустую истину навязанного света в противовес рукотворного закоулка укромной тьмы.

Найдя нужный двор, мы в потемках плутали, по ощущениям, вечность, обуздывая панику перед невидимым соглядатаем, случайностью, чреватой судебными разбирательствами. Да вот же подъезд, случайно пропустили.

Дверь закрылась за нами с рассеянной плотностью, и вместе с ней повисла тишина. Всю дорогу я был озабочен мыслью, что нас мог кто-то увидеть. Ян стоял рядом, и его глаза думали, что им поневоле приходится видеть сон, что скоро все исчезнет. Удивительно.

Уже было собравшись подниматься на (второй этаж), как вдруг откуда-то сверху (третий этаж) зевнул замок. Свидетель. Он увидит Марию на плечах Яна. Он увидит меня. Выбора не было. Мы бы не успели забежать на второй этаж. Уходить тоже не было смысла. Он бы увидел наши убегающие спины и девчонку, и при полицейском допросе обязательно не упустил бы возможности упомянуть призрак мантии Марии. Было слишком много бы во всем этом.

Поэтому ничего не оставалось другого, кроме как распахнуть приоткрытую дверь в подвал и —

— Выкинь ее вниз.

Ян, ошеломленный, как от пули, не двигался; шаги приближались; я уже собирался стащить тело сам, как вдруг он снял Марию и с лёгкостью брошенной куртки — бросил ее вниз. Мягкая темнота отозвалась гулким звуком падающей подушки.

Неизвестный спускался.

Я встал у стены, делая вид, что усердно погружен в смартфон. Судьба моего мнения о русском народе готова была решиться с секунды на секунду — правда ли, что они написали сорок миллионов доносов? Лезет ли русский нос не в свое дело? Он спустился.

Оказалось, что это казах, и он прошел мимо, даже не взглянув на нас. Я тут же выдохнул. Это был гордый и благородный народ, известный своим гостеприимством, и, конечно же, неподдельным простодушием. Величие его не за горами. Я посмотрел на Яна, но тут сосед вернулся и спросил, не наркоманы ли мы часом и не закладки ли ищем?

Я присел на ступени, и это обратило его внимание, и он будет думать, что Ян лихорадочно смотрит на меня, а не на дверь в подвал. Возможно, его поразила моя дерзость. Нет, с чего бы это? Просто ждем знакомого. В школе у меня была учительница казахского происхождения, и мне тут же пришло на ум, как однажды она весь урок смотрела на меня, лишь бы я чего у кого-нибудь не списал, и хотя на деле я не был заинтересован в учебном успехе в принципе, меня возмутила ее мнительность. Я сразу же понял, насколько мелочный и мнительный степной народ. Он еще раз посмотрел на меня. Я усомнился, что до него дошел смысл сказанного, что он расслышал, что у него все хорошо с языком, и уже не был уверен, от каких чувств я старался усмирить тремор.

Безразмерная струна секунд готова была лопнуть от безнадежного натяжения пространства.

Я улыбнулся. Ян улыбнулся. Мрачный казах пожал плечами; он проснулся заблаговременно перед работой для того, чтобы успеть позавтракать и прогреть автомобиль — об этом сообщило пожатие его плеч и затворенная дверь.

Через минуту с кашлем и рычанием машина поползла со двора.

Ян выдохнул и спустился в подвал.

Тезис вечера: диспут; слагаемое из комбинации миражей, что будет узно при перепрочтении.

Антитезис сумерек: поиск; расхолаживающий променад, когда все закончилось, реверсивный побег тени звука монеты.

Синтез ночи: черновик; увидеть мир в отражении булавочной головки, просыпанный и просеянный в отражение для удобства собственного созерцания, где поневоле смешались нежеланные качества.

Внезапно Ян позвал меня. Я спустился, чтобы помочь ему поднять тело.

Но вместо этого я увидел, как в лужице телефонного света проступал взгляд Марии, обращенный на нас, и весь ее облик застыл перед истошным криком.

(И я не помню, что было дальше, хотя память, как ряд метафор, пускает по подиуму одну за другой картинки: Мария кричит/и не кричит; Ян несет ее наверх, я несу ее наверх, она сама идет наверх; замочная скважина со звуком неразгаданной тайны отворяет перед нами дверь — но у меня не было ощущения, что все это произошло въяве. Причудливые отношения памяти и фантазии протекают в общем серальчике — и вторая как будто оскорбилась желанию воспроизвести будничность дальнейшего, словно могла заразиться бытом.)

***⁸

Я очень люблю окна. Не знаю почему, но большая часть моих рассказов начиналась с образа окна. Возможно есть какой-то физический и не до конца осознанный порыв к символизму у каждого человека, что он связывает предметы и признаки предметов со своим собственным состоянием; из окна я выплескиваюсь в мир.

Наступающее утро и окно легли в основание бытия этого дня. Пасмурно, и земля пребывала в ожидании дождливой дани у досуха выжатого неба. С каждой минутой повисшая во дворе комната Марии растворялась в охре под стылыми серыми деревьями, пока не осталось дистиллированное отражение моего лица.

Она жила в однокомнатной студии, и честно, удивляться здесь было нечему — ее жилье выглядело едва обжитым не в пример ее сумочке. На полу не найти ни пятнышка, полки над компьютерным столом презентовали фотографии ее родителей, крохотную, размером меньшим, чем горчичное зерно, икону, истощенные ароматические свечи, кажется, пустой аквариум, но больше ничего.

Мой поток сознания: отрепетированная пьеса, где и для декораций нашлись актеры: набираясь сил, вздыхает диван от присевшего человека; поднявшийся со дна недопитой бутылки воды пузырек похож на пробуждение ото сна; с тщетным прогнозом на ликование кухня наполнялась светом. Наконец Мария и Ян приходили в себя, чувствуя себя как связанные пленники.

⁸ Невозможно определить, насколько давние эти записи — они были найдены сильно позднее и отдельно от тетрадей Сквозняка, и находились, судя по всему, в электронном виде.

Вы хотите обсудить произошедшее? Да, мы хотим обсудить произошедшее.

Они не хотят говорить, и я подтолкнул их к обретению смысла.

— Зачем ты это сделала?

И вправду, зачем? Она не ответила. Дай ей прийти в себя. Ян посмотрел на меня вымученно раздраженно, будто бы я лишил его всех сил.

Обычно меня не прельщает роль арбитра. Иначе сказать нельзя, потому что они сидели молча, параллельно сообщаясь друг с другом телепатически. Их немые позы, ощущение, что надо что-то делать, и не знаешь что, и как будто ничего больше и не осталось, кроме как молчать — все это много где было. Я уйду, но буду чувствовать себя виновным перед Яном, хотя, возможно, ему и все равно. Думаю, нет, ему — не все равно. И все же я отказываюсь их судить и говорить им что делать.

Набери ванну, Ян. Я хочу попробовать снова.

Ян встал, и через минуту из-за стены полилось; пискнули вентили, со стуком поднялась крышка унитаза, каскадом воды ударил туалетный смыв.

Мне стало немного душно, но я не подал виду.

— Зачем ты это сделала?

— Я не хочу говорить, я просто хочу [действие, подлежащее цензуре].

Это ведь не то же самое, что и непечатное. Но мне начало казаться, что...

— А ты увидела ее там? Там так же, как и во сне? Да. И это была Аркадия?

— И это была Аркадия. Я не пытаюсь тебя успокоить. Пожалуйста, помоги мне.

— Я помогу. Я рад, что ты вернулась. Я думал, что ты ушла навсегда.

— Я тоже. Это ненадолго.

— И ты не вернешься? Нет, я не вернусь.

— Нет, я не вернусь. И ты прекрасно знаешь почему.

— Потому что...

Потому что...

Смотря на них, на эту разыгрываемую сцену, с каким-то ощущением приторности я вспомнил пьесу _____. Естественно, я подумал о Викторе.

Ян взял Марию на руки. Неспешно перенес, неспешно уложил в бесшумное водное ложе. Она протянула ему запястья с нежными, как следы алой помады, следами крови. Он смиренно распутывал бинты, опадающие на кафель, как стружка красного карандаша. Я подпирал дверной проем. Мария взглянула на меня через плечо Яна. Мы не были с ней знакомы и никогда уже знакомы не будем. Я почувствовал, как у меня зарделись щеки, мне стало приятно от накатившей дурноты и странной кощунственности свершаемого — в ту минуту мне ничуть не казалось странным, что мы не стали это обсуждать, и ни у кого не возникло мысли повернуть эту линию крови вспять. На очередном витке ее спирали Ян заплакал, Мария улыбнулась ему и обняла, прижимая его хнычущую голову к бледной груди с карминовыми сосками. Я отвернулся и вышел на кухню. По дверце шкафа, облизанной светом, бегал рыжий таракан, испугавшись моего появления. Если их здесь еще дюжина прячется под полом, в трещинах и щелях, то лучше бы скорее оказаться подальше. Я отвернулся? Кошка во дворе спряталась под машину, и два преследующих бродячих пса успели вытянуть ее за задние лапы; пасти сомкнулись, в радостной тишине они растерзали ее. Я отвернулся.

Говорят, что в ракушке ты слышишь не море, а ток собственной крови. Вполне возможно. Но чью кровь я тогда слышу сейчас? Я закрыл глаза. Очень сильно хотелось спать.

Карина Надеждина была найдена спустя две недели после своего злополучного исчезновения в квартире, доставшейся ей по наследству от погибших в автокатастрофе родителей.

Работая официанткой в кафе “Русалка”, она, как утверждают ее коллеги и друзья, откладывала деньги для последующего обучения за границей. Чинимые судьбой препятствия на протяжении жизни, как утверждали близкие, никак не сказывались на погибшей; они описывают Карину Надеждину как ту девушку, что при появлении озаряла комнату светом. Поэтому особенно удивительно, что отличница, общественная активистка и волонтер, готовая приютить любого подле себя, покончила жизнь самоубийством, при том таким неприглядным способом: у батареи, с тремя ножевыми в живот, обнимая нож.

Как досужему читателю криминальной сводки, я не пренебрегал официальными и неофициальными некрологами. Мне было по-настоящему необычно ощущать эту проходящую сквозь меня чужую оконченную жизнь, когда мимо еще сновали люди, за окном услужливо грело солнце, и над крышами разносился детский смех.

Я пролежал в кровати несколько дней кряду, поднимаясь только на принятие душа и покупку съестного. Сейчас, сидя на стульчаке после неудачной заварной лапши, я впервые подумал о том, что Мария жила в двух жалких кварталах от меня. Что это — и есть тот самый шок, психотравма, о которых расскажут в новомодных бестселлерах? Вспоминая ее блестящую улыбку, светлую покорность судьбе, грудью принятую обреченность, я не мог не представить, как Карина Надеждина с абсолютно теми же сверкающими от счастливых слез глазами отнимает от ран рубинами блистающий нож, и тотчас же вонзает его в третий раз, на этот раз насовсем, после чего заваливается набок — и так и лежит там, пока пятью этажами ниже у соседнего подъезда стоит заведенный автомобиль, и водитель внимает сумеркам вокруг него, — навсегда с ним тихий первый снег и его драгоценные тени, напоминающие о детстве, когда отец лепил с ним снеговика, — именно в этот момент Карина Надеждина растекалась по кухонному линолеуму, нежно прижавшись щекой к кровавой луже, теплой и обволакивающей, как детский мамин поцелуй; опустошив кишечник и смыв за собой, с ощущением полного благополучия за всю будущую жизнь, я принялся за водные процедуры.

(Заметил, что русские авторы крайне редко прибегают к телесности, или же, напротив, берут в кредит лексику переводной литературы на радикальные порнушные нужды; просидев полчаса над составлением абзаца об идеальном испражнении, мне показалось это достаточно талантливым, чтобы им мог воспользоваться мэтр, но недостаточно, чтобы превзойти его выдумку — уверен, что пока я читаю _____ и его русского брата-близнеца _____, современная русская литература, пока я копошусь у коллег, давно изобрела инструментальный арсенал физиологического эстетства под стать _____, что будет на тысячу голов превосходить мои скудные гастрономические метафоры и сравнения, которые к моменту написания успеют оклишезироваться. Перепишем, пожалуй.)

Ян планировал день рождения. Я планировал день рождения Яна. Теперь переставим в правильном порядке.

Готовясь к нему, я в последнюю очередь подумал о подарке. О подарках я давно успел забыть — мне приходилось получать их от времени и от судьбы, и крайне редко — от людей. Ярko помню два мгновения: оставленный кулек конфет от родителей, после

которого подарки от них исчезли из моей жизни, словно бы родители, почувствовав, что вся моя жизнь сплошная нега — и в услащении ее нет необходимости; избыток вкуса убивает вкус; второй же — столбик “отлично”, автоматом сданных экзаменов при системе, не предполагающей автоматов — мои преподаватели высоко ценили мою подготовленность к их предметам, и сильно заранее ставили мне высший балл. Узнавая об этом непосредственно на самой сессии, меня сперва раздражало, что я не мог проваляться в кровати чуть больше отведенного, однако вскоре на смену пришла гордыня — каждый из них вызывал меня лишь формально, чтобы просто поговорить. Учителя — люди скучной и заурадной жизни, поэтому от студентов они втайне желают услышать повседневные слова и страсти, истории, что всколыхнут забытую учителем молодость под довлеющей необходимостью быть интеллектуальным и моральным авторитетом; беря билет, я уже видел, что в журнале стоит пометка о том, что я ответил, и вместо положенного мне _____ я рассказывал про Янкеля Януира Янковского.

Ян праздновал день рождения как попало. Либо никак, либо присоединялся к чужому празднику, пытаясь через другую радость как-то осознать собственную. Ему было невдомек, что способно было его развеселить. Мне казалось, что когда он пытался посмотреть на себя со стороны, то смотрел скорее сквозь себя, и в прозрачном допущении позволял сосуществовать в себе добру и злу, как порой мы позволяем вещам гадким, а то и просто ненужным находиться возле себя, толком даже не осознавая что они и зачем они.

Весна блистала... нет, не так; в разрывы облак уместилось солнце. Я шел по рыхлому вперемешку с грязью снегу, и в воздухе пахло теплом; как дождь, таяли сосульки, талый лед и снег поднимались сплошным трепещущим сиянием над землей. Длинный ряд гаражного кооператива, провожающий меня из двора, омытые водой... нет, липы здесь, кажется не растут, — березы и клены отходили в сторону, как в сказке, пропуская выходящую под ногами дорожку вперед и налево, заканчиваясь асфальтом, что от весны блестел ртутью.

За спиной, когда переходил дорогу, пролетел с легкостью птицы автомобиль, обдав водяным крылом тротуар, благодаря чему бездомный в синем пальто нашел недостающий полтинник. В кармане дал знать о своем присутствии, как тень отца _____, он:

М.О. Я сижу в сквере через дорогу от вас, Аркадий. Мы можем поговорить, если вам не сложно ненадолго выйти.

Старое сообщение. Новое:

М.О. Не смог найти вас дома. Можем встретиться.

(На заметку: детективы не дают знать о своем существовании; сыщик незрим; вымарать адрес.)

Больше всего меня волновала история **Софии Войнич**, донесшаяся до меня, как давно отзвучавший повтор (пропала без вести; найдена мертвой в лесополосе; самоубийство). Когда город спохватился и взялся за ее поиски, ее призрак возникал там и сям. Поговаривали, что видели ее ужинающей в кафе. Пристальная официантка исподволь сделала фотографию и выложила в городскую группу в социальной сети, однако не потрудились позвонить в поисковые инстанции, полицию, а просто спросила “это она?”. Ответили, что очень похожа, однако сама официантка, видимо, постеснялась личности навести справки тет-а-тет.

В другой раз Софию видели с кем-то в машине (номер, естественно, не запомнили), и чем чаще стали всплывать истории, тем больше людям стало казаться, что со дна реки всплывает мусор, а не вещи, или уж тем более тело погибшей.

Которое нашел некий Александр Свечко, волонтер, по чистой случайности — решив хотя бы в этот день взять выходной и провести досуг наедине с собой, природой и собакой, он обнаружил сидящую Софию на горизонт, где через несколько часов, над острыми верхушками деревьев должно было, как дешевое масло, растаять солнце. Сделанных Александром фотографий в открытом доступе найти не удалось. Но по описаниям, София сидела в “куртке-аляске”, заботливо накинутой на плечи, смотря отчужденно вдаль, не обращая внимания на муху на стеклянном глазу, равнодушно подставив сохнуть запястья. Горя было, наверное, много — уж не знаю, за реакцией я следил постольку-поскольку, не способный вынести чужие страдания, мне была интересна сама София — моя знакомая через три рукопожатия. Мы встретились всего раз, на вечеринке общих знакомых, праздновали сдачу сессии, она посмотрела на меня уже пьяная, сказала “привет!”, я кивнул, и ей на плечо из веселой толчеи легла бледная рука Яна с черным рукавом.

Из того аниме, что мне хотелось бы посмотреть, первым в списке значился **“Лунный компьютерный свет”**⁹ — о недавних группах смерти, снятый, однако, задолго до актуальных событий; прогностическая функция искусства мне никогда не была интересна, но я застал критику в начале десятых годов, что сводилась к претензиям на реалистичность. Кто бы мог подумать, что переписки в социальных сетях могут убивать.

Ян не хотел.

Возможно, причина тому — **Лилия Астролин**, написавшая для аниме субтитры, впоследствии разрекламировав его как достойный внимания андеграунд. Я познакомился с Лилией во времена популярности форумов где-то в первой половине 10-х годов. Тогда же Ян, не признаваясь в стеснительности и социофобии, полунамеками спрашивал у меня, с кем я общаюсь и провожу время еще. Ни с кем. Практически. Недолго поразмыслив, я сумел вовлечь его в мир чатов и закрытых конференций с обсуждением японской мультипликации (и мультипликации в принципе). По моему совету он посмотрел работы всеми известного _____, но куда больше ему зашел _____, которого мы так и не посмотрели вместе с Маргаритой. Ян не рассказывал, но я понял, что ему понравилась Лилия. Нет, наверное, он сходил с ума — и это было ужасно, так как самые первые его отношения оказались отношениями на расстоянии. Я не знаю подробностей, но думаю, что столкнулись они со всеми проблемами, с которыми встречаются парочки, познакомившиеся в интернете в двух тысячах километрах друг от друга. Нет, понимаю, никогда не приму. Никогда не позаимствую любви и не стану вить кокон из чужого призрака. Никогда эпистолярный жанр романа не подарит мне тех соков любви, какие дарит образ далекого синего берега в тумане, до которого не сможешь доплыть — царство фантазма, царство...

Лилия Астролин исчезла. Найти ее... ну, может кто-то пытался, но не каждый пользователь начала десятых годов был специалист по электронному следу.

⁹ Привет, В.!

Я не стал акцентировать внимание на этом и многих других перечисленных творениях в комментарии, но быть может ты сумеешь мне помочь? Или же забить на это дело? Дело в том, что такого аниме я найти не смог в открытом доступе. Хотя нашел много информации о содержании и обсуждениях сюжета, так что я исключаю вариант того, что Сквозняк это выдумал. Не бывает же такого, чтобы несуществующее аниме попадало в топы, списки, обладало широкой аудиторией — и при этом не существовало въяве.

Возможно, Ян до сих пор вспоминает о ней, когда смотрит на влажный блеск звезд, падающего снега и дрожь хрупкого света фонарей зимой после заката.

“Лунный компьютерный свет” я посмотрел сам: ночь: тишина, одиночество, тьма, которая больше, чем кто-либо еще расскажет, кто ты есть на самом деле. Сюжет был прост, но мастерски отрисован: школьник и школьница проводят весь вечер и ночь за перепиской, и в какой-то момент попадают под влияние глобальной интернет-игры. Увлеченные сетью, они выполняют ряд действий, постепенно приводящие к увечьям и смерти. Однако фрагментарность подачи не позволяет утверждать об этом однозначно. Сама переписка занимает где-то тридцать процентов хронометража из двенадцати серий. Остальные семьдесят — классическая репрезентация повседневности. Школьники ходят на уроки, думают о повседневных проблемах, волнуются за свое домашнее задание. Вкрапленные в это кадры с кровью, хаотичными действиями (главный герой должен разбить тарелку; главная героиня найти где-то мертвых насекомых и сфотографировать их на парте) создавало ощущение неминуемой катастрофы. Как считали многие, повествование предполагало нелинейность — главная героиня умирает в третьей серии, самоубившись в школьном туалете ночью, в четвертой же главный герой продолжает с ней переписываться как ни в чем не бывало. Десятая серия повторяла третью. В двенадцатой переписок не было вовсе, а главный герой решал свои повседневные проблемы. Умерла ли его возлюбленная (любовная линия получает свое развитие где-то в серии седьмой — до этого отношения героев пусть и заставляют нас переживать, все же построены максимально антиромантически) — неизвестно. Многие считали, что да. Об организации же, затеявшей парад суицида, создатели ничего не рассказали. Причина? Неясна.

Мне нравилось это аниме. Когда я закончил, на часах было пять. За окном дул ветер и скрипел снег под ногами ночного прохожего. Казалось, что лунный компьютерный свет продолжился где-то там, за окном. Или же нет, не знаю — бывает, что твоя мысль продолжает мысль создателя, на развитие которой он не решился.

С Яном мы решили поиграть. Он любил классические ролевые игры. У меня же обычно болела голова за управлением, словно я вынужден вместе с получением удовольствия от игрового процесса как-то соперничать и подавлять чужую индивидуальность. Поэтому я прикупил к его дню рождения **“Sonya in Divoland”** — изометрическую рпг от российской студии “Fish Lodge”. Именно при ее покупке я и вспомнил о Софии Войнич.

Как твоя женщина, Ян? Мне не нравилось говорить “девушка” — слово настолько расхожее, что при нем как будто бы теряется серьезность романтических отношений. Да так себе, он загрузил сумку едой и закурил по дороге, обгоняя меня на два шага. Хотя как раз к его отношениям с девочками едва достигшими совершеннолетия это слово как раз бы подошло. Мы словно говорили о другой жизни. Ему было не о чем с ними говорить. Он расстраивался, что они любят его за внешность. Я смеялся над ним. Он смущался и не понимал в чем дело. Ты когда-нибудь оставишь меня в покое? Ремарка, продлевающая дружбу: сказал он с добродушной улыбкой. Такой вот распорядок действий.

“Sonya in Divoland” повествует о двух детективах в псевдовикторианской вымышленной стране из частного сыскного бюро “Дьявол и мечта” (игра слов, по иронии, понятная только при переводе, нежели в оригинале) — отставном лейтенанте Рональде Блю и его скромном полуазиатском напарнике с латиноамериканской примесью — Алехандро Оранже, которым предстоит найти сбежавшую из дома девочку Соню. Прототипом послужила реальная история **Алисы Сониной**, сбежавшей из дома (по некоторым версиям — украденной) родителей в Санкт-Петербурге, след же ее теряется на территории Украины. История примечательна тем, что в ходе

расследования полицейским удалось случайно поймать ушедшего на покой серийного маньяка (имя не помню) и вскрыть наркотический канал сообщения между Азией и Европой.

Возможный политический контекст (и подтекст), рожденная в нулевых годах история десятилетней давности — все способствовало тому, чтобы историю захотели запретить. Ян, выбирая тип личности главному герою, — визионер, метапсихолог, постбоец, — запутался, пока я насыпал чипсы в чаши ручной работы и рассказывал историю создания игры и пересказывал интервью с разработчиками. Алехандро Оранжер к тому моменту спасал Рональда от постпраздничного похмелья (раскрывались персонажи: ленивый, радостный, но стоический главный герой и его циничный, хладнокровный, но слегка рассеянный напарник, в прошлом чем-то разочарованный).

Вы поругались с Леной? Речь о **Елене**, подруге Маргариты, и я был бестактен, своей бестактностью нарочито не замечая. Яну не очень хотелось об этом говорить, но у него как будто отсутствовала способность отказывать. Когда его к чему-то принуждали, то он предпочитал мощным ударом по лицу валить противника с ног. Он вперил взгляд в экран — пока там из-под разоблаченного неба показалось солнце и на вымощенные улицы из отеля отправились детективы, у нас во впалом окне оповестили о конце дня зажженные соседские окна. Напомнив о прошедшей, но толком не замеченной зиме — пошел снег. Я подозревал, что она ему изменила.

Да, но мы уже помирились, бегло ответил он. Почему тебе интересно, Аркадий? Ты думаешь, что я совсем не в себе? Мне просто хочется, чтобы все было в порядке. Вкрадчиво вкладывая в него слова, я поместил ему на блестящее блюдо страха и сомнения уверенность в себе. Не волнуйся за меня, он дернул плечом.

Просто не лезь. Хорошо?

Маргарита рассказывала о Елене — одноклассница... училась... оценки... — все это неинтересно. В обозримой пустоте мне хотелось представить ее облик. Любимый предмет? Маргарита призадумалась. Наверное, рубиновое кольцо с имитацией крови. Она носила сережки? Да, два золотистых ободка. Цвет глаз, фигура — это, разумеется, само собой, однако труднее всего мне давались лица, стоило мне попытаться расположить губы, нос и мимику неизвестного человека — невольно в уме проявлялись комбинации уже виденного. Поэтому когда она просто показала мне фотографию, мой самозданный подлинник потерял в очаровании и устремился к воображаемому обновлению, удаляясь от своего прототипа на невозможное расстояние. Как она ходила? Торопливо, будто боялась опоздать. Она была низкая, поэтому спешила за всем остальным высоким миром. Свитера, широкие штаны, круглые очки и забранные в хвост волосы — вот в общем-то и все, не считая замызанной сумки, перекинутой вечно через плечо. Что она читала? _____, _____, _____ и, конечно же, в числе ее любимых авторов была _____. Любила Алису (как это здесь оказалось?).

И она могла изменить? Маргарита пожала плечами, а Ян был в несчастных отношениях, и я боялся, что Елену ждет то же, что и всех остальных — они уверенно поспешат умереть. Говорят, что словами можно убить. На деле же это не более чем политическая присказка и одобрение всеобщего молчания. Я никогда не признавал и не признаю преступления без преступника. Можно ли сподвигнуть повешенного в лесу к самоубийству, если ты не знаешь, что он слышал тебя?

Я не знаю. Рональд Блю осматривал комнату сбежавшей девочки, пока Алехандро протоколировал расположение вещей. “Куча одежды. В карманах можно найти жвачку и сдачу — горсть монет. Алехандро занес это в записную книжку.” По воле игровой условности родители со всеми присущими их персонажам вещами были расположены по своим комнатам, но в репликах между Алехандро и Рональдом подразумевалось, что они стоят рядом и следят за всем процессом.

Мы проходили игру в течение недели. Я приходил к Яну, и мы болтали о пустяках. В перерывах, пока он сидел на подоконнике и курил, крутя меж пальцев нераскрашенные коллекционные фигурки, ему приходилось слушать, как недавно я посмотрел **“Комментарий сыщика”** и **“Закопанный в траве поздно вечером”**. Совершенно случайно, пока он отходил справить нужду, я заметил параллельные сохранения в игре. Разумеется, я не воспринял это как предательство, однако тот факт, что Ян подспудно вел двойную игру, и вторая линия повествования обгоняла актуальную на несколько часов, не могла не смущать — учитывая, что Ян картинно изображал удивление от сюжетных поворотов и разворотов.

Сам поиск потерянной Сони в определенный момент стал второстепенен. Главные герои упустили из виду улики, а след Сони терялся в мастерски выстроенном политическом комментарии, где вне зависимости от выбранной игроком идеологии все так или иначе возвращалось как интерпретация их личностей — фашистская ветка акцентировала внимание на желание контролировать ситуацию у Алехандро, когда он вместе с Рональдом осаждал штаб наркомафии, которую они подозревали в похищении Сони, и презрение главных героев к опустившемуся социальному государству; напротив же, коммунистическая обращала внимание на доброту Рональда, и как эта доброта приводила к покорности и смирению перед государственными преступлениями; либеральное желание свободы приводило к радикальной резне и приоткрывала лицемерную сторону как общества, так и Рональда с Алехандро, дискредитируя как саму себя, так и все прочие идеологии в принципе. Аполитичный вариант прохождения — молчание, при котором все выбирают за тебя.

Игроки, которым игра понравилась, активно доказывали, что разработчики придерживались их политической точки зрения; раздосадованные же игрой сторонники политических групп критиковали повествование за ее левость, правость, центричность, и что именно их идеологию создатели сатирически обличили. В одном из сюжетных заданий Рональду Блю предстояло спуститься в одиночку в канализацию (Алехандро брезговал и светил фонариком) и отстреливать крокодилов (которые подозревались в том, что съели девочку), но все, к чему привела сюжетная линия — это туманная пасхалка про священника, что перед тем, как быть съеденным крокодилами, оставил после себя тьму записок про подземных и подводных вампиров, шастающих под городскими катакомбами. Отсылка неясна (я же с усмешкой вновь вспомнил Виктора), однако даже это сумело породить ветвь обсуждения — теперь уже столкновение протекало между антикапиталистами, из левой руки запивающими антидепрессанты рафом на миндальном молоке, что углядели в крокодилах очевидную аллегоррию на воротил бизнеса, тогда же как свидетели свободного рынка, попивая раф на миндальном молоке из руки правой, левой писали совершенно обратное; где-то в середине игры главные герои заручаются помощью наркотилера, который необычно осведомлен в делах подпольных, и решает сыграть роль информатора для наших героев — решение о согласии лежит исключительно на игроках, однако этот эпизод прочли однозначно: гниение системы...; тем временем нашлись те, что решили занять метапозицию — политический комментарий, с их точки зрения дискредитирующий политический дискурс в принципе, призван обратить внимание на другой аспект нашего существования — моральный релятивизм и повсеместную иронию; обогащенные дискуссией, обсуждение вместо круга пошло по спирали — виток за витком приподнимаясь над поверхностью в какие-то совершенно заоблачные выси...

На фоне кручения кругов и спиралей мнения обыкновенных игроков, которым просто пришлась по вкусу история и то, как она представлена, вовсе была отодвинута на задворки — любители поискать идеологии и философии с надменно-ехидным выражением лица говорили им, что жаль, конечно, далеко не всем дано увидеть всю

глубину произведения. Возможно, они были правы, однако не отдавали сами же себе отчета — как и главные герои, они сами запутались в расследовании. “Не отвлекайся, Рональд, — говорил Алехандро, когда впотьмах, среди трупов, им предстояло найти ключ из западни, устроенной ими серыми кардинами, управляющими городской политикой. — У меня десять спичек. Ищи, — и спичка чиркнула о темноту, высекая несколько мгновений света; Рональд растерян: впервые его стоицизм дал трещину. — Девочки здесь нет. Хотя, возможно, мы нашли что-то более ужасное.”

Путь важнее цели. Тайна в детективе интереснее разгадки. Желая ответа, мы сами того не ведая хотим ответа избежать. Концовка в игре многим показалась разочаровывающей — детективы Соню не нашли, но рассекретили тайные правительственные проекты, вскрыли системные язвы, осветили карманными фонариками темные углы общества. Мир был закончен на седьмой день прохождения. Рональд остался к концу самим собой, пусть его стойкость и обросла трещинами сомнений, а Алехандро победил свой пессимизм и перестал стесняться увлечения букинистикой. Соня повисла над ними символом, как звезда, и ее отражения они видели во всем, в каждой прохожей девочки. В финале наши главные герои сидят в летнике и пьют газировку, и к ним подсаживается агент неких спецслужб, приглашая к себе на работу. Рональд может согласиться, а может и нет, неважно — вместе с Алехандро они отвлекаются на официанта, что всю игру служил им наркотическим информатором... титры.

“Думаю, есть еще концовка”. Лишенное прилагательного сомнения, это думаю утверждало с непоколебимой уверенностью. Думаю, Ян все и так знал, и тайны игры для него не были такими, для меня же он не подавал виду, хотя и не умел скользить коньками по ледяной глади обмана с проворством фигуриста.

Я же не хотел проверять, и с Яном мы для прохождения больше не встречались. От прямого ответа где Соня разработчики отказались. Анаграмматически можно было выудить из порванной записки (в файлах игры названную как “След Сони”) фразу “Она больше не здесь”. Она мертва? Возможно: по мере продвижения сюжета нам попадались разбросанные и ни на что негодные вещи без каких бы то ни было тайных функций — параллельно игрок мог коллекционировать найденные в закромах органы неизвестных людей. Реконструкция найденного могла бы позволить нам предположить, что это — части Сони, однако обнаруженный затем дубликат сердца — точная копия, двойник, идентичный орган — вместе со второй парой глаз в растворе заброшенной подземной нарколаборатории отметало эту версию. Во всяком случае ставило ее под сомнение. Где же Соня? Создатели решили оставить намеки и не давать прямого ответа. Путь важнее цели. Тайна в детективе интереснее загадки. Сущность искусства — ощущение таинственного и запредельного. Ответ рано или поздно будет. Реконструкция обнаруженного даст его. Но никогда — на блюде.

Провожая меня до дома, Ян заслонялся размышлениями о простых вещах — что приготовить на завтрак-обед-ужин, чем заняться летом, сменить ли работу, как жить дальше — и ни слова о девушках, мысли о которых отслеживал Осипов, прогуливаясь по округе и случайно заметив меня с Яном, когда сел покачаться на качели. Я его не увидел, но узнал об этом немногим позднее. В рукопожатии мы ненадолго прощаемся. Я укладываюсь спать.

М.О. Вы игнорируете меня?

Если посмотреть со стороны, то мои приготовления выглядели так: я отложил ручку; я оставил дневник в назидательно раскрытом виде для чтения призрачным соглядатаем, вдруг вышедшим из автомобиля и взглянувшим на звезды; я оставил — прервавшись на длинном тире.

Аркадий. Я буду через полтора часа.

Осипов засек время; в эту минуту он переходил дорогу, обливаясь потом, и на ходу пытался вскрыть упаковку сладких шариков (уберем название от всевидящего ока интеллектуальной собственности). Параллельно тому, как он сновал в поисках пустой лавочки, я перебирал гардероб. В моем шкафу, слева направо: в светофорном порядке развешана тройка костюмов, два легких черных пальто... высунув ладонь потрогать погоду, я нашел раствор свежести и тепла удовлетворительным для белой сорочки, переливающейся фигурами Роршаха, под шоколадный кардиган; стандартные черные джинсы под броги — прямоугольники солнца на полу успели за это время нарушить свою геометрию, пока я выбирал из мизерных трех пар на остатки от весны. Осипов тщетно осматривался, словно бы чувствуя, что за ним наблюдают, и думал, что почувствует щекой или затылком мое приближение. Сверился со временем сначала по смартфону, затем с наручными часами. Одни от других на минуту отставали. Я подождал еще, потом еще, и вот.

Из-под кустов на повороте родилась лавочка, приглашая присесть, ее древесный изгиб ортопедически поддерживал спину Осипова; из-под его подошв родилась лощеная брусчатка, из откинутой солнцем набок тени вырос предусмотрительный дуб (бутафор рассадил на развесистых ветвях пунктуацию почек, что скоро уже расцветут зелеными точками). Все было не безвкусно, но чрезвычайно просто — поскупились на массовку, ради приличия прогнали патрульный автомобиль на заднем плане, пока я не вышел из-за поворота прямо к детективу. Случайный Непольский щелкнул весь сквер на полароид — плохая память на пейзаж? — завтра, неузнанный, буду у него в стихах.

О, вот и вы. (Кто это сказал?). Обменялись рукопожатиями. Кто еще? Осипов рассказал про **Анастасию Полуэктову**. Такая же, как и остальные. Самоубийство? Ну, так по крайней мере говорят, Аркадий. Признаться честно, ее история прошла мимо меня, пусть и я пытался наскрести всевозможные самоубийства за последние несколько лет, увязывая их с Яном и его рассказами.

Частный детектив сидел, развалился на лавочке. Его демисезонное черное пальто лежало свернутым на коленях. В таком виде он был похож на школьного учителя: серый костюм, солнышки на синем галстуке. Я заметил, как из портфеля торчал краешек бульварного детективного чтива. Так что с ней?

Бывшая модель. Курите? Увы, я не могу рассказать детали расследования, имена... тогда зачем? Мне просто нужна ваша помощь, Аркадий. Огонек его сигареты вспыхнул, как спичка под лупой. Анастасия Полуэктова разъезжала по миру и звездой мелькала в карусели журналов супермаркетов — она была красива, бесспорно, и крайне молода. Осипов раскрыл свою книжку и с щелчком ручки пометил сегодняшнюю дату: **5 апреля**, шрифтом непременно жирным, как обычно помечают что-то **важное**. Что еще? Вокруг нее крутился, как это принято говорить, рой.

— Я не большой энтомолог, цитируя ваш абзац обо мне, который вы напишете чуть позже и будете порываться переписать, — проступал он на ясном чистовике моего письма, собирая в платок драгоценные капли пота в перерывах между затяжками. — Я сумел нарыть все самоубийства за ближайшие годы. Мне удалось их с горем пополам сопоставить. Кроме самого самоубийства в них есть нечто общее.

Я молчал. Голубь прохаживался у наших ног и беззаботно искал крошки.

— Это вы.

Отчасти ожидаемо. Но будь у меня карманное зеркало, я бы, скорее всего, все-таки увидел поднятые в полуудивлении брови.

Да, детектив Осипов? Что вы можете рассказать еще? Я вас не обвиняю, Аркадий, не подумайте. Он не смотрел на меня, а пинал на кончике туфель осколок просеянного солнца. Просто, хотя бы отчасти, но все они сходятся на вас. Анастасия Полуэктова

училась с вами в одной школе вплоть до восьмого класса в параллели. Вы могли пересекаться с ней на переменах. Затем она поступила в ваш же университет на юридический — соседний с вашим корпус — но не доучилась, так как окончательно погрузилась в модельный бизнес и вскоре издала книжку, произведшую фурор, кажется... как она называлась. **“Подлунный свет: жизнь без прикрас”** Анастасия Полуэктова — о модельном бизнесе и о подпольной его стороне. Сразу же после выхода в социальных сетях она написала, цитируя собственный эпиграф:

Я хочу сказать, что Аркадий Сквозняк — один из самых позорных и неприятных людей, с которыми мне приходилось контактировать за последние годы.

Пост затем был удален. Что произошло? Я отмахнулся. Если губы могут быть беременны улыбкой, то сейчас вместо родов случился выкидыш. Скучный поворот.

— Мне не очень интересно говорить об этом. Почему? Ну, так. Я надеялся, что ваши обвинения будут прямыми, вы же ходите вокруг меня серпантином с праздничным блеском заготовленной ловушки — как будто я не предвидел ее.

— Я знаю, что девушки не умирают просто так, и что их кто-то убивает. Падение из окна. Нож в животе. Вскрытые вены. Все это, безусловно, выставлено как самоубийство. Но у меня и моего клиента есть повод в этом сомневаться, — пометил, что сказал, Осипов в дневнике. — Все имена убитых связаны с вами, Аркадий. Я только не пойму как. У меня нет доказательств вашей вины. Более того — у вас есть алиби, иначе бы я не стал выкладывать все вам. Я откровенен, вы можете верить мне. И вы можете помочь мне найти убийцу.

— Вы очень много говорите об убийце. Но что если убийцы и правда нет, а вы лишь... многоточие... не знаю, выискиваете в этом последовательность? Вы не верите в то, что наблюдение за чем-то может это что-то изменить?

— Ох уж эта проблема интерпретации, — он закинул ногу на ногу и перекинул пальто на спинку лавочки.

— Это очень странный разговор. Так как будто не случается.

— Таинственным образом вокруг писателя возникают трупы, а он не знает, в чем причина. Таинственно, загадочно. Интересно. Что-то происходит, но всем все равно. Преступления есть, а, возможно, никаких преступлений и нет.

— В работе частного детектива мне всегда было интересно узнать другое. Я всегда знал, что стилизованные литературой диалоги весьма тривиальны на деле и касаются вещей бытовых, нередко это среднего качества интервью, но за счет предмета обсуждения — это всегда интересно. Нет, другое. Сколько вам платят за ваши услуги? Как считаются налоги? Как вы оформлены? Индивидуальный предприниматель? Просто берете наемное помещение и там раскладываете свои вещи? Интересно, а кто работает с вами еще? Напарник?

Он мог бы сказать: “сейчас вы мой напарник, Сквозняк” — это было бы слегка приторно, но драматически уместно; вместо этого Осипов молчал. Сам того не ведая, воспроизводя до мелочей реальный диалог, я находил в нем по-видимому не подразумеваемый подтекст.

— Ну, я пойду, — естественно, ведь что он еще мог сказать мне? предъявить обвинения? — Дай Бог — увидимся.

Подготовленный телефонный звонок — буквально несколько секунд спустя он поднял трубку и заговорил с кем-то на непонятном мне казахском. Вместе с лавочкой, тенью, мокрым платком в руке Осипов отъехал от меня, оставив где-то позади. Вы оглядываетесь напоследок, Михаил Осипов. Вы в последний раз промокаете лоб платком и в (поддельной) рассеянности выбрасываете его в урну. Закончив разговор, вы смотрите по сторонам, на простенькую пригожую улочку с закрытыми по карантинному

поводу магазинами и с разрастающимся цирком на фонарном столбе. Обернувшись, вы не находите меня. Вы читаете эти строки, Михаил, находя забавным такой вот слом четвертой стены. Искусный соглядатай, вы не преминете литературным вуайеризмом — и прочитаете их. Всполох догадок взлетит до небес. Растерянно умываясь и готовясь ко сну, вы вдруг посмотрите на себя в зеркало с приступом внезапной деперсонализации. “Боже, я же это где-то видел!” — про себя воскликнете вы (ведь Я в зеркале рта не откроет и повторно проверит, как оно побрилось). Я где-то все это видел, все это мне знакомо — с барабанной настойчивостью, с полнокровной навязчивостью пульсирует мысль. Она не дает покоя. Дети в квартире спят, в темноте жена похожа больше на грудку одеял. Ступая в податливую темноту, про себя вы будете говорить: Я — Сквозняк... я — Сквозняк... отвечая на эти мысли, прошелестят страницы прочитанных книг, любезно предоставляя ответы. Я Сквозняк, что я делаю? Каковы мои мотивы? Я живу напротив яркого небоскреба, и по ночам на мой пол ложатся прямоугольники серебряного, поддельно-лунного света. Я думаю о том, кто моя жертва? Я хочу власти над ними? Я заставляю их себя убивать? Я — Сквозняк... пустая из-под цветов ваза блестит налитым вином ночи. Нет, не им, это ведь ошибка, стекло не может, хотя, если подумать. То лучше оставить эти праздные размышления в духе _____. Я — Сквозняк... как я проделываю все это? Я проследил за ним. Тщательно изучив распорядок его дня, движений, обхватив своей паутиной его паутину вай-фая. Подозрительные сайты? Переписки? Я думаю о том, что Сквозняк был в моей власти. Да, Михаил? А если я все знал? Вам остается только гадать, что я знаю.

Вы забыли пальто. Ах, да! Благодарю.

Вот так часто проходили мои ночи — в состоянии, которое некоторые бы окрестили “типногогическим” — в сотворенных и не до конца сбывшихся воспоминаниях о крохотном Черноморе, о променадах с давно знакомыми посторонними, что отставали уже на следующей улице, пропадали за прошедшими поворотами, пока мысль фланировала индивидуально, как частица в галактике (в момент фиксации человеческим глазом приобретает другую форму). А поскольку воспоминания мои были продолжением более убедительным, чем сама действительность, то другой, более настырный и навязчивый соглядатай не мог уснуть с засевшей и не дающей покоя мыслью.

[3]

Точка входа

Он перевернулся с боку на бок, чувствуя себя как в прекрасном футляре. Зажмуренный глаз окна проливал очерченную по линейке линию лунного света на стеклянный мир, и Осипов подумал — как же хрупко, беззащитно и жалко было все вокруг, а рядом спала жена, иконы и притихший в темноте хрусталь. В соседней комнате лежали дети, у одного из которых была сыпь. Как будто весь мир доселе проходил сквозь и мимо, думал Осипов, и только сейчас в мыслях всплывали цепкие бесчисленные наблюдения, сами собой образуя модель чужого, навязанного счастья. Простые слова: ребенок, семья, дом — как студеной сквозняк приоткрытой форточки этой ночью, думал Осипов, стоя у окна, замечая вторичного Осипова, лежащего на кровати, который должен спать. Это тумбочка, похлопал он по прикроватному столику с книзу висящей, как его потенция, лампой. А тут лежат мои очки, думал Осипов пока думается, крутя футляр, и с каким-то шоком в рыхлом мозгу всплывали названия предметов и мебели

вокруг: вот жена, а вон вентилятор, вот торшер, а вон рабочий стол с не знающей покоя канцелярией.

Если бы это счастье представляло из себя систему из разыскных красных нитей, то на их исследование у детектива Михаила Осипова не хватит жизни, чтобы ответить на простой вопрос — а как, вообще, ко всему этому пришло, и почему толчком к этим мыслям послужил злосчастный Аркадий Сквозняк? Он облокотился о колени и согнулся над темнотой комнаты. Аркадий Сквозняк... есть что-то нечистое в том, что все погибшие девушки так или иначе были связаны с тобой. Через руку. Через две. Три. Неважно. Но почему ты? Нередко в интервью люди утверждали, что по косвенным признакам всегда узнавали в убийце человека нечистого на руку. Прodelки эффекта Барнума заставляют девочек верить в астрологические совпадения. Но даже М.П., один из самых кровавых маньяков, мог долгое время расхаживать на свободе, попутно убив восемьдесят (а то и больше) человек.

У него не было доказательств, кроме хорошо продуманной теории он не мог ничего предъявить судьбе, что указала бы ему дорогу. Армейский сослуживец однажды заметил Осипову: “ты просто гений въедливости”. Это словосочетание — гений въедливости — отпечаталось на нем. Вторичный Осипов найдет здесь пересечение нескольких нитей. “Да, что-то есть.” Влияние показалась ему сейчас столь колоссальным, что невольно он стал отмечать закономерности прошлого, что по проторенным тропам вело его к настоящему; как будто раньше за ним нескончаемым каскадом лил ливень, и вот только сейчас среди туч забрезжило солнце. “Всего этого я не замечал” — думал он: школа — армия — юридический — правоохранительные органы — частная детективная практика. Что там было? В мемуарах эта линия жизни не будет пестреть подробностями. Какой гений въедливости? Просто любил докапываться до всего. Если Бог есть, то это государство, и слава ему, что я больше не служу. Мне до сих пор снятся кошмары о школе.

На утро жена приготовила завтрак, поцеловала Михаила в висок, повезла детей. Он знал: жена ему не изменяет. Года три назад, когда он еще любил ее, он озаботился о ее подноготной. Тогда, в точно такое же утро как сейчас, он пил кофе, после чего занялся ею, а на вечер вся суетолака ее жизни была как на ладони.

Фамилия: Осипова (в девичестве Солнцева);

Имя: Аврора;

Отчество: Ардалионовна;

Возраст: 33;

Национальность: русская (с щедрым раствором кровей и парочкой греко-еврейских родственников по материнской линии);

Любимые привычки: кусание ногтей, заточка карандаша, бесцельное листание журналов у кассы;

Любимая история: как в детстве на даче по соседству жил ортодоксальный мусульманин (предположительно казах), что платил ей деньги за чтение Корана;

Особенности характера: не рассказывает о своих проблемах и беспокойствах, всячески отнекивается до последнего момента — “ну я же тебе много знаков подавала, ты не понял?”; немотивированные перепады настроения;

Особенности внешности: отсутствуют; упрекает кассирш, что они не спрашивают у нее удостоверение личности, и совершенно не поддается на уговоры Осипова побрить хотя бы подмышки;

Работа: психологический консультант и таролог; считает, что наличие денег обусловлено подчинением “энергии денег”;

Образование: юридическое;

Любимый фильм: _____;

Любимая книга: _____;

Любимая цитата: [...] © Аноним;

И даже подслушанный двухчасовой разговор с подругами, где они взаимно делились подробностями скудной постельной жизни, не дал Осипову никаких улик. Запись из того подкинутого диктофона только недавно была уничтожена в связи с нехваткой памяти и второстепенного нежелания иметь заряженное ружье _____ над головой. Совсем недавно они зашли на его вечернюю постановку в местном провинциальном театре — продавали завернутый в фольгу шоколад и упаковки попкорна, она взяла и то, и другое — и вышли: она в слезах, а он с недоумением и вопросом: что же было смешного? Как и в случае со Сквозняком — ему казалось, что он не разглядел чего-то фатально важного. “Ты просто бесчувственный сухарь” — сказала Аврора и, как это часто с ней бывало после слез, с блеском в глазах старалась поделиться животрепещущими чувствами с каждой веточкой, камнем и зверушкой, встреченной на пути. Он же, с опозданием обострив внимание, только больше замечал, как много проносится мимо него: женщина с коляской и плачущим ребенком, старательно убегающая от догоняющего их мужа; компания полупьяных интеллигентов, смело беседующих о рыбах и антисмертных реформах — не разобрать слов, все слишком быстро; хотя бы тот нищий в синем пальто, ковыряющий мелочь в поздних сумерках под фонарем — может быть он подождет и не будет торопить жизнь? Но нет, вскоре поиски увели его в крошечную темноту.

Дома они не включали телевизор и еще много чего не делали, а магниты из разных уголков мира на холодильнике, что куплены на одном рынке, напоминали о Париже на открытках из СССР.

— Надо проверить, сделали ли дети домашнее задание, — они спали у себя в комнате, свет был выключен, но Осипов даже не проверяя знал, что под одеялом они освещены смартфоном. — Ты хочешь есть?

Он не хотел, они не хотели, и оба легли спать. Тихо, чтобы не было слышно, Осипов выполнял супружеский долг с ожившей внезапно женой, когда свет в квартире погас. Всегдашняя возня — в темноте плохо видно, вдобавок душно и жарко, — несколько десятков толчков, четыре-пять минут. Перед тем как уснуть она поцеловала его в щеку и отвернулась к себе. Все-таки, как изящная куколка насекомого, она чувствовала себя любимой и поэтому любила мужа. Он же, перевернувшись с боку на бок, подумал — зачем вообще нужна такая жизнь, эта жизнь?

Он выглянул в окно. Сна ни в одном глазу.

Ты убиваешь их ночью, Сквозняк; может быть, ты убиваешь их во сне, как чудик из фильма ужасов. Нет, думаю, нет. Ты прячешься при свете дня.

Аркадий Сквозняк был в сети в 05:12. Осипов сидел в машине и смотрел то на подъезд, то на часы. В конце концов решив, что ждать Сквозняка раньше полудня нет смысла, он откинулся в кресле и сложил руки на животе. Насколько детектив мог судить, Сквозняк нигде и никогда не работал. Его имя и фамилия не числятся ни в одной организации. Откуда он брал деньги? За этим вопросом он полез в самые глубокие дебри его финансовой истории. Об отце Сквозняка не было никакой информации кроме той, где он являлся владельцем ресторанного бизнеса — который, вестимо, по наследству отошел семье. Но что потом? По его расчетам, семья уже давно должна была потратить все накопления. Инвестиции? Возможно, хоть и личность Сквозняка вызывала сомнения в том, какой он из себя делец. Мать?

Скромное образование в области литературы и языка. На сайте среди репетиторов не замечен.

Впрочем, возможный уход от налогов, махинации с финансами — не та чашка чая, которую Осипову хотелось бы отпить из этого дела. Как и не было у него никакого желания сажать Сквозняка “просто потому что”. Он оставлял тайный просвет невинности для него, тем более, когда железных доказательств (честно говоря — вообще никаких доказательств) у него не было.

Как будильник, зазвонил домофон. Скрипнула дверь.

Нет, не он. Какой-то худощавый мужик в очках выносил мусор.

От нечего делать он достал из бардачка тонкую книжку в темно-пурпурном переплете с обольстительной девицей на обложке, прильнувшей к обстоятельно суровому плащеносцу в шляпе и с сигарой в пальцах, и с не менее завлекающим названием — “Струна бессонницы”. Тихой радостью захлестнул его открытый на закладке текст — с. 64. Осипов любил бульварное чтение. Детективы — guilty pleasure его досуга. Он стеснялся признаться, что любит читать. Ему не повезло в свое время со школой: когда одноклассники увидели его читающим, то засмеяли. В младших классах школьники так иногда осмеивают мальчишку, что признается понравившейся девочке в любви — и да, эта же история с ним тоже была.

На умозрительной миниатюре вымысла из рамки ладоней вспыхнул громогласный дым перестрелки, из которого тотчас родилась немислимая автомобильная погоня. Детектив Альберих высунулся из окна с блестящим лакированным револьвером и опорожнил шестизарядный барабан в неуловимого Либерта, что с поворотом и резвостью перелистываемой страницы завернул с улицы 64 на 65. Многоточие светофора знаменует автомобильную аварию — красный свет — восклицательный знак стоп! “Тебе конец, Либерт, — суматоха упавшей в обморок ночи: нечетные окна зажглись в порядке падения; блеск револьвера и запах пота в воздухе. — Сдавайся.” Вот это все — прекрасно. В один момент лицо Альбериха стало дубликатом Осипова, тогда как Либерт оборотился Сквозняком. “Я могу сдать, — сказал Сквозняк, — но в таком случае я убью себя. Но ведь самоубийство — это как раз то, за что вы меня преследуете, разве нет? Я развалюсь на части, и тебе меня не собрать.”

Ну сколько можно.

Осипов стал на паузу. Мысли о смерти всегда оканчиваются осознанием своего бессмертия — что правильно. Ведь я умру, и что потом? Черета стадий разложения и слияния с вечностью неопределенной религиозности, но если же Бога нет, то и так ты станешь в скорейшем будущем пылью звезд — в симфонии взрывов планет и вспышек сверхновых механизм случая определит твои остатки для будущей иномирной жизни: там, где звездная пыль твоих конечностей воплотится в фундаменте чьей-то цивилизации, тогда как иная часть, бывшая сознанием, окажется хрустальной россыпью созвездий под незнакомым миром — какой-нибудь схожий с человеком вид родит художника, что изобразит звездную ночь.

Ведь если так, то и смерти нет — лишь смена бытия, как одного ночного одеяла на другое. В таком случае вопрос религии — дело вкуса, а выбор Бога не отличим от выбора товара в галантерейной лавке. Осипов открыл окно подышать. Подул ветер, готовое солнце превратило зеркальный трепет тополиной листвы в ровную морскую рябь, по которой плыла утлая лодка, звеня уключиной сквозь подвешенную синеватую дымку. Да, вот он, промелькнувший иной мир.

Служка за Сквозняком была не из интересных. Осипов начертил схему его вылазок из дома: по траектории в сторону парка отдыха или кафе (в обоих случаях через плечо перекинута сумка с приготовленной под погоду книгой), после чего треугольник замыкался угловатым променадом с фотографированием деревьев, автобусов и фиолетовых окон. Иногда происходили знаменательные события, когда он совершал

рейд в магазин и, обогащенный запасами еды на неделю вперед, больше туда не совался; еще большая редкость — встречи с божественными знакомыми: случалось ровно пару раз; они были в медицинских масках, черных очках, кепках, со всей строгостью относясь к карантинным мерам — и чуть ли не буквально пропадали из поля зрения в мгновение ока, когда Осипов старался за ними уследить. В такие моменты детектив, расслабленно правящий автомобилем, подрывался, чуть было не попадая в автокатастрофу. Аркадий Сквозняк, оборачиваясь на свист шин, следил как солнце путешествовало по поверхности колесных покрышек и говорил: “Как это красиво...” — когда в импровизированном закате Осипов заворачивал за угол.

У многих бывало такое, что не заинтересованный футболом, тебе усердно приходилось запоминать названия команд и игроков, чтобы просто поддержать беседу. Осипову казалось чем-то само собой разумеющимся это умение адаптироваться, что он даже удивился, когда у него стало не получаться. Преступники, особенно убийцы — как правило не самые интеллектуально развитые люди, нередко лишенные рефлексии. Так, однажды в полицейскую юность, ему пришлось играть в покер с одним наемным убийцей, и строя из себя шестерку-мошенника с кастетным набором междометий в речи, он выуживал информацию о его людях, съездах-разъездах и полунамеки предстоящих планов — и хоть в карты он тогда проиграл, но собрал полный флеш-рояль, позволивший усадить посредственного бандита, но незаурядного покериста на долгий срок.

Со Сквозняком было иначе.

Три месяца слежки прошли с головной болью, как от серии пьяных вечеринок, в первую очередь из-за не самого практичного словаря, который ему пришлось усвоить, дабы банально понимать возможный шифр бесед подозреваемого со своей группировкой. Имея при себе неплохой шпионский набор, Осипов воспользовался им в полной мере: на второй месяц слежки, когда предсказуемый маршрут Сквозняка был расписан, он подкараулил очередной его выход из дома, вскрыл дверной замок набором отмычек, и напичкал каждый угол квартиры подслушивающими устройствами: одно под кроватью, один в светильник на письменном столе, два других в лампочки на кухне и в гостинном зале... на остальные не хватило времени.

В подъезде раздались шаги.

“Да ну, серьезно?” — в панике подумал Осипов.

Он понял, что это Сквозняк — по резво перепрыгивающим зараз три ступени ногам, едва слышимым вздохам лестницы, в конце концов шуршанию пакетов — и двинулся на балкон. Третий этаж. Третьичная мысль воскликнула о том, что Сквозняк наверное заметит незакрытую дверь. Плевать. Вниз!

Со звуком открывающейся двери, Осипов перелез через перила, мысленно перекрестился и пополз по скользкой газовой трубе, что нередко можно заметить на стенах старых четырехэтажных домов; вероятно, в этот момент Сквозняк ставил пакеты на кухне и недоумевал, пытаясь вспомнить — а закрыл ли я в принципе дверь? Если бы он выглянул на балкон, то увидел, что детектив Михаил Осипов прыгает с газовой трубы на водосток. Труба стонет, и с гулким звуком из нее высыпался мусор. Сквозняк на миг застывает, прислушиваясь к шуму, и идет на балкон. В этот момент Осипов, соскользнув, падает на землю и стремительно отбегает в укрытие.

Во дворе пусто. Никого — заключил Аркадий Сквозняк, все еще прислушиваясь к себе, проверяя комнаты, шкаф — и запирая на замки все двери, прикрываясь козырьком ладони от солнца.

“По крайней мере половина дела сделана” — тяжело дыша, думал Осипов, придерживая ноющую левую руку. Несколько месяцев он провел за тем, что тщательно

прослушивал царствующую тишину в квартире Сквозняка с редким фоновым шумом включенной стиральной машины и невнятно звучащего кино. Пару раз так Осипов принял хрустально ясную реплику — “они не думают о том, как на самом деле обойтись с этой жизнью, что на самом деле таится под водой, как на самом деле вы все уничтожите себя” — за чистую монету во всей ее потусторонней интонации и значении; позднее, прогуливаясь по рынку в поисках обуви на осенний сезон, он разубедился, услышав тот же самый голос в рекламе подкаста от “Фиш Пресс”. Успокоился: в конце концов тогда ему начало казаться, что вдруг он начал сходить с ума.

Несколько раз в гости к нему заходили друзья-философы, обсуждая с ним аниме, многоизвестную Алису и — можно ли сказать, что память в рассказе у Сквозняка аналогично той, что была у _____. Неверно, конечно. Скорее, ее можно сравнить с концепцией в романе _____. Осипов не привык слушать сложный синтаксис. Он отвык от него что в книгах, что в бытовой речи. Оттого ему приходилось переслушивать некоторые записи по несколько раз и поневоле заглядывать в словарь — в конце концов, вдруг это шифр?

Он справился о всех возможных переключках и потенциях подтекста у друга-головастика: хлипкие очки, держащиеся на скотче, сальные волосы и общее равнодушие к внешнему виду выдавало в нем, на взгляд Осипова, любителя компьютерного вуайеризма — он любил читать слитые переписки и подглядывать за интернет-дискуссиями, особенно за теми, что происходили в закрытых чатах. Нетрудно сообразить, что такой человек с большой радостью залезет длинным носом в самое лоно смысла. Увы, выбрался он с сухим носом — ничего нет, ничего интересного, а все, что неинтересно — неважно и непонятно.

Тем не менее окружение Сквозняка не осталось без внимания детективной лупы Осипова. Причудливые их взаимоотношения не позволяли ему действовать в очередном порядке. Следуя за одним, Осипов невольно переключался на третьего, тогда как автонавигатор каким-то немислимим образом указал в маршруте адрес второго, четвертый... на четвертого не хватило глаз, бензина и чернил в ручке, оттого, возвращаясь к Сквозняку, пришлось в перерыве сходить пополнить запасы — как знать, вдруг именно в такие моменты злополучный управитель самоубийств и вершит свои темные дела, прознав о чутком детективе? Ерунда, Михаил, параноишь. Тебе нужно отдохнуть. Скоро выходные, каникулы у детей — пора бы развеяться. Ты уже путаешь имена друзей Сквозняка.

Его звали Георгий. Простой парнишка, музыкант, ходит в круглых черных очках. Узок в плечах; когда гуляет, то корпус тела наклонен вперед, стараясь как будто опередить свой же шаг. Бледный. Пройдя с ним от утра до ночи, Осипову совершенно не хотелось спать, а дневной свет вскоре сменился знакомым квадратом фиолетового неона, обещанием лучшей жизни освещающим квартал.

Сперва могло показаться, что наркоман, однако слежка позволила вывести на то, что Георгий занимался закладками; пройдя теплотрассным маршрутом Георгия, Осипов мигмом обнаружил пакетик. Перед глазами тотчас всплыли картины подростков, удушающие себя пакетами с клеем. Глядя на них, на безлюдную улицу, на закладку, Осипов поймал себя за размышлениями о том, что ему приходится размышлять — оставить или нет? Неоновый свет. К черту.

С Георгием были проблемы только в одном ключе — Осипов чуть было не перепутал его с Рубеном, которому первый торжественно вручал гитару. Оба были до жути похожи средь бела дня прикидом — разве что армянин имел куда более здоровый цвет лица, прямую спину, а оба уха его проколоты. Призраком пройдя мимо них, он услышал, как второй говорил о проблемах с женщинами. Гей. Слежка не показала

ничего, кроме его знакомств с диаспорой — мимо. Этническая преступность его мало интересовала.

Дальше... дальше трудности. [Ерунда, Михаил. Параноишь. Тебе нужно отдохнуть. Все это не нужно, все это мелко. Не сходи с пути. Мир криминала порочен. Лишний, ненужный, — брось эту монету, она не из золота. Вычеркнуты: Владислав, Монастырский... перечислить через запятую, впрочем, никто не дойдет.]

Затем день за днем он шел по пятам Аркадия Сквозняка: прохаживался между магазинных полок, где ходил он (однажды он даже стоял за его спиной, краем глаза уловив, как тот выбирает мороженое), подключился к его истории браузера (путем нехитрой манипуляции с роутером — на этот раз никаких прыжков с балкона) и наблюдал, как статьи о древнеримском поэте в причудливой метаморфозе перетекали в порно, а биографии поэтов и писателей XX века — в криминальную хронику... опа. Итак, Осипов [...]

Осипов провентилировал не все вопросы — как то: подход к избранию жертв у Сквозняка; сообщники; его связь с криминалом, которую помешала установить в отношении Сквозняка навязчиво любящая жена, потянув любимого мужа за загипсованный локоть в поездку по магазинам и кафе-мороженое для детей — оттого в салоне автомобиля было так на редкость душно. Шло лето; полуденный безоблачный зной, пора отпусков, белеющий в окне на солнце гипсовый локоток.

— В последнее время ты очень много работаешь, — Аврора, прикрывшись от солнца, сидела в кресле, как приревновавшая жена. Все, что она говорила, было спущено в трубу. Муж ничего не услышал. — Алло?

— А, да? За что? — он просунул загипсованную руку через петлю. — Прости, неудобно просто.

— Я не об этом, Миша, — она покачала головой; почему-то его растерянность не позволяла ей на него долго злиться. Его пристальное внимание ко всему вокруг парадоксальным образом заслоняло из поля зрения внимание к семье, к детям, к ней, что по-настоящему важно... ну или как-то так, все поняли, ей трудно было выразить это словами. Она гордилась, что сперва думала, прежде чем что-то сказать. Поэтому Осипов услышал только одно: — Ладно. [Я встречу с подругой вечером в кафе.]

Ладно.

Накатанный асфальт, вымощенная солнцем улица не позволяла рассмотреть мелочи. Казалось, что днем Черноморск обладал скорее свойствами, нежели вещественностью. Осипов, не глядя ни на светофор, ни на что вокруг, нутром, сам за собой не замечая, улавливал, как вспыхивающие где-то на радаре сознания краснота и зеленота правили его движениями. Так, возможно, видели мир слепые — уверенные в ровности дороги, тросточка вдруг сталкивалась с бордюром по левую руку, и временно свойство границы, граничность — поводырем вела его к внезапно зазявшей пустоте — дорожному переходу, где сигнал зелености давал указание переходить (в уме такого слепца дорожный регулировщик отличался от светофора лишь отсутствием абстрактной “человечности”). Дозволенная тень под четой берез на соседней улице выглядела как паллиатив смерти во времена, когда умирать никак и никому нельзя без административного разрешения. Внимание солнечных батарей, поднявших лица к небу, в чреве переваривали безвозмездный кредит на ночь до следующего утра — раз: и с каждым днем мы ближе к тому, чтобы солнце никогда и никогда не кончалось.

Как будто винтик отрастил в один момент глаза и мог сказать: я — это часть; как будто в слепом мире, помимо свойств, явило себя что-то еще, независимо бродящее и засквозившее — Осипов взглянул на сияющую панораму торгового центра с десятком солнц в каждом и услышал сдавленное: “помогите!”

Он с напускной невозмутимостью выключил двигатель; Аврора и дети засобирались. “Ты идешь?” — “Я вас догоню.” И оставшись один, он отдирает от тела взмокшую от пота майку, пил нагретую в бардачке бутилированную воду и вслушивался — может, он услышит еще раз это помогите? Он точно мог сказать, что это кричала женщина. Девушка. Девочка. Он посмотрел на парковочный ряд греющих спины автомобилей. Никого, ни звука. Но если нет, то каждый следующий день он будет винить себя в том, что ему не показалось, что он упустил шанс. Выйдя наружу, он заглянул в салон каждой припаркованной машины, но ничего не обнаружил. Позднее детектив Осипов будет вспоминать эту сцену, когда, прослушивая Сквозняка, он услышит:

— Я прячусь на свету.

[***]

А теперь внимание, Михаил.

Взгляните на молчание черных пространств над ними. Вы увидите закономерность меж слепящих светил. Вы испугаетесь и сами того не ведая — ловко обернете свой страх паллиативом безопасности — фразой: у всего есть объяснение. Да, это оно: нахождение смысла. Природа не терпит пустоты, а разум не терпит бессмыслицы. Мы придумали Бога, разумеется, но уже Бог неусыпно следил за нами единственным глазом — солнцем.

Лишь в царстве тени мы можем создавать все дивные миры.

Письмо было озаглавлено как “Манифест тени”, и Осипов, стоя посреди полупустой квартиры Аркадия Сквозняка не мог взять за ум — куда он исчез? Зачем? Он оглянулся. “Я — Сквозняк, — подумал он, — я — Сквозняк.” Я — Сквозняк. Что я буду делать? Что я делаю? Куда я пропал? Посмотри, Михаил, на свои ладони: сквозь пальцы горсть невидимых песков времени, блестя и сверкая, призрачным водопадом тонет в луне эхом потухших звезд. Пора домой. Спать.

...

[...]

Пусть мысль его рассыпалась на многоточие, он собрался с силами. Вокруг него ничего не было. Обособленные предметы помещения отменяли бытие неприступным равнодушием. Ни выдохнуть, ни вдохнуть. Сперва как рыба на залитом солнцем песке во время чтения, теперь он — сверхмассивный левиафан, беременный сверхновой посреди черной и нерасписанной вечности. Черным было все вокруг. Свет еще не успел продлиться. От такого тотального одиночества у Осипова заслезились глаза. Весь мир был для него вдруг был каким-то белым листом и пасмурным небом, которому еще не успели придать красок и облачных фигур. Сейчас же он чувствовал, что мог бы и без посторонней помощи окрасить его чернилами на нужный лад.

Люди забывают, что даже окружив себя кожаными мешками, они не избавляют себя от пустоты. Говорят, что трудности заставляют умных людей действовать. Чушь: не более чем попытка бросить веревочную лестницу в небо. На самом деле, ум лишь позволяет увидеть куда больше проблем. Парадокс интеллектуала — самозакапывания от того, как все плохо вокруг, как тяжело, как найти ответы на придуманные вопросы и как справиться с тем, что мир катится в ад.

Оказавшись в квартире Аркадия Сквозняка, Осипов обнаружил себя вдруг придумывающим вопросы, на которые не было ответа. В жизни случается такое, когда ты вдруг оказываешься в ситуации, которая напоминает сон и ожившую метафору.

Во-первых, Сквозняк исчез. Его не было нигде.

Во-вторых, он не мог проскользнуть мимо. Это было исключено.

Когда он вошел, то дверь не была заперта: ключ был в скважине, замок не повернут, и ему предстала пустая квартира с внушительным книжным шкафом, пустой гардеробной и запароленным ноутбуком, поверх которого лежало вышеназванное письмо. Взломать его будет не проблема, однако это не избавит Осипова от остальных вопросов.

Он рисковал, находясь здесь, но разоблаченный в письме, продолжал стоять. Сев за стол, он принялся ждать Сквозняка. Стояли сумерки. Он представлял, как может застать Сквозняка врасплох, повернувшись к нему в кресле как только услышит запирающуюся дверь. Прокрутив ситуацию в голове, он не менее десятка раз отрепетировал жест и слова: “Ну здравствуйте...”

Но Аркадий Сквозняк так и не появился. Когда стемнело, Осипов вышел вон, оставив все на своих местах, проверил жучки, на всякий случай протер платком все места до которых дотронулся, сел в машину, и, с чувством, что наблюдают уже за ним, выехал на пустую улицу. За недель до этого случая Осипов стал замечать небольшие странности, тогда ему не показавшиеся столь значительными: мигающий свет в окне, транслируемый искаженный звук на пятнадцать минут раз в три-четыре часа, отчего было не разобрать, что там вообще происходит; исчезновение бродячих собак и котов (раньше стабильно кто-то да появлялся). Что-то случилось? Происходило? Происходит сейчас?

Он не прекращал слежку за квартирой. Поворачивая время вспять, он пытался отыскать зацепки в мириадах дней. Как и всегда, Сквозняк редко выходил днем. Как и всегда — нелюдим, но чрезвычайно доволен своим положением. Зачем он покупал одежду? Не нуждаясь в посещении раутов, он стабильно раз в месяц покупал один-два комплекта выходной одежды. Смотря на чернеющий подъездный зев, он при свете смартфонного фонарика просматривал записную книжку на предмет значимых заметок. Казалось, что за установлением его пищевых привычек и аллергий (не выносил, например, цитрусовые в чистом виде), размеренного быта, состоящего из походов в парк для чтения на лавочке и регулярных пробежек (стабильно двенадцать стадионных кругов), он упускал главное; в момент увидев, как будучи затворником, Аркадий Сквозняк находится в прекрасном расположении духа и практически лишен омрачающих его здоровье недугов, Осипов задался вопросом — а точно ли я не ошибся? а что я делаю со своей жизнью?

И в тот самый момент, когда он усомнился в его виновности, искомое опровержение само появилось на горизонте.

Вечером, что отбрасывал тень высокого дуба на четырехэтажный дом Сквозняка, подул легкий ветерок и на небе сгустились тучи; закат пообещал студеную ночь — ту ночь, что ждут двое влюбленных, сидя на отвесной скале где-то над загородной долиной и наблюдая, как дамба извергала водопад, и каскады воды взрывались белой пеной и брызгами, чтобы потом растянуться по всему горизонту до невозможности тонкой нитью, — а далеко вдоль уходящего ручья, если повернуть голову направо, на берегу сидели три черные точки — рыбаки, забрасывающие удочки в оливковую реку, над которой сгущалась туча. “Будет гроза” — подумал мальчик-рыбак, и все вокруг шелохнулось от холодного ветра, что принес запах степи: сухой и выгоревшей травы; именно этим вечером Михаил Осипов, сидя в томленном автомобиле со скрипящими кожаными креслами при каждом движении, увидел доселе невиданного гостя Сквозняка.

Рыжий. Носит очки. Рюкзак за плечами. Штаны на подтяжках. Берцы.

Кто-то новенький, раньше Осипов его не видел. Проследив взглядом за всплывающей в окнах тенью, он остановился на этаже Сквозняка. В его окнах зажегся свет. Транслируемый звук сообщил об открывшейся двери. Обмен приветствиями.

Детектив насторожился. “Где ты был эти две недели?” — приглушенно, но разборчиво задал вопрос Сквозняк. “Небольшие дела. Ты помнишь Евгению?”

Перемена была столь стремительна, что Осипов не успевал за именами, явками и событиями. Машинально, не пытаясь сию же секунду все склеить, он записывал голые факты разговора.

Для начала, его звали Ян...

[...]

...Шорох; колебания неизвестного источника, перечисление через запятую бытовых междометий, диалоговая тишина. Автомобиль Осипова стоял под сумеречным вязом. Приоткрыв окно подышать, он на пару мгновений позволил себе обольститься покоем пышного цветения двора, пока непрополотая трава не засверчала. Как в джунглях, откуда-то что-то заухало, перекликнулось, каркнуло, перелетело. Сидя под окнами опустелой квартиры Сквозняка с черным саваном на его окнах, Осипов вспоминал, как точно так же сидел за тонированными окнами заднего места, обложившись аппаратурой и бумагами несколько недель назад, как из подъезда вышел Ян, разгоняя налетевших комаров и мошек; прогоняя воспоминания, как запись камеры видеонаблюдения, он заподозрил дефект в съемке; Осипов пришел к выводу, что стоявший у подъезда Ян в минутной заминке перед розжигом сигареты не прогонял насекомых — блистая зеницами со светом украденного огонька, он помахал Осипову в темноте.

Когда, два дня спустя, Осипов дежурного интереса для проследовал за Яном пешим ходом по улице, держась на почтительном расстоянии, он не заметил, что тот водил его кругами; каждый раз, когда Ян приседал завязать шнурки, то краем глаза проверял следует ли по курсу Осипов.

Его озадачивали некоторые поступки рыжего парня: зачем, например, было переставлять товар в магазине с полки на полку; для чего идти по грязи, когда есть более чистый и короткий путь; кому вообще взбретет в голову, что купив маску Граучо Маркса — вы обеспечите себе хорошую маскировку? И только вспомнив, как шел за Яном два квартала, чтобы затем рыться в выброшенном им мусорном мешке, и не обнаружив там ничего, кроме выкинутого нижнего белья, — Осипов ударил себя по лицу, сетуя, что не заподозрил ничего с самого начала.

Реконструкция чувств и памяти — это процесс длительной самокреации, а не возвращение в прошлое. Наблюдая что-либо, ты тем самым искажаешь объект наблюдения. Что уж говорить о самом себе?

Семья **Анастасии Полуэктовой** была не из бедных. Сразу после смерти дочери отец с матерью прекратили совместный быт; возникающие по пустякам прения, взаимные посягательства на личные границы вкупе с конфликтом мировоззрений и тянувшейся с самого начала тяги к друзьям-знакомым друг друга оформились в развод.

Встречу назначил Виктор Полуэкт, разбитый горем отец, просто не поверивший, что его дочь могла покончить с собой. “Я абсолютно уверен, что ее убили.” — сказал он, попеременно нося то траур, то мысли о том, как распорядиться с имуществом дочери. “У вашей дочери были недоброжелатели? Говорите, она модель, может быть...” — “Она написала книгу! Честно скажу, я был удивлен, что она там написала. Она никогда этого всего мне не говорила. И про моделей, некоторые из которых подрабатывают проститутками, а их агентства их к этому подталкивают...”

Дочь Полуэктова, разумеется, была чиста.

Это было гиблое дело. Что, в конце концов, можно сделать с самоубившейся? Записок после себя она не оставляла, так что отпадал даже вариант о деле по

принуждению к самоубийству. Компьютер был стерилен, а электронную почту и дайвинг в ее соцсети не стоил выделки. Поэтому совершенно неудивительно, что в кабинете следователя, болезнь легких которого избавила его от необходимости очищать вечно сверкающую пепельницу (невольно декоративную), отца развернули с прерывистым кашлем из короткометражных аниме про загрязнение окружающей среды: “Мы... сообщим вам... если что-то узнаем!...”

Ничего, разумеется, не сообщили.

Среди частных детективов считается негласно бессовестным брать в оборот заранее гиблые, ни к чему не ведущие дела; куря сигарету, такой частный детектив, взглянув на перспективу дела Анастасии Полуэктовой, возьмет пальцами два оборота зажженной сигареты и пустит три сизых круга под потолок прежде чем в мыслях закрутятся возможности развития, чтобы потом, покрутив глазами, признаться, что у него закружилась голова от самой мысли потенциального хождения кругами.

Но куда более бессовестным, посудил Михаил Осипов, видеть готового потратить деньги отца на то, чтобы поговорить с дочерью сквозь обещанный призрачный сквозняк спиритуалиста — и не согласиться хотя бы дать ему надежду. Заключив так, детектив сказал Виктору Полуэктову ознакомиться с условиями договора, заполнить здесь и здесь, подписать тут и тут, внести предоплату и — “если вы сочтете нужным продолжить, то вам будет необходимо внести дополнительную плату; уверяю вас, что расторгнуть договор можно в любое время...” — и тэ дэ и тэ пэ, в общем, Михаил сделал все, чтобы Виктор чувствовал себя как небо, поддерживаемое ладонью —, что памятником нерукотворным прогуливается у Русского музея.

Надежд на плечи не возлагая, Осипов и Полуэктов разошлись, пожав друг другу руки; и Михаил принялся за расследование.

Он пошел в книжный магазин, купил книгу Анастасии Полуэктовой и откинулся в мягком кресле домашним вечером. За бокалом портвейна, сопровождаемый одним лишь звуком — поскребыванием кленового сучка о застекленный балкон, он прочитал первые сорок страниц.

— Когда мне предложили наркотики, то я отказалась. Девочки говорили мне, что без них ты не выдержишь. Я не понимала о чем они. Но когда ты позируешь три с половиной часа, а потом тебе вдобавок нужно заниматься нетворкингом, то я поняла, о чем они говорили, — держа ромашковый букетик, Анастасия то и дело поправляла полы белого муслинового платья, прикрывая разодранные колени; в быту она всегда носила белое — мать приучила ее к этому цвету якобы для того, чтобы дочка была приучена к избеганию грязи. И хотя та всегда называла дочь неряхой, среди сверстников Анастасия отличалась безукоризненностью гардероба и обстановки ее кочующих меблированных комнат. Когда она повернула взгляд к сидящему рядом Осипову, то он заметил, как она смотрела уже не на него, а на пестрый подиум где-то позади; на череду городских панорам с видом из окна такси; на ровный бег вагонного купе, где казахская степь с частыми кладбищами в милых солнечных венках сливалась в общую струю с выбегающими навстречу деревнями сибирской России и средней полосы, где на крышах вьют гнезда вороны, — со следующей страницы героиня перелетает в Европу, затем в США, а после возвращается обратно с распечатанными для холодильника и родителей фотографиями. Когда, наконец, Осипов почувствовал, что стал окончательно прозрачен и разоблачен, а его фигура висела в воздухе, и сюжет протекал сквозь и мимо, как остатки портвейна, он отложил книгу в сторону.

Разумеется, ничто в книге не указывало на возможных убийц. Следя за тем, какой крюк огибает повествование от эпиграфа к центральным главам, можно было бы заподозрить у Анастасии Полуэктовой недюжинный сочинительский талант. Продираясь к нему через терний анекдотических историй про то, как некоторые

модельеры приказывали моделям устраивать дефиле в одежде украинских бездомных, и как многие из них признавались из них в любви к России после командировок в Китай и Южную Корею, — он параллельно обзванивал и наводил справки об отдельных лицах, решив не терять времени (как окажется позже — потерял тем самым еще больше) и перестраховаться. “Ты везде с ней таскаешься” — за очередным завтраком сказала очередная Аврора, собирая после очередных детей и неодобрительно смотря на изрядно помятые мемуары модели (одним вечером втайне пролистает страницы, надеясь уличить мужа в мастурбации на откровенные фотоснимки или модельную клубничку — по невнимательности и лени ни снимков, ни клубнички в книге найдено не будет).

Сам детектив потаенных упреков жены не замечал, пропускал мимо, и даже решая мелкие дела с восстановлением чужих родословных, пролистывая газетные хроники минувших лет и изучая архив, распечатывая сведения о дальних родственниках там и сям, обнаруживая раскулаченных, расстрелянных, растерзанных, — распечатывая и передавая сердобольным потомкам стопку призраков минувших предков и на чистом казахском сообщая: “Это все, что мне удалось найти” — он ни на секунду не упускал мерцающий мираж развевающихся платьев на хрустальном подиуме его воображения; ну конечно же он не мог и не имел права читать все залпом.

Что в конечном итоге обернулось против него. Когда за очередной месяц расследования Полуэктов внес плату (“Ну как результаты? Скажите что-нибудь!” — “Честно скажу: прогресс невероятный!”), то Осипов купил по пути домой в летнике стаканчик холодного лимонада. Четвертый? Нет, кажется, уже пятый месяц расследования. Сбилса со счета. Август.

Дома Осипов продолжает. Наконец, дойдя до полной цитаты...

Я хочу сказать, что Аркадий Сквозняк — один из самых позорных и неприятных людей, с которыми мне приходилось контактировать за последние годы.

...его пробил пот. Вот:

Я хочу сказать, что Аркадий Сквозняк — один из самых позорных и неприятных людей, с которыми мне приходилось контактировать за последние годы. Просто невероятно! Он не захотел придумывать эпиграф, сказав, что ненавидит чужие слова. И вместо этого начал жестко перекраивать мой текст! Я была возмущена. Я смеялась в голос. Но затем я поняла: он прекрасный литературный редактор. Я была просто околдована. Сейчас, когда вы это читаете, вы должны знать, что многие последующие истории появились благодаря ему. Именно он посоветовал мне внести их. И именно он приложил руку к тому, что вам так гладко их читать.

Была.

Просто.

Околдована.

И это, мать его, все?

Его водили за нос. Сплошной хождение вокруг да около. Надо было просто закурить. Просто закурить. Просто закурить. Возьмем, как говорится, метания за скобки.

Я просто потратил время зря. Ты просто потратил время зря. Я... да все. Я развернул машину и увидел, как вы вдвоем машете мне Мы машем тебе вдвоем. Мои руки бессильно сжимали руль, а светофор перемигивался с красного на зеленый и обратно, позволяя себе баловаться в отсутствии прохожих и проезжих.

Наконец, остается непонятным, почему Сквозняк не рассказал всего напрямую.

— В детстве, — вспоминал Осипов подслушанный разговор Сквозняка, — мне не нравилось, когда мне указывали, когда мне приказывали, — и вообще, делали жертвой подозрений. В такие моменты я, напротив, старался не разубедить родителей и приятелей, а уверить их в собственной правоте. Когда в один момент наступал сеанс

непредумышленного разоблачения и крушения иллюзий — я пожимал плечами... ну, знаешь, конечно, твой случай иной. Не знаю, что бы я делал, будь я геем. Хочется думать, что это никак бы на меня не повлияло и моя проза не приобрела бы на фоне этого гомосексуально-радужный фон.

Насолить? Просто так? Осипов, поставив себя на место Сквозняка, не мог поверить, что действовал бы аналогично — даже нацепив его паршивую шкуру на себя. Нет, решительно невозможно — идти на поводу зловредности, позволять детективу тратить на тебя время, позволять ему рыться в твоём грязном белье, когда речь идет об убийствах, о жертвах.

Зла не хватает. К черту. Чистка зубов, умывание, стакан воды и последний вопрос перед сном: куда исчез Аркадий Сквозняк?

Не было большого смысла в слежке за большинством из его окружения. Компания Сквозняка представляла из себя тот род интеллигентов, что как в русском романе ходила от веранды к веранде, обсуждала любовь, политику и Бога — и схожим с ними образом заканчивала. Кроме наркотиков время от времени у некоторых, их жизнь шла чередом пеших прогулок от одного к другому и редких совместных поездок на пляж с последующими соревнованиями по нырянию; однажды, проследовав за их взятым напрокат автомобилем до густого загородного леса, что был черным даже днем, а блеск листвы на солнце не спасал от темноты, детектив впервые за долгое время трясущимися руками вытирал пот не от жары. Он пару раз ударил себя по лицу за свербящие от малодушия икры. Он просидел в машине в нескольких километрах от их остановки, время от времени беря бинокль и наблюдая, как с корзинами они уходили в темный лес и то и дело возвращались обратно: то за сменной одеждой, то за удочками. Подумать только, а изначально он намеревался застать их врасплох и допросить. Отвратительно. Недолго размышляя, Осипов без задней мысли избавился от всей коллекции сведений на них за ненадобностью.

Особняком стояла Маргарита Юдина. Провела половину лета в съемной квартире перед выпускным из университета, выложила к себе в соцсеть серию фотографий, где держала диплом (ее руки думали: “я держу в руках будущее” — ну что, добавишь и это? улыбающаяся скобка) и вернулась к родителям; за все время не виделась со Сквозняком; иногда посещала больницу (судя по всему, сдавала анализы для получения рецептурных препаратов); осенью пойдет работать в школу. За неделю до ее отъезда Осипов поговорил с ней.

Она предстала перед ним в просторном шелковом дезабилье с пышным бантом на поясе, а еще не до конца отзвучавший дверной звонок таял вместе с конфетами в хрустальной, выложенной на солнце вазочке, которые она не преминула предложить после недолгих прелиминарий у порога. Она не предлагала чай, перекус, пребывая в резигнации, которую изредка Осипов видел у Авроры. “А, воды? Да-да, секунду, точно.” Налила автоматически холодный чай.

— Красивая кухня, — он крутил стакан на столе и приглядывался, как будто не решаясь на глоток. — Скажите, в каких отношениях вы были с Аркадием Сквозняком?

— Отношениях? — она посмотрела на Осипова, как будто заметила его настоящему только сейчас. — Пф. У нас их не было.

— Я не об этом, извините, я о...

— А, все, поняла. Нет, мы иногда общались, да и только. Я не знаю, что тут сказать. Он приходил ко мне, мы смотрели кино... да в общем-то, и все. Разговаривали.

— О чем? — он достал из переднего кармана смартфон, куда все кратко конспектировал. — Вообще, наверное, мне интересно что-то подозрительное. Он говорил в последнее время о том, что может быть куда-то уйдет?

— Уйдет? Да нет. А что, он куда-то ушел?

— Проехали. А его рыжий друг...?

— А, Ян, да! Нет, я не знаю сейчас где он. Он постоянно снимает новые квартиры и нигде, вроде как, конкретно не прописан.

— Говорил?

— ...Нет? Нет.

— Мой вопрос прозвучит немного бестактно. Кто-то из них, может быть, что-то говорил про суицид?

Она быстро заморгала и помотала головой, как будто прислушиваясь к самой себе: не послышалось ли часом?

— ...Нет? Боже, ха, какой странный вопрос. Нет, никто из них никогда не хотел покончить с собой. Они оба очень любили жизнь.

— ...Проехали.

Разумеется, она ничего не знала, а если что-то и было, то не выдавала себя даже когда вопрос стоял чертовски прямолинейно.

Гиблое дело.

Г.***

— ...Да, конечно; не разувайтесь. Можете проходить так. Здесь больше никто не живет.

Квартира, что снимала Анастасия Полуэктова, простаивала без людей долгие месяцы. Лишь один раз какой-то парень решил заселиться, но из-за суеверного испуга и накрученных галлюцинаций выселился на следующий же день — сказал, что слышал голоса в воде; если так, то плохо закрученный кран на кухне прямо сейчас отбивал “естькто?” — после непродолжительных пауз по новой: “естькто?”

Домовладелица — пожилая женщина из тех, что всю жизнь откладывала пенсию, деятельно притворяясь нищей, пока вдруг ее не осенило осознание собственного богатства, а желание получить благодарность от детей и внуков не оформилось в четыре квартиры в разных концах города и гордый статус рантье.

Она причисляла себя к натурам тонко чувствующим и хрупким под стать своей фигуре. Объясняя Осипову, где что лежало и в какой дисциплине пребывали вещи в роковой день, она держала руки по бокам, словно готовясь к лыжному заезду, и активно доказывала как свою непричастность, так и то, что с погибшей ее ничего не связывало. Да и вообще, с клиентами она предпочитает дел не иметь, зачем, вдруг скидки попросят. Звали ее Галина Григорьевна Гладкова, и ничто, кроме виселичной аллитерации в ее имени, Осипова не зацепило; бывает так, что находясь в месте кровавого происшествия, ты стараешься извлечь тень случившегося из маломальского сгустка черного цвета — тем самым путая цвет с отсутствием света.

— Все хорошо?.. — ее смутило его молчание, стоявшего посреди кухни и зачем-то взглядывающегося в капли воды. Он же очнулся, как будто чья-то хватка вдруг отпустила его:

— Д-да. Конечно. Погибшая была...

— Здесь, все верно.

Он кивнул.

- Я могу вам чем-нибудь еще помочь, Михаил?
- Нет, не нужно. Можете идти по делам, ключ я оставляю.

Квартира осталась во владение тишины. На столике у стены стояла ваза с декоративными тюльпанами, на заправленной кровати с хрустящими подушками Г.Г.Г. забыла сетчатую сумку с фруктами. В отличие от кухни, вид с балкона выходил на проезжую часть, и отворив его, Осипов тут же пригласил уличный шум во внутрь. Второй этаж, без проблем видны лица прохожих. Надышавшись пылью, балкон закрыл. Интерьер был обставлен в скандинавском стиле: все было белым и всего было мало. Казалась фальшивой висящая картина на стене с заснеженными горами, но вкупе с выкрученным кондиционером их изображение убедительно слагалось впечатлением стужи. Не было запахов, словно Г.Г.Г. вытравила отсюда сам дух чужого обитания. Подойдя к черному стеклянному столу на котором, видимо, Анастасия Полуэктова раскладывала ноутбук и подрабатывала дизайном, он нашел четыре журнала о моде — но они показались ему настолько безликими, что он мгновенно перестал думать о их принадлежности Анастасии; выглянув во двор, в ажурной тени из-под деревьев он увидел фотографа, на мгновение превратившего свое лицо в фотокамеру и мгновенную вспышку света, в котором и испарился.

Как солдат принуждает себя наслаждаться обретенной жизнью во всех ее проявлениях, чтобы убедиться в собственном существовании, так и Осипов старался отыскать здесь приметы существования Анастасии, чтобы убедиться в ее реальности. Естественно, что даже если полицейские и подозревали убийство, то все было вычищено донельзя сыщиками в невесомости ищущими улики.

Осипов сел на кровать. При нем были наручные часы, кистевой эспандер, кастет, перцовый спрей, электрошокер — он, как и многое другое, лежало в машине — недавно купленная книга Полуэктовой, смартфон, запасной смартфон, кнопочный телефон, обручальное кольцо, комплект сменной одежды для непредвиденных и грязных обстоятельств, две упаковки жвачка, спички, зажигалка, записная книжка... он поднялся. Он оторвался от пола. Он закрыл глаза. Одна рука вынимала глаза, язык, снимала уши, рот и нос, раскладывая это в горизонтальной очередности на зеркальном столе, пока вторая рука методично снимала голову. Расставшись с ней, он медленно продолжил сеанс развоплощения, обращаясь в предметы вокруг — так ноги рассыпались пылью и рассеялись по квартире, руки разлетелись насекомыми, тело развоплотилось, высохло, как вода, и с паром исчезло вместе с органами аккуратно к тому моменту, когда время взяло его остатки; солнечная голова склонилась набок к закатной подушке, вобрав ярким белым светом в себя всю комнату: вазу с декоративными тюльпанами, застеленную кровать с хрустящими подушками...

Часть 3

Я...
Аноним.

[...]
Аноним.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal blue or grey ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are approximately 20 lines visible. On the left side, there is a vertical margin line, creating a narrow left margin. The paper appears to be a standard notebook page.

Комментарии

Перед вами — дневник, в котором со стороны засвидетельствована жизнь убийцы. Тот редкий случай, когда комментарий и вправду полезен, учитывая обилие темных мест. Как уже было сказано ранее, Аркадий Сквозняк — друг серийного маньяка, и при чтении, думаю, каждый из вас явственно сумел понять, каким образом он убивал. В истории есть немало примеров самых жестоких и безжалостных убийц, но, пожалуй, Яна Лествицкого куда как лучше называть как одного из самых коварных и подлых.

Слова — это все, что у нас есть в нашей жизни. Со школьной парты каждому известна поговорка, что словом можно и убить. Исходя из этого, сложно не говорить, что нет ничего хуже, чем подталкивать к самоубийству незащищенных девочек. Каждому родители должны были говорить, что за свои слова следует отвечать. Какое было воспитание у Яны Лествицкой? Все проблемы у людей так или иначе происходят из злокозненных обстоятельств их детства.

Аркадий Сквозняк, как уже было сказано ранее, личность малоизвестная. Оно и неудивительно — он попросту не успел прославиться кроме узкого круга критиков. Я не стал бы судить тех читателей, что во время чтения задавались вопросом — что это, черт возьми, такое? это дневник? что я должен чувствовать? что я должен понять? какой нравственный урок я должен вынести из всего этого?

Уверяю, что вопросы эти отнюдь не безосновательны, и уж тем более я не стал бы судить тех из вас, что, миновав довольно вязкое страдание и нытье Аркадия Сквозняка, перелистнули к моему комментарию. Комментарий в данном случае — суть.

И, как я и пообещал еще в предисловии, моей задачей будет провести вас по этому спуску в чужое сознание.

Начнем же с самого начала.

Аркадия. Дом моей музы... — куда менее абстрактный абзац, чем может показаться на первый взгляд.

Удивительно, но мое расследование судьбы Сквозняка началось еще до того, как я приступил к непосредственному сбору информации.

Бар “Аркадия”, вечер, густой и маслянистый свет. Я сидел в алкогольном трансе, когда местная кавер-группа играла песню про цветы леопарда из репертуара “Death In June”. На моменте, когда заиграла “Runes and Men”, я взял под мышку пальто и стоял на улице под холодным ветром, абсолютно прекрасным снегопадом. Хотелось закурить, но не было денег на сигареты (а стоящие то там, то сям алкаши выглядели настолько стремно, что даже пьяным я бы не стал у них чего-либо просить). У меня не хватает слов, чтобы описать тогдашнее свое состояние, но, думаю, вы все его испытывали, вы все поняли. Думаю, каждый из нас тогда оказывался в мире, который, как нам кажется, куда более безопаснее, чем мы думали до этого. Этот мир и называется Аркадия.

Эти воспоминания вспыхнули при чтении у меня довольно ярко. Думаю, людям менее тонко чувствующим тяжело будет его понять.

Он признался в убийстве... — вплоть до всплывшего имени Алисы Спивак комментировать в этом абзаце особенно нечего. Если выжимать из него суть, то она довольно проста: Сквозняк пытается подобрать нужный язык и в довольно путаных и неясных выражениях рефлексировать над признанием Яна Лествицкого — нашего второго главного героя.

Ян Яковлевич Лествицкий родился 28 февраля то ли 1999, то ли 1997 года, в г. Черномдар. Проучился в средней школе №25 им. А. Солнцева до девятого класса, после чего отучился на разнорабочего и ушел в армию. Учителя называли его тихоней. Бывшие одноклассники, с которыми мне удалось выйти на связь, никогда с ним не общались — он никого к себе не подпускал, а когда семеро старшеклассников однажды решили попробовать его на зуб, то тут же выдохлись с ним драться — наконец повалив и как следует избив его, им наскучило уже измываться над ним.

В общем-то, все. О родителях и разного рода родственниках информации было не сыскать. Увы, но попытки найти Якова Лествицкого не возымели успеха — мне удалось найти двух Яковов среди имен в некрологах, один из которых являлся строителем и погиб, взбираясь по лесам, другой — неизвестным образом утопился.

Алиса Спивак... — на этом моменте вскрывается удивительная особенность дневника, о которой сложно догадаться, не имея под рукой присыпанных могильной пылью некрологов.

Дело в том, что крайне сложно установить, о какой именно Алисе Спивак идет речь. Проверка социальных сетей Сквозняка и его ближайшего окружения не показала, что такая девушка есть среди его знакомых. Мнительный читатель усомнится в моем утверждении и резонно спросит: может быть, она скрывалась под не своим именем, сидела с фейкового аккаунта? Мне тоже пришла в голову эта мысль, однако доступ к перепискам не показал ничего.

Проверена была каждая переписка с каждым пользователем.

Никакой Алисы.

Странно: может быть, аккаунт со всей эпистолярной историей был почищен?

Проверять каждого пользователя с похожими именем и фамилией не было никакого смысла. Понадеявшись на удачу, я ткнул первые три-четыре заброшенных профиля, открыл переписку и ничего не обнаружил. Разумеется, если целью Сквозняка было что-то скрыть, то на этом поле я ничего не найду. Увы, программ, которые позволяют восстанавливать удаленные сообщения я найти не сумел (а я пытался), и на момент написания этой заметки все попытки не увенчались успехом.

Зато принесли плоды поиски в ином направлении.

Я обратился за списком учащихся в школе, надеясь найти Алису Спивак среди одноклассников Сквозняка. За все время я обнаружил лишь двух девушек с такими именем и фамилией — девятилетняя одноклассница нашего героя, с которой он учился в четвертом классе (и с которой, по уверениям классной руководительницы тех лет, они общались в лучшем случае два раза), и которая вот уже как минимум десяток лет живет в Москве, занимаясь изучением итальянской и французской литературой, — и другая, с которой Сквозняк никак не был знаком, но которая училась в его же школе спустя девять лет — и покончила жизнь самоубийством, следуя инструкции из какой-то игры и согласно которой можно стать феей — просто включив газ и чиркнув спичкой глубокой ночью.

Родители в ту ночь были в гостях.

2.

Я родился... — отец Аркадия, Александр Сквозняк, по неизвестной причине относился с предубеждением против государственных больниц. Было решено, что рожать дитя жена будет дома. Он подобрал для вот-вот родящей Айгерим Сквозняк первоклассных акушерок (трое и женского пола; одна из них по счастливому совпадению оказалась соседкой), выставил охрану из своих людей по периметру двора в наиболее неприметном виде и сел в гостинном зале. Пока за стеной в их комнате надрывалась будущая мать Аркадия (широко расставив ноги, она вот-вот разразится в последнем крике, прежде чем малыш окажется в тазике с теплой водой), отец сидел с невозмутимым видом и листал газету. Рассказывали, что он был как камень. Однако та самая соседка-акушерка как-то обмолвилась, что “Саша старательно делал вид, что ничего не происходит, пока внутри него переворачивался целый мир”. Заметим, что позже Аркадий сам будет говорить, что плохо знал отца, и тот как будто постоянно ускользал от его понимания все детство. Обстоятельства будущего самоубийства были тем более туманны: он никому не говорил, какие страсти переживает в сердце.

Я не возлагал надежд увидеть обстоятельств неординарного детства маленького Аркаши или хотя бы их призрак когда прогуливался по заснеженному пейзажу двора, где он когда-то лепил замки из песка. Он жил в роскошном по меркам нулевых годов (да и чего греха таить: и по меркам сегодняшних) двухэтажном частном доме с витражными окнами на переднем фасаде из темно-вишневого кирпича, что был огорожен высоким железным забором, через который на улицу перекинула ветви яблоня, чьими плодами угощались дворовые ребята. “Сераль моего детства и отрочества” — любил он так приурочивать к рассказам о половых похождениях описание своего дома: ~~не смотря на то, что многочисленные девушки отзывались о нем как о страстном любовнике, а сам~~

Сквозняк не екнул на самые скабрёзные детали в рассказах, он скорее предпочитал преуменьшать реальный масштаб женского внимания к нему.¹⁰

Мой отец был... — удивительно, как мало места Сквозняк отводил отцу при всем его культурном влиянии. “Стыдно признаться, что тогда, начиная с 11-12 лет, я осваивал и пользовался богатствами мировой культуры в первую очередь как оружие против довлеющего присутствия родителей, особенно — родителя” — писал Сквозняк в одной из дневниковых заметок, что мы не сумели как-то пристроить ни к одной из предыдущих глав.

И тем не менее Сквозняк был в силах осознать, что доставшееся ему культурное наследие было получено в первую очередь благодаря тому же отцу. Сам отец Сквозняка не в пример сыну вел себя как бандит: немногословен, груб, замкнутый ото всех, он желал отпрыску лучшего будущего — нанимал репетиторов, водил по творческим кружкам, записывал его на музицирование... нигде он особенно не преуспевал.

Когда он только родился, мать рассказывала, что даже в крике его как будто звучал вопрос: “а зачем я здесь?” — поэтому можно с полной уверенностью заявлять, что отрешенность и отчужденность от мира здешнего является своего рода лейтмотивом всей его жизни. “А зачем я здесь?” — спрашивал он, когда попадал в очередной кружок, где на этот раз его старались научить боевым искусствам, но каждый раз он падал под ударами спарринг-партнеров на арену с равнодушным ко всему происходящему лицом.

Следующая тема — женщины. Отец, записывая его в боевые секции, просил тренера ставить против сына женщин, аргументируя это тем, что многие мужчины в наше время деревенеют и не способны ничего с собой поделать, когда на них идет женщина. Когда в школе Аркадию Сквозняку на уроках физкультуры говорили о том, что девочкам надо уступать и ни в коем случае не обижать, вечером ему предстояло схлестнуться с дородной женской особью на год-два старше и выше него. В конце концов, как бы парадоксально это ни было, научившись драться и убив в себе зародыше страх причинить женщине боль, он не получил типичную для мужской провинциальной среды нулевых годов прививку сексизма. “В отличие от многих сверстников, я всегда понимал, что женщина человек, потому что чаще всего именно женщины квасили мне лицо в детстве”.

Одноклассники рассказывали, что Аркадий всегда старался держаться в стороне и редко проявлял инициативу. Он не старался ни с кем познакомиться. Попытки завести с ним беседу о видеоиграх, рэпе и школьных сплетнях зачастую были обречены на провал. Вместо игры в догонялки он ходил перед окнами с руками за спиной или на груди, ни с кем особо не разговаривая. Однако он не был совсем уж нелюдим — самовольный изгой, с ним все хотели общаться, особенно — ровесницы, находя его образ жизни чрезвычайно романтичным. Возможно, мы бы никогда и не услышали его голоса, если бы у него не возникла потребность время от времени разговаривать о женщинах и спрашивать у сверстников совета: кто она, что ей надо?

¹⁰ Окей, В., я тебя понял. Я уберу это и все остальное, что, как тебе кажется, надо убрать. Но все-таки не влезай так радикально в мой комментарий: мне и так пришлось переписать значительный кусок текста об отце Сквозняка, т.к. я совершенно не помню, что писал о нем изначально, первоначальный вариант был потерян, прошлой версии у меня не осталось... в общем, прошу, уведоми мне в следующий раз, когда внесешь редакторские корректировки. Спасибо.

“Я часто слышал от мужчин, что с ними надо играть в поддавки, ухаживать и вставать на колени, — писал Сквозняк, — я могу рационально понять такой стиль общения у людей схожей с моей натуры книжного червя, увлеченно поглощающего одну за другой книги про рыцарей и драконов. Но как так может думать узколобый и простой, как три копейки, школьник моих лет. Как можно не видеть, что в этих куколках вот-вот расцветет опасный и безжалостный социальный хищник, манипулирующий т.н. “сильным полом”? Как можно вставать на колени из желания поухаживать перед этим хладнокровным механизмом эволюции человечества, отбраковывающего нас, мужчин, и выбрасывающего на обочину истории — вставать на колени, “потому что так принято”, а не потому что ты признаешь их превосходство?”

Восприятие женского пола как равных себе, как тех, кому можно дать сдачи физически и интеллектуально, привело Сквозняка к тому, что их он начал судить по абсолютно мужским меркам — и что неудивительно: вскоре же был клеймен сексистом. “Да, мне нравится секс, я бы даже назвал себя сексистом” — пытался он безуспешно отшутиться; это было время, когда он только начал активно публиковаться в сети, на платформах цифровых журналов и светиться в качестве призера того или иного конкурса с фондом около пяти тысяч рублей.

В чем же причина, почему Сквозняка стали упрекать в не самых прогрессивных воззрениях?

Разумеется, среди причин не числились политические взгляды — он их не только не демонстрировал, но вдобавок занимал радикально нейтрально-переменчивую позицию, выбирая ту или иную сторону в зависимости от того, какая из них принесет больше веселья от троллинга. Плодотворная же тема современного феминизма была им как будто специально проигнорирована.

“Высказывания Сквозняка о том, что жертвами патриархата являются в первую очередь сами мужчины может показаться некоторым очень прозорливым замечанием, но на самом деле обличают его собственное незнание матчасти в сфере феминизма” — ставит ему в упрек одна из пользовательниц DeadLib в рецензиях на самиздатовский сборник его рассказов, и продолжает: “Стоит ли говорить, что некоторые феминистки охотно бы с ним согласились? Женщины, не только увлеченные, но и занимающиеся политикой, непременно воспользовались бы этой мыслью для привлечения мужских сторонников. Однако из уст мужчины это выглядит не более чем обыкновенная манипуляция.”

Я не стану разоблачать или подтверждать данные претензии, но проигнорировать хоть сколь-нибудь популярное мнение о фигуре Аркадия Сквозняка было бы неприемлемо.

Но что удивительно: уже сейчас можно заметить, как плотно переплетается женская тема с темой отца, и обе — вступят в конфликт со Сквозняком. Диана Охотина, специалист по психоанализу и практикующий психолог, была через одну-две руки знакома с Аркадием Сквозняком, и впервые заметила, что “бунт против фигуры отца и его желания сформировать сына так, как отцу бы хотелось, вылилось у Сквозняка не в типичное отречение от культуры, образования и, в конце концов, от идентичности, а в гиперпоглощении информации”¹¹.

¹¹ Еще бы понять на что здесь ссылаться. Статьи за авторством Дианы Охотиной в сети обнаружить не удалось, поиск же по цитате привел к статье “Психоанализ взаимоотношений родителей и детей в современной русской литературе” за авторством Дмитрия Оленина. Между тем среди сетевых знакомых Сквозняка есть только некая Диана Охоцева. Откуда у Сквозняка

Даже если мы отставим в сторону типичную для психоанализа произвольность размышлений, где они не торопятся предоставлять достаточные доказательства своим утверждениям, стоит отметить хотя бы частичную справедливость словам Охотиной: Сквозняку претил на культурном уровне его же собственный отец, и сам же Сквозняк не мог отделаться от саднящей досады от мысли, что именно отцом столь высокий по меркам окружающих уровень — и был предоставлен ему именно отцом. Типичный подростковый бунт у него выражался в усложнении своего мышления: он был достаточно умен для того, чтобы канализировать всех внутренних демонов для того, чтобы запрятать их в колесницу собственного развития.

В конце концов он просто стал непонятен для своего ближайшего окружения. Некоторые могут поспорить с тем, насколько это было обусловлено подавлением бунтарства, а не продолжением его природного естества. Я бы оставил этот вопрос на размышления читателей. Хочу только сказать: отец Сквозняка был, и у него с ним, как и с матерью, были прекрасные взаимоотношения.

Кассета... — сложно сказать, является ли это примером метафоры, или же у Сквозняка был семейный архив видеозаписей, который он сжег у себя во дворе. Михаил Осипов, осматривая его дом, нашел сломанный видеомэгнитофон под кроватью.

— Ничего не понимаю. Здесь должны быть...

Дальнейшее абсолютно неинтересно. — Аркадий Сквозняк описывает в дневнике процесс уничтожения возможных улик, что указывали бы на его причастность к Яну Лествицкому. Странно, зачем ему понадобилось в таком случае начинать дневник сызнова.

3.

Многим ли людям... — рассуждения, не имеющие отношения к нашей истории. Пропускайте все вплоть до

Маргарита... — и тут мы можем поговорить о главном.

Маргарита — она же Маргарита Юдина. Студентка, изучающая русскую и французскую литературу. Незаурядная и умная брюнетка, боящаяся пошевелиться, ведь каждый ее жест — как внезапный всплеск за которым всегда следует “ой!” рябью неловкости. Я сумел выведать ее контакты, написал ей, рассказал о том, что пишу комментарий к работам Аркадия Сквозняка и попросил ее охарактеризовать мне его — вышло следующим образом: “*Окружающий мир имел для него значение лишь потому, что в нем жили люди и цветы, которые иногда были растоптаны, иногда достигали небесных вершин, но всегда становились сырьем его воображения*”. Мне также удалось найти ее переписку с ним — и, как нетрудно догадаться, она была влюблена в него.

Когда же я пришел к Маргарите в первый раз, то мне открыла блондинка с взлохмоченными волосами и в розовом халате на голое тело и огорошила меня неподдельной дерзостью:

— Чего надо?

Ее звали Рита.

в заметках появилось это? В., надеюсь, что Михаил Осипов выйдет с тобой на связь по этому вопросу. Тебе же отдельное спасибо за список имен.

И, как можно догадаться, она, как и Маргарита Юдина, запечатлены на полях дневника Сквозняка. Интрига здесь ни к чему.

Это два разных человека, которых он объединил в одного.

Ответ на вопрос зачем ему это понадобилось стоит отдельного внимания и занял бы не менее десятка страниц — в дальнейшем у нас на руках будет лишь горсть предположений. Четкого ответа откуда-нибудь из записей самого Сквозняка мне лично выудить не удалось. Ответ коллеги по цеху Аркадия — Виктора В.И. Виноградова — звучал примерно так: “На мой взгляд он просто так подкалывал, троллил и унижал людей, высвечивая у них самые отвратительные на его взгляд качества” — мог бы быть справедливым, но разбивался о Маргариту Юдину. О Риту. Думайте как хотите.

“Наверное, я знаю его лучше, чем кто-либо из его ближайшего окружения, — писала мне Маргарита в нашем непродолжительном диалоге. — И нет, я понятия не имею, куда он мог исчезнуть. Думаю, что раз об этом не знаю я, то уж тем более не знает никто. Мы с ним были лучшие друзья, и много говорили о лазури вечернего неба, смыкающихся у век сумерках и подступающей ночи в виде косвенно зажженных звезд.”

Когда Маргарита замолчала, я решил навестить ее — я знал адрес благодаря Михаилу Осипову — и каково же было мое удивление, когда я встретил там совсем другую девушку.

Как и Маргарита, Рита была студенткой — правда, училась на журналистике, и уже открыла веб-издание журнала вместе с одноклассниками, посвященное современному левому политическому движению и феминизму, а параллельно ему вела куда более популярный блог, посвященный сексуальному просвещению.

Съемное место ее обитания было двухкомнатной угловой квартирой, отчего большую часть времени она была насквозь просвечиваема солнцем. За чистотой следили постольку-поскольку, и было видно, как мало Рите нужно для комфортной жизни: кроме шкафа с одеждой, кровати, рабочего стола с ноутбуком и кухни, где мы расположились, все было покрыто пылью. “У меня здесь не прибрано” — дежурно заметила она с полным равнодушием в голосе. Она по-настоящему не зависела от предрассудков чистоты.

Она собиралась прогнать меня, но как только я заговорил о Сквозняке, то тут же смягчилась, извинилась, что у нее в руках перцовый баллончик, да и она, как и все, собственно, да, скучала по Аркадию. И она тоже не знает, где он.

— Я не придавала этому большого значения, — она курила электронную сигарету, пуская клубничный дым, — он часто исчезал из моей жизни.

Я не стал начинать с самоубийств, с историй о Яне. Мне казалось неуместным запугивать ее тем, что она могла быть потенциальной жертвой его друга-убийцы. Безобидные вопросы, не более.

— Ко мне заходил этот... как его...

— Думаю, вы про Михаила.

— Да, следовательно. Ой, то есть, частный детектив, да. Он ничего не узнал. Ну, вы наверное общались, да. Вообще, — закинула ногу на ногу; она сидела ко мне в профиль, и облокотилась о колено. — У него ведь не было врагов, там, не знаю, каких-то серьезных конфликтов. Ну, в смысле, я к чему? Его не могли убить.

— Почему вы вообще решили, что его бы могли убить?

— Он часто воображал покушение. Говорил, что нет более завидной для писателя участи, чем пострадать за свои творения. Как он говорил... “если тебя не травят — ты не русский писатель”, да.

— Вам, должно быть, знакомо все это?

— О, мне? Ха...

Она смутилась. Мы поговорили о феминизме. Ее очень волнует тема домашнего насилия. Забавно, что при этом саму ее в детстве не били, отца она толком и не знала, а мать не приводила мужчин, которые могли бы к ней плохо относиться. Я не стал расспрашивать о ее мотивации, тем более, что она тут же снова вернулась к Сквозняку:

— Подруги, которым я рассказывала про Аркашу, говорили, что он просто какой-то красный флаг. Ему не был близок феминизм.

“Политическая работа — это всегда борьба за власть или работа с умами. И то и другое предполагает взаимодействие с людьми. И то и другое вынуждает человека приличного мириться со своим приличием и убирать под замок шкафы с порталами в иные миры, а населяющие голову фантазии оставлять в пределах частной собственности. Хороший политик не имеет права на тайну личной жизни, ведь если он изменяет жене — то изменит и стране. А если же он романтик? Сколь-нибудь внимательный человек всегда распознает за фасадом романтизма спящего на грезях о великом мире дракона фашизма. Людей нужно привлекать к себе, а я...” — из не вошедших заметок.

...Затем она что-то рассказывала про Джудит Батлер, что-то про Симону де Бовуар, растворяя более-менее известные мне имена в бульоне из русских и казахских политических активисток. Улавливая суть, я кивал и слушал вполуха, особо не желая ее прерывать, но и как-то вступать в обсуждение. Меня вполне можно назвать профеминистом. В конце концов быть против прав женщин — признак явно не самого прогрессивного ума. Вдобавок ко всему я не понимаю, как можно отстаивать традиционный уклад, когда ты, как мужчина, в него абсолютно не вписываешься? Я задавал этот вопрос знакомым мужчинам и кроме карусели маневров обычно не получал удовлетворительного ответа. Ко всему прочему — почему бы, в конце концов, не извлечь из всего этого выгоду? Я давно считаю, что быть обеспечиваемым женщиной ничуть не хуже, чем типично патриархальный сценарий женщины-наседки за чьим благополучием радуется хлопотливый муж, надеясь, что жена сумеет с избытком выполнять функции: инкубатора, секс-куклы и посудомойки.

— Как он относился к женщинам? — мой вопрос мне самому показался праздным, и я скорее хотел свернуть удочки, как вдруг Рита замолчала и ответила спустя минуту:

— Как... не знаю. Ну, помните, я же говорила? Про его отношения с окружающим миром.

— Насколько я знаю, за ним не замечали интерес к политике в принципе, да. Интересен этот момент.

Она посмотрела в окно. Это было старое деревянное окно, где отслаивающийся слой краски обнажал другой, а прикосновения к нему сушили занозы. Внезапно мне показалось, что судьбы коллектива женщин перестали ее волновать, и повисли, как цветы настурций на подоконнике за стеклом. Я был, в общем-то, совершенно прав: она ошеломленно задумалась о себе.

— Мы как-то занимались с ним любовью. Мне стало интересно кое-что. Когда он вышел из душа, то я спросила, о чем он думает. Он сказал, что ни о чем. А тогда? О чем он думает, ну, в тот момент? Он сказал, что представляет жертв геноцида, брошенных в канаву. Я обомлела. Он сказал, что так делают все мужчины. Вы правда?... Это правда, Ростислав?

— Нет. Но, конечно...

— Да. Я тоже поняла, что здесь что-то не так. Он очень умело газлайтил меня. Например, он как-то сказал, что ночевал у меня в шкафу. Или что знает, что я делала — иногда правда хорошо знал! — и говорил, что я сделала еще или, напротив, что я сделать

не могла при всем желании — и я уже путалась, что реальность. Ростислав... что вы думаете насчет секса?¹²

Маргарита. Он никогда не был груб со мной и вел себя в переписке весьма и весьма деликатно. Не уверена, что я смею разглашать более интимное содержание нашей переписки. Но вам стоит знать об Аркадии факт: женщины, как и мужчины, ему были не очень интересны. Спорные высказывания насчет них, мужчин или какой-либо еще социальной группы я бы не стала воспринимать серьезно несмотря на их нравственное (не)значение. Не уверена, говорила ли я вам это уже, или может вы могли это узнать от кого-либо еще, но вы спрашиваете меня о его отношении к женскому полу так, как будто это имело большое значение. Нет, конечно, я совершенно не верю, что он мог быть причастен к убийствам — или самоубийствам — тех молодых девушек о которых вы говорите. И нет, я никогда не была с ними знакома. Могу навести вас лишь на одну: некую Алису. Однажды он дал мне прочитать один рассказ про девочку по имени Алиса. В нем он писал, что ее щеки были “как закатный персик”. Это было отвратительно, это было ужасно. Он признался, что своровал образ у своей знакомой Алисы. Мы с ним долго говорили.

Он сказал: “Думаю, ты права, что это все как-то слишком слащаво. Пожалуй, верно будет сказано, что чем искреннее творчество — тем оно хуже. Голая эмоция — брызжащий электричеством кабель, как скажут некоторые авторы. Я же, взглянув на все спустя пару дней, признаю, что это выглядит как попытки завести сад посреди раскаленной пустыни, не замечая окружающий зной.” Возможно, он писал это в своей статье, в сборнике. Может быть, вы найдете. И нет.

Он не говорил со мной о Яне.

Я на нашел.

Увы, но добиться сколь-нибудь вразумительной характеристики Аркадия Сквозняка от Риты мне не удалось, и, выражаясь на словаре автора дневника — я вынужден перенестись из лета кухонных бесед на белоснежную стужу улиц.

Долгое время... — Только принявшись за комментирование дневника в период второго прочтения, я обнаружил значительную деталь, которая не бросилась мне на первый взгляд — отсутствие датировки.

Нет никого, кто бы доходчиво объяснил ради чего Сквозняку понадобилось жертвовать понятной для самого себя линейностью времени. Запутаться в собственных записях ему было проще простого. Во всяком случае я не представляю, как можно извлечь из памяти воспоминание, что не было бы привязано к определенной дате — я, например, могу вспомнить произошедшее с собой, только вспомнив свой возраст, год и месяц. Если меня спросят о том, что было несколько недель назад — я, скорее всего, запутаюсь. Но стоит сделать маленькое уточнение и поместить вопрос рядом с датой —

¹² Я отвечу тебе так, как там все было: я испугался. Ее, того, что происходит, странности происходящего. Я всегда думал, что легко бы согласился. Но нет, не могу. Не знаю. Что-то нашло на меня такое. Ни один из членов, даже наиболее важный, не смог пошевелиться в столь ответственный момент. Я сослался на срочные дела.

Но зато здесь я точно могу говорить уверенно: Рита была самкой в самом животном смысле этого слова, и это Сквозняку в ней и нравилось.

как вдруг передо мной возникнет фотография с просвечивающим водяным знаком числа.

Я никогда не обращал внимание на пресловутые знаки месяца и дня на полях дневников, воспринимая их наличие как должное, и почему-то, имея на руках отсканированную цифровую копию рукописной мешанины, я не сразу задался вопросом — может быть, я как-то не так читаю? — и только тогда обнаружил, что автор не озаботился пронумеровать последовательность событий. Тотчас же все посыпалось и развалилось, и я больше не мог доверять строкам. У читателя, как и у меня, может возникнуть ощущение, что его поневоле (а может быть и вполне сознательно) вводят в заблуждение. Не безосновательно!

Стоило бы напомнить, как выглядели дневники в оригинале — это кипа исписанных тетрадей, многие из которых пришли в негодность в связи со своей недолговременностью. Если отдельные страницы можно было разобрать без проблем, то другие являли собой классический палимпсест, где абзацы умудрялись седлать друг друга. Одно предложение могло начинаться в понедельник и найти окончание в пятницу — и без преамбул и в настоящем времени новое предложение могло начинаться с “я жил” — не приуроченное абсолютно ни к чему.

Нам пришлось проделать немало работы, дабы привести все “черновики” в надлежащий для чтения вид. Увы, но “миниатюрность его барочных конструкций”, как выражались друзья-рецензенты, явно поражало воображение в самом убийственном смысле слова — мало кто согласится с тем, что отданное на откуп самому себе струйное стило прозы, обычно ограничиваемое клеткой драматической конструкции, смогло совладать со свободой жизненных перипетий.

Проще говоря — я думаю, что Сквозняк потерял контроль. Не только над собой, когда Ян Лествицкий ошеломил (огорошил?) его признанием. Не только над вырвавшейся из канала бурно текущей и неумолимой рефлексией.

Но и над пространством, а следовательно — над временем.

Рита. простите, Ростислав. все вырвалось, оно просто как-то само собой. ха-ха)) я просто привыкла. с Аркадием такое было. я просто забыла как это. что можно принадлежать самой себе. вы понимаете. когда ты можешь делать что хочешь. ну или сказать. и оно само.))
само вырывается.

4.

Сдав Яна ей, я рисковал... — двусмысленно. Он все-таки рассказал одной из Маргарит про Яна? Напрашивающийся вопрос, в попытке его решить мы, как и прежде на все возникающие у нас вопросы, не нашли ответа. Как можно увидеть выше, сама Маргарита отрицала осведомленность о Яне; ни один мускул на лице Риты не дрогнул, когда я подобрался к теме друзей Сквозняка: “Он говорил, что у него нет друзей и что он ни с кем не общается” — ответила она. Если исключить возможность заговора, то мы имеем дело с типичным сослагательным наклонением. Все в порядке и все хорошо.

Следующие несколько часов я посвятил изучению собственных шансов угодить за решетку... — в действительности этот процесс занял у него куда больше, чем “несколько часов”. Благодаря полученному доступу к его аккаунту в браузере, мы сумели раздобыть историю его поисков, из которых можно ясно понять, что тема его волновала по меньшей мере — месяц. Он изучал нюансы законодательства, касающиеся о недонесении на убийство. В какой-то момент убийство сменилось на “склонение к

суициду”; последним витком развития юридических разысканий стали упоминания в законах и правах самоубийства и связанных с ним терминов.

Время на страницах дневника Сквозняка, как мы успели выяснить — условно. В сущности, мы не можем и не должны верить ему, когда дело касается фактического положения пространственно-временного континуума. Но нам ничего не остается, как поддаться изложенным чувствам так, как будто мы смотрим на антиквариат под водянисто-мутным стеклом. Тщательно скрываемая паника почти не дает о себе знать — яркое подтверждение тому, что Сквозняк был расчетлив и безукоризненно контролировал эмоции.

Он заказывал анонимные консультации у юристов, платил деньги адвокатам, дабы выяснить у них нюансы возможного судебного процесса — и как, в частности, может отразиться на нем и на Яне недавно вступивший в силу закон о подстрекательстве к смерти — часть так называемых реформ в законодательстве о запрете информации, подталкивающей к умиранию (и приравниванию самоубийства к убийству). Об этом небезызвестном нововведении читателю лучше ознакомиться самостоятельно — тем более, если когда-нибудь Аркадий Сквозняк будет вновь явлен на свет этого мира, то он вряд ли сумеет отделаться от судебного процесса.

В какой-то момент меня посетила мысль обратиться за юридической консультацией к какому-нибудь адвокату, но сразу же отпел ее... — как мы уже установили — ложь. Если читатель не хочет верить на слово, то он может напрямую обратиться за информацией в само издательство.

Могло показаться, что Яна никто не искал... — любой ныне живущий в городе Черномдар осознает, что Аркадий Сквозняк лжет. Нам стоит относиться с вниманием и с уважением к мыслям друг друга. Впечатления же, описанные автором дневника, явно противоречат тому впечатлению, которое сложится у туриста при посещении города, и которое на него произведет гуманизм местных жителей.

Нет ничего лучше, чем выпить лимонада в яркий солнечный день! Оказавшись в продуваемом со всех концов света дворе Сквозняка, меня согревала мысль о скорейшем лете, когда я сумею выпить холодного лимонада изнемогавшего от зноя дня. Закинуть ногу на ногу, поковырять в пупке (понюхать собранную грязь) и помахать мимо идущему со счастливой улыбкой гражданину! Его глаза будут лучиться счастьем, какому позавидует архитектор кукольного домика, подбирающий пластикового жильца. Непременно старик — кто, как не старик будет радоваться, что успел родиться и не умереть прежде, чем примут запрет, запрещающий умирать, а? Забудем друг о друге через минуту.

И пусть никто и никогда этого старика бы не увидел, но каждый из читающих возможно узнает прохожего в синем пальто, которого ему посчастливилось встречать каждый день до его исчезновения. Это исчезновение произведет перемену в умах. Что случилось с ним, с этим незнакомым мне чудачком? Смирно сидеть нельзя — справиться о здоровье, а если не выйдет — найти и доложить о пропаже. За каждым нужен глаз да глаз. Все это понимали и понимают.

Исчезновение и гибель девочек непременно будет отмечено в коллективном сознательном граждан. Все захотят найти причину.

С такими мыслями я ходил от домофона к домофону зимним вечером, набрав снега в обувь, от которого слягу с простудой на неделю, — надеясь хоть что-то узнать об Аркадии Сквозняке. Меня слали взащей, как будто я какой-то сумасшедший.

В., урежь.

Я убил Алису Стивак. Ты можешь мне не верить, но она сама об этом попросила. Моей вины здесь нет. Мы оба этого хотели... — сколько раз мы слышали подобное? Увы, но виктимблейминг — неистребимый изъян нашего общества, на исправление которого уйдут долгие и долгие годы.

Нет ничего отвратительнее обвинения жертвы. Умные читатели и читательницы в курсе тех многочисленных происшествий, когда насильник оправдывает себя тем, что якобы жертва сама совратила его “неподобающим внешним видом”.

Студентом на журфаке я познакомился с одной девушкой на курсе младше. Для анонимности назовем ее Алла. С первого взгляда я все понял о ней, так как почувствовал себя невежественной свиньей. Весной и осенью по измочаленным улицам она ходила в босоножках, держа под мышкой шоппер с лицом Маяковского, и я едва поспевал за ней, когда она окинула меня недовольным взглядом, согласилась вместе посидеть в кафе, взмахнула зелеными, как водоросли, волосами, и поманила меня жестом: “Тащись быстрее.”

Я подумал обогнать ее и открыть перед ней дверь, но вовремя остановил себя. Я был выше нее, поэтому почувствовал, что это только лишний раз подчеркнуло бы мои патриархальные привилегии. Когда мы ждали пока нам принесут еду, говорила в основном она. Я пытался вникнуть в суть ее проблем, неурядиц дома, с друзьями — она была крайне откровенной — но постоянно отвлекался на вещи посторонние: каплю влаги у нее на носу, сумасшедшее мельтешение взгляда, кусаемый кончик языка каждый раз, когда у нее не получалось вспомнить слово; поэтому когда она замолчала, дожидаясь моей реакции, мне не пришло ничего лучше на ум, как сказать, что с родителями делать нечего, а друзей можно и поменять. Она посмотрела на меня так, будто я был насквозь прозрачен, будто меня здесь вообще не было, и будто она меня потеряла — осмотрелась по сторонам, в молчании дождавшись вегетарианский перекус.

Если подходить к опубликованным рассказам Сквозняка с тестом Бекдел, то мы обнаружим удручающе мало не то что женщин, которые говорили бы друг с другом о чем-то помимо мужчин, а в целом — персонажей женского пола, что не были бы зависимы от главного героя. Судя по его художественному творчеству, женщин Сквозняк рассматривал как украшение к извлеченным из мрамора крошечным Давидам его рассказов. Познание в женских персонажах у Сквозняка, если брать его книжные полки, заканчивались девятнадцатым веком, Эмили Дикинсон и русскими поэтессами 20 века; в лучшем случае можно обнаружить Симону де Бовуар. Такие имена, как Джудит Батлер, а уж тем более Лив Стремквист или Мэгги Нельсон — вряд ли звучали в его богемном кругу. У него был архаичный мозг и поверхностный взгляд.

Я понял это особенно четко, когда вспомнил, как Алла бросила вскользь фразу, от которой я оцепенел:

— Ты очень смелый как для додика, раз пригласил меня, — я почувствовал, как острый каблук уперся мне в замкнутую челюсть. — Ты какой-то крип, честно говоря. Настроение плохое? Случилось что?

Даже сейчас, когда я вбиваю в ноутбук эти строки, следуя по горячим следам памяти, то не могу без содрогания вернуться к тому самому эпизоду. Что я чувствовал? Стыд? Страх? Подавленный гнев? Возбуждение? Может быть — все вместе? Мне пришлось возобновить сессии с психотерапевтом, так как та встреча явно оставила травмирующее впечатление. Я чувствовал, что оскорбил Аллу в тот момент. Моя патриархальная прошивка вкупе с убогой мужской сущностью сыграла со мной злую шутку. Перечитывая уже в таком состоянии рассказы Сквозняка, я не мог не испытывать

ярость, видя, что женщины у него выступали только в трех ипостасях: 1) как объект вожделения, 2) как трофей, 3) как муза.

Не трудно догадаться, что с такой же оптикой Аркадий Сквозняк запечатлел реальных девушек в своем дневнике — череда утопленниц, повешенных и вскрывших себе вены — они навеки остались немые. Гнет несовершенной системы в виде их собственного отражения в опускающемся прессе стеклянного потолка был лишь первым этапом, тогда как во втором им предстояло лишиться личностей и даже намек на возможность сопротивления перед сумеречной тенью Яна Лествицкого, кончающего их одну за другой. Описывая их такими, не давая шанса даже приукрасить их судьбу, Сквозняк поневоле опорочил их память.

Я что-то невнятно ответил Алле. Не помню что. Кажется, я попытался оправдаться. “Нет, меня правда интересуют твои проблемы” — что-то вроде этого.

— Я не об этом. Я за активное согласие, если что, окей? Так что сразу должна предупредить, что если тебе что-то от меня и было нужно, то ты это от меня не получишь. Я только недавно вышла из абьюзивных отношений. И мне вот это вот все не нужно.

Мы поговорили еще минут пятнадцать, прежде чем она убежала, скатившись по пандусу, во вновь хлынувший после передышки полуденный дождь. В одном из рассказов Сквозняка была сцена, где после секса (у самого Сквозняка слово было завуалировано под пошлое “семиминутное вечернее сношение”) его герой поднялся, выпил воды, съел шоколада и понял, что теперь женщины ему отвратительны и вовсе не нужны. Он сидел один посреди кухни, тогда как за его спиной тихо сверкнула молния, покрыв его колкими болезненными тенями кривых деревьев, знаменующих враждебность мира, подталкивающего человека к убийству. Чудовищный рассказ.

Но сейчас я очень хорошо понимал героя. Тогда, сидя в кафе еще полчаса, я думал о том, как сладко было бы не быть. Как хорошо, если бы женщины не продолжали рожать нас. Я был опустошен и без всяких “семиминутных вечерних сношений”. Вокруг меня играла “Лестница в небо” группы Led Zepplin, а струйка пара третьей заказанной чашки кофе, вясь, тонула в зеркальной натянутости черного потолка.

Он сказал это как оправдание... — как уже понял читатель: это и было оправдание. Сквозняк осознавал всю тяжесть совершенного Яном проступка, но крепкая дружба с ним не позволяла ему пойти на открытое осуждение.

Мне трудно подобрать правильные слова в данном случае. Поставив себя на его место — далеко не факт, что я бы поступил иначе. Я пытаюсь быть честным и объективным, и хочу, чтобы столь же беспристрастно вы сами посмотрели на всю ситуацию. Попытались представить самое ужасное злодеяние, которое могли бы совершить в условии полной безнаказанности — и ужаснулись от самих себя. Только очень глупый человек или откровенный лжец сказал бы, что в гневе или в сердцах не желал кому-либо смерти, или не воображал отвратительные вещи, которые сотворил бы собственными руками. Нам необходимо размышлять о таком (говорить — рано), чтобы ужаснуться от самих себя.

Друга бы я сдал, конечно.

5.

Моя драматическая арка началась с возвращения домой... — а все, что было написано до этого — экспозиция. Но шутки в сторону.

Накануне очередного этапа работы, я вспомнил об учебной практике в издательстве у Валерия Позичина, суть которой сводилась к корректуре и редактуре самотека. Сообразно учебному плану, изначально мне предстояло быть ассистентом и монтажником у Анны Вакпис — но меня опередили, а других журналистов для меня попросту не нашлось; директор Позичин, явно не желая просто так отпускать меня с дежурно поставленной оценкой для университета, определил для меня занятия.

Халатность, с которой была организована наша практика — тема отдельная¹³. Куда больше мне интересна череда тех случайностей, что сейчас так отлично совпадают с общей картиной моего исследования дневников Сквозняка.

Вечером, когда я вернулся после неудачного свидания, то как обычно сел сортировать поставленные на ближайшие пару часов перед сном задачи, походя стараясь избавиться от скверного чувства настигшей меня бедности (не сумел расплатиться за даму — не был готов к тому, что она откажется от раздельного счета).

Я выключил свет везде в квартире, чтобы настольная лампа, наведенная на распечатанную главу пять, подчеркнула всю сосредоточенность моего внимания. Возможно, именно с таким же ощущением Андрей Рублев писал иконы. Я стал перечитывать дневник — и споткнулся буквально на третьем абзаце:

Он назвал имена. Писатели и их читатели... — на миг я замер в недоумении, будто целые часы сбора материала пропали втуне. Я что-то забыл, может что-то не понимаю? — подумал я. Пробежавшись по уже написанному комментарию, я вдруг понял, что не сообщил вам самого важного: практически ни с кем из перечисленных в дневнике лиц Сквозняк не встречался в реальности.

На первых порах сбора материала это вызвало определенные трудности. Я дозвонился практически до всех лиц с упомянутыми именами и фамилиями, но никто, абсолютно никто не знал кто такой Аркадий Сквозняк. Да существовал ли он вообще? Казалось, что весь мир решил загазлайтить меня, в действительности же я просто невольно проверял границы собственного черепа, когда в потемках сознания сами собой возникали фигуры непрошенных заговорщиков.

Во время работы в “Fish Press” я публиковал в личный блог отдельные отрывки приходящих в издательство текстов и был весело обескуражен даже не столько посылаемой графоманией (с созерцаниями природы а-ля Пришвин), сколько откровенной шизофренией отдельных авторов. Параллели обычно лежат у нас под ногами, как самые избитые и само собой разумеющиеся ответы, на которые ты обращаешь внимание лишь в последний момент, потому что считаешь себя излишне умным. Среди тонны макулатуры я выудил перл корреспонденции:

дорогой Фиш! я хочу признаться в любви Анне Вакпис. за что она заблокировала меня в своих социальных сетях? знает ли она, что я влюблен?? я смотрю на Луну и в ее белизне вижу отражение Ани. Аня Аня, ты самая лучшая в этой стране.

нам нет места под солнцем ведь оно нам чужое, оно нам не принадлежит, оно подвешенная фальшивая монетка, которой Б-г с нами расплатился тем что дозволил ходить. Луна это когда нельзя.

твоя критика _____ реформ то что отзывается у меня в сердце. ну и да. раз так, то, конечно, только там мы можем быть счастливыми. я мечтаю о том что мы

¹³ Я описываю ее в третьем параграфе своей статьи — см. “Оседланный Прометей: образование, на которое всем плевать”. Там я, в частности, говорю, почему не пошел, как многие мои однокурсники, по договору в сми.

да мы вдвоем и со всем миром возьмемся за руки в одну ночь чтобы _____. уйти ото всех и оставить эту планету пустой. мы гной мы вирус мы космическая пыль в плену Б-га. мы никто, мы алфавит без порядка, слова философа языка. мы да.

Вместе с парой человек из редакции мы посмеивались над подобными письмами как над отдушиной после тонн шизофрении — но это письмо, вопреки ожиданию, нас скорее смутило; когда я прочитал его, то мои напарники выдавили из себя улыбки и попытались пошутить, но безуспешно, словно на них опустилось проклятие. Я перепечатал его в блог до лучших времен — и оно непроизвольно всплыло в памяти, как труп со дна реки, когда я приступил за пятую главу.

В ней Сквозняк общается с призраками.

Тот флуоресцирующий блеск строк, которого он добивался, подобен попыткам призвать молнию и пленить ее в венах трупа в надежде, что тот сподобится станцевать вальс в синем одиночестве; я представляю, как Сквозняк в приступе воображения пробуждал одного своего знакомого за другим, пока все наэлектризованным роем не оказались в чьей-то немыслимой квартире.

В противовес вышесказанному должен оговориться: все имена и лица реальные. Тот факт, что Сквозняк выдумал все с нуля, не означает, что персонажи взяты им из праздного ума. Стоит отдать ему должное: определенные черты он воплотил с завидной любому натуралисту точностью (при всей их кажущейся надуманности).

Все это я сумел выяснить благодаря Виктору В.И. Виноградову, послужившему мне Вергилием на этом непроторенном пути.

Моё знакомство с ним состоялось благодаря наводке его общих со Сквозняком знакомых. Пока родительская дача нуждалась в твердой руке с лопатой наперевес, из-под вешних снегов и оледенелого затишья литературных чатов и каналов всплывали там и сям ненароком оброненные слухи и домыслы о его нераскрытой судьбе: “Да, конечно, мне приходилось как-то читать его эссе в Соленом...” — “...нет, я ничего не знал о нем, кроме того, что на одном празднике он все конфеты слопал”. Среди заметных литературных сообществ выделился полузакрытый “Endless Book”, в котором Аркадий Сквозняк значился постоянным участником, ныне же все, что говорило бы о его присутствии — плашка “удаленный аккаунт” в списке участников и неподчищенные логи. Завсегдатаи книжного клуба приветливо встречали всех редких сыщиков, чей нюх привел их к ним. Разумеется, я не был первым, но успел аккурат в тот момент, когда никому еще не надоели залетные новички, что при входе во всеуслышание начинают:

“Здравствуйте, меня зовут Ростислав Литвинов. Я журналист, и я расследую исчезновение вашего товарища Аркадия Сквозняка. Вы не могли бы что-нибудь о нем рассказать? Что он за человек?”

“Ахахахха” — помню, что такой была реакция на мое сообщение. Но по мере таяния шуток и скабрёзных вопросов про то, читал ли я авторов, которых, кажется, спрашивающие каждый раз придумывали броском костей, — я натолкнулся на местных селебрити, чья слава выходила далеко за пределы книжного клуба. “Обратитесь лучше всего к Виктору, они с Аркашей всегда хорошо дружили” — и я обратился.

Он был значительно старше меня. Ничего с виду не выдавало его настоящего возраста. В круглых очках с прозрачными дужками он был похож на молодого и хмурого Сэмюэла Беккета. По счастливому совпадению мы с ним оказались в кафе с панорамным видом на Казанский собор. Оба из Черномора, и оба прилетели в Петербург не сговариваясь.

— Я никогда не виделся со Сквозняком вживую, — точкой с запятой меж нами поставлены булочка и круассан.

Я не готовился к этой встрече. Мы пересеклись в метро, перешли улицу с улиточной скоростью туристов, и сели среди громких бестселлеров и тихих людей за столами, сделав заказ. Я надеялся, что разговор потечет сам собой, но Виктор, судя по тому, как сдержанно он себя вел, чувствовал себя как на интервью.

В Петербурге ему предстояло защитить докторскую диссертацию. Тема касалась русских эмигрантов. Словно почувствовав, что я не совсем его понимаю, он коротко взглянул на меня, кивнул принесенному кофе, погладил ядовито-зеленую скатерть и старался смотреть на что угодно кроме моей персоны, окончательно возложив инициативу на мои плечи. В конце зимы он получил “Национальную книгу” за роман “Ворон в руках” — многостраничный эпос об отравленном воображении мертвого фантаста, стилизованный под автофикшен. И несмотря на пожинаемые премиальные лавры, он сидел без ощущения триумфа, устремаясь всем вниманием вслед за ушедшим вдохновением — куда-то к затылку.

— Но вы жили в одном городе.

— Да. И? Нас ничего не объединяло. Даже в беседе мы были порознь. Каждый раз, когда я пытался завести стоящий разговор, — что-то помимо их типичного разговора о модерн- и прочих постизмах, — Сквозняка не хватало ни на что, кроме как на типичный его азиатский троллинг с видом, как будто он с подмигивающим видом что-то знает или понимает — на самом деле ни первое, ни второе.

— У вас с ним были плохие отношения.

— Он запомнился мне просто потому что вел жизнь нахального неудачника.

— А именно?

Виктор посмотрел на мою шею, как будто я недостаточно затянул галстук. Вся проблема, как выяснится позднее, лежит в прототипах. Среди неопубликованных записей Сквозняка можно найти такую короткую заметку:

“Наконец придумал подобающий дуэли рассказ. Мне претит мысль прямолинейного оскорбления — оскорблять я никого не хочу. Более того, как мне кажется, характеристика, которую я подобрал Виктору — более чем комплиментарна. Но да простит мне Б-г и да минует меня судилище по вопросам авторских персон, но я не могу сдерживать смеха, воображая, как трещит его невозмутимое лицо от клокочущей в черепе злости.”

Сквозняк был азартен, когда дело касалось литературы. Неудивительно, что когда Виктор В.И. Виноградов за три строки смешал с грязью его рассказ “Полугрань” в журнале “Окунь” — Сквозняк вызвал того на литературную дуэль. Тот самый Виктор Виноградов, чьи работы из года в год собирают премии и в списках на награждение каждая его новинка значится сверху, а о фигуре самого автора почтенные критики отзываются не иначе как о “визионере за университетской кафедрой” — вызов принял.

В Endless Book Виктор больше котируется как автор оккультно-гностических рецензий на фантастические книги, хорошо выдержанных в бульоне трансгуманизма, — нежели как литературную знаменитость. Все отдавали должное его девяти томному наследию с общим лирическим героем, что долго не мог принять собственную телесность и был разочарован, что недостаточно красив, чтобы быть моделью — многих, как и меня, потрясло, как поверх этого тела автор надевает толстую шинель с тяжелыми думами о России вместо головного убора и пытается с одной стороны помочь Родине избавиться от морока идеологической туманности, с другой — окончательно разделаться с опостылевшем бытом в провинциальной хрущевке с видом из окна на обсаженного голубями казахского поэта и писателя.

Но все-таки мало кто воспринимал его, когда он решал публично приосаниться и с видом не терпящим возражений поучать других о судьбе русской словесности. “Настоящая литература — это жизнь вокруг нас, и единственный герой в ней — это вы. Нельзя придумать убедительную личность. Каждый писатель пишет только, и только о себе. Так к чему подмигивать и говорить, что вот это — не вы? Отодвиньте границы, а лучше — перешагните ее. Превратите вашу жизнь в искусство.”

Сквозняк писал, что его посты выглядят уж больно экзальтированно. В самом деле, Виктор просто боится, что вдруг у него есть воображение и что с ним вдруг внезапно нужно что-то делать.

— Вот, полюбуйтесь, пересланное сообщение от него.

Удаленный аккаунт. Виктор, прости, но на “вы” я уж никак не могу. Мне странно читать это требование. Мы с тобой в этом чате сидим уже больше полугода — и ты сейчас решил поучать меня вежливости? А где ж ты был все это время, а?

А потом.

Удаленный аккаунт. Хватит разводить фарс, Вить. Давай без этих гейских ужимок и пародий на светское общество. Пусть за нас все скажет литература. Литературная дуэль. Кидаю тебе перчатку.

Не так сильно важно, про что им надо было писать согласно тематике, сколько сам фактический материал. Увы, дуэльные рассказы не сохранились — все было почищено модераторами в связи с устроенной перепалкой.

— Я могу объяснить. История очень проста, — Виктор осторожным движением разрезал липкий от сиропа круассан и пронзил кусок вилкой. — Сквозняк много с кем из них общался и поступил как свинья, изобразив их лица в своем мнимом искусстве.

Как я и сказал — вся проблема была в прототипах.

Виктор стал образцом для Александра Александровича Александра — русского фантаста, которому приснился план девятитомной эпопеи (якобы задуманной Борхесом) о взаимоуничтожении мировых зеркальностей, где главным героям предстоит предотвратить неумолимый апокалипсис. Ума не приложу, зачем Сквозняк завернул все именно в такую форму, учитывая, что он просто хотел высмеять череду знакомых ему лиц.

Неудивительно, что в дуэли его рассказ проиграл. Никто не оценил, что фио главного героя рассказа повисает в крике троекратного А, как будто шокированного тем, что он вынужден быть русским фантастом, который компульсивно пишет эпопею и в любой момент готов все бросить, чтобы посвятить себя перевозкам детей и племянников от секции до родственников, — вместо того, чтобы быть Виктором В.И. Виноградовым, холостым автором первоклассной прозы у которой нет конкурентов. Упомянутый в 5-й главе в рукописи¹⁴ Сквозняка Владислав — в чате Endless Book не кто иной, как Асав Постмодерньяни, заядлый музыкант и парадоксальный ненавистник литературы — вяло улыбнулся при виде своей метаморфозы из последовательного либертарианца в радикального коммуниста, одержимого идеей молекулярной лирики, что должна вращать планеты должным образом с целью уничтожения капитализма; Георгий был разделен на два лица — рахитичного казаха и грезящего о великом романе писателя; Монастырский стал философом, втайне пописывающим беллетристику в духе В. Пелевина; Рубен вдруг оказался агентом спецслужб, администрирующим книжное сообщество из Еревана; помянутый Узбеков прославился как французский романист, став популярным на гребне волны алармизма по поводу роста мусульманского

¹⁴ удалено.

населения; в честь Непольского назвали галерею — он рассыпался на хаотично пронумерованные картинки.

Я проснулся от того, что задыхаюсь. Я метался в темноте, как будто тону, ища капли для носа, путаясь в одеяле, опрокидывая подушку на пол. Но одним рывком сев на краю кровати, мне в лицо, как брошенный шелковый платок, подул ветер из растворенного окна отеля. Я сидел с нескрытым лекарством в тихой озадаченности от произошедшего. Сердце бешено колотилось, достигая висков. Окинув комнату ошалевшим взглядом, я подумал о том, что мог потерять наработки с комментариями Сквозняка — сейчас, задним числом, мне кажется, что именно эта мысль и разбудила меня.

Все вокруг лоснилось тьмой, как будто вместе со мной всплыло со дна самой глубокой из ночей; будто на пару мгновений превращенный в рыбу на суше, я наконец сумел развоплотиться в истинное я.

Удаленный аккаунт. Все в этом мире на все похоже: есть и да — и нет, но при всматривании в детали, мы вдруг обнаруживаем, что без особых помех способны пересобрать конструкцию — и подвергнуть сомнению смыслы за ней стоящие. Поэтому зеркальные утверждения могут значить противоположное; поэтому вы обречены на непонимание.

Из путаных объяснений Сквозняка, зачем ему понадобилось изображать участников чата как карикатуры на самих себя, как людей одновременно преуспевших и разочаровавшихся, можно извлечь только банальную для стереотипного художника мысль: “Я так вижу.”

Удаленный аккаунт. Ваши образы вам не принадлежат. Ваше некоммерческое бытие невозможно приватизировать даже вам самим. Тем более, когда они повторены в царстве дивных зеркал — они перестают быть вами, но все-таки почему-то вами узнаваемы.

Виктор назвал это “типичной для Аркаши ересью”. Все высказывания Сквозняка он клеймил либо так, либо называл банальностью. Когда же Сквозняк все же спрашивал что конкретно не так в его суждениях, то Виктор отправлял его читать: философов культуры А., Б., В...¹⁵

Вдвоем мы взяли билеты до Черногодара и вылетели первым же рейсом; закончив дела, узнав дату защиты диссертации, он преспокойно опустил в пассажирское кресло с влажным полотенцем на лице и дожидался, пока его кофе остынет, а вид за иллюминатором перестанет мозолить глаза безотрадной белизной.

Мы летели в молчании; сосед по левую руку то и дело поглядывал в экран моего ноутбука все время поездки.

— Вам, конечно, надо было пообщаться с Владом. С ним Аркадий дружил крепче всего из чатлан, — он закурил в ожидании такси, и в его лице после этих слов проступило нечто кроткое. Я вздохнул. Наводка на Виктора не была бесполезной, но стоя чуть ли не в одиночестве, когда всех пассажиров уже разобрали по машинам родственники и заранее нанятые шоферы, мне впервые в голову пришла мысль, что меня могут обманывать.

¹⁵ С именами в документе что-то случилось. Как бы я не разворачивался, подавляющее большинство из них либо пропадают, либо видоизменяются, сливаясь воедино, словно здесь поработала нейросеть. Так что, В., попытайся сделать с этим что-нибудь сам. Я отправил тебе на почту файл со сносками где какое имя должно стоять у Сквозняка (и у меня).

Дорога из аэропорта пролежала через черный хвойный лес, подпирающий пасмурное небо, скользя как змея блестящим бесшумным асфальтом. Насколько мне известно, три недели назад черноморские поисковики и волонтеры прочесывали эти места — кто-то из местных сообщил, что видел обернутое в синюю одежду тело. Тогда кто-то сказал, что, возможно, это и был Сквозняк. Но увы, общим ожиданиям не суждено было сбыться: в яме, куда приходили умирать домашние животные, лежал полуголый труп бездомного.

Сквозняк однажды сказал, что среди несбыточных мечт у него числится авантюра с попаданием в психиатрическую лечебницу и последующий из нее побег. Когда я спросил в личной переписке у Владислава чем продиктованы такие странные желания, он ответил следующим образом:

Владислав. Хм, странный вопрос. Вы хотите какой-то конкретики? Стоит начать с того, что мне может быть не очень охота вам отвечать. “Продиктованы”. Ага, безусловно. Продиктованы кем? Чем?

Я уточнил, что наши мечты, как наши устремления и желания, не берутся на пустом месте. Мы продукт нашей среды: близких, знакомых, государства. Какие ему снились сны, например? Их расшифровка могла бы дать нам получше узнать его личность.

Владислав. Но уж явно они не продиктованы кем-то свыше. Мое мнение. Я перестал верить в Б-га, когда увидел в детстве на пляже, как солнечным днем утонула девочка, а спасатели и подъехавшие медики ничего с этим не могли сделать. Я помню, что почувствовал что-то только когда мы с родителями уехали. И я помню, как все застыли, смотря, как из воды поднимали маленькое тельце, красиво сиявшее на солнце, прямо на пристань. Ничего нельзя было сделать. Никто ничего не мог сделать. По реке проплыл катер, и дети на другом конце пляжа радовались волнам, разбрызгивая водную пыль — вот он Б-г. Хаос.

Результат? Как видите.

— Я не планирую никуда уезжать ближайшее время. Планирую отдыхать, не читать и не писать хотя бы ближайший месяц. На сообщения буду отвечать с перерывами, — я и Виктор пожали друг другу руки; перед этим мы зашли перекусить в столовую у автовокзала. К моменту, когда все подходило к концу, Виктор стал разговорчивее, и активно предлагал содействие по сбору информации о Сквозняке. Наше знакомство было закреплено в момент, когда уличный фотограф поймал нас у выхода и, тут же спрятав лицо за камерой, навеки запечатлел наши растерянные лица — как сказал бы Сквозняк — после чего потребовал заплатить за снимки.

Смущенные этим обстоятельством, мы разделили счет пополам.

Моя драматическая арка началась с возвращения домой... — соседка одного американского маньяка отмечала, что из его жилья по ночам доносятся звуки дрели и пилы, что он часто приводит к себе людей, что из его помещения воняет мертвечиной. Увы для журналистики, но в случае с Яном Лествицким мне было не суждено собрать урожай схожих впечатлений.

— Добрый день. Я хотел бы поговорить о Яне Лествицком, вашем соседе. И...

— Я ничего не знаю!

Моя нога не позволила двери закрыться.

— Я щас полицию вызову!

Сквозь сжатые от боли зубы я прошипел:

— Поймите меня правильно... это чрезвычайно важно. Портрет убийцы...

Соседка Лествицкого высунула голову почти в упор к моему лицу и сказала:

— Я не хочу проблем. Вам ясно? Я ничего не знаю. Он даже здрасти мне не говорил. У меня график два на два, ночные смены, и днем я сплю. Днем я не живу.

И нет, я не видела ничего подозрительного.

Быстрее, чем я вернул ногу обратно и осмыслил услышанное, дверь хлопнула перед носом, и мне осталось стоять под протяжный призрачный вой сквозняка на лестничных пролетах.

Очаровательная пустота.

Во дворе не было никого, не считая забежавшего в подъезд после школы подростка. Он был невзрачен, этот двор, будто нарочито ничем не примечателен: железная песочница в виде лодки с брошенными в ней игрушками, села на мель близ текущего ручья, над которой раскачивалась пустая качеля, словно меньше минуты назад на ней кто-то сидел. Студеный весенний ветер подхлестывал в спину — и мимо меня пробежала не то заросшая грязная собака, не то стая прошлогоднего мусора.

Я не единожды появлялся среди этих домов, и каждый раз оглядывался по сторонам, ожидая слезки или непрощеного внимания к собственной персоне. Я как маньяк, я знаю, и странно, что каждый раз я не видел здесь людей, а только следы их пребывания: шорохи и удаляющиеся шаги, прильнувшие по обочинам тени минувших дел... Гуляя до ночи, мне оставались только предполагаемые призраки: кто те люди, что сделали Лествицкого тем, кто он есть? А кто те, кто мог бы это впервые заметить?

Нет ничего страшнее непредсказуемости. В детстве мы с родителями часто приезжали навестить дядю. Тетя умерла, когда мне не было и пяти, так что дядю я запомнил таким: последним хранителем тихого пристанища со старым псом в будке во дворе, стоящим напротив окна и будто пересчитывающим немногочисленных кур в курятнике.

Дядя привечал (какое слово, откуда оно у меня?) нас вареньем и пирогами, разговорами о погоде и посиделками перед телевизором, во время просмотра которого его глаза светились теплом от того, что его не оставили в одиночестве. Но во время каждого нашего приезда в повадках дяди мы замечали яркие проблески странности. Даже тогда от маленького меня ему не удалось замаскировать пропажу всех куриц и пса. Когда я спросил его о том, куда все делись, он огрызнулся, чуть ли не зарычал, и прошипел: “Не твоего ума дела, щенки!..”

Он стал дергаться по поводу и без. Один раз во время нашего совместного ужина он стал стучать кулаком по столу, после чего встал и опрокинул на него графин с водой. Мама, сестра дяди, увела его в комнату. Мы, отец и его друзья, сестра, сидели в полнейшем шоке, без слов поняв происходящее — поэтому невзирая на все усилия мамы говорить тихо, их диалог не был для нас тайной:

— Что с тобой происходит, Яков?

— Я... я не знаю! — мы не видели его, но знали, что сейчас его руки тряслись и искали собственное лицо. — Там была черная дыра. Воронка.

— Зачем ты разлил воду?

— Ульяна меня попросила.

...

— Яков...

— Она прошептала мне. Но я не выдерживаю. Я не удержусь. Там были голоса. И я да. И я хотел их утопить, да. Там, в воронке.

— Ты принимал таблетки?

— Дело не в них. Они тут вообще не причем. Дело там. В темноте. Я не выдерживаю ночью.

И я не помню, что было дальше. Мы приезжали к дяде Якову еще пару раз, но я не помню ничего, кроме финального эпизода: как мы с родителями садимся в машину и уезжаем прочь, а позади нас растворялся дом, будто пустой из-за плавающей в окнах тьмы.

Нет ничего страшнее непредсказуемости — такой, при которой ты будто перестаешь быть собой, становясь кем-то другим, чем-то другим, и возможно — втайне от самого себя. Стал ли Ян Лествицкий таким схожим образом? Или же тьма, поселившаяся в нем, исстари существовала у него в сердце? Я не знаю, что в конце концов случилось с дядей — родители не вдавались в подробности, он просто умер через несколько лет, а мне уже было неинтересно. С детства у меня была тяга дойти до сути проблемы. Расшибиться вдребезги, но отыскать ответ — всегда, но не в случае с дядей. Отпнуть прочь, спрятать на антресолях, выкинуть в чулан, закрыть и забыть навсегда. Почему? Я не знаю. Просто так легче не думать о том, что и с тобой что-то может быть не так.

Стоя во дворе Яна, я снова почувствовал, что нахожусь у двери того самого чулана, но стараюсь открыть нежеланную дверь ржавой и безуспешной отмычкой. “Я не выдерживаю ночью...” — я не выдерживаю ночь: эту ночь, что опустила ко мне взгляд светил давно погасших эпох, что были раскиданы по небу, как вспыхнувшие квартирные окна — там и сям, хаотично и безумно, словно стараясь не вызывать подозрений, что там, в окнах, никто не живет.

— Извините, вы кого ждете?

Я обернулся на голос. На лавочке сидел черный силуэт с тлеющим огоньком в зубах и железным ящиком в ногах.

— Нет, просто осматриваюсь, — и кивнул подбородком на возвышающийся за его спиной дом — глыба трехэтажной тьмы с зажженными глазастыми окнами, в которой жили отличившиеся партийные деятели во времена СССР.

Он помотал головой, тут же потерял ко мне интерес.

— Квартирку присматриваете? Этот дом строили пленные поляки и немцы после второй мировой.

— Знаю.

— А я тут просто сегодня по работе. Вон, — он кивнул на ящик, в котором я только сейчас увидел прилежшие отдохнуть инструменты сантехника. — Трубы у всех забились. То волосы, то чья-то кость. Вон там, — он ткнул на тихое темное окно, — пару дней назад девка утопилась, так еще и с трубами что-то из-за этого случилось. Меня и вызвали.

Я вежливо кивал, чувствуя неловкость от происходящего и не находя ответных комментариев. Несмотря на род моей деятельности, мне никогда не нравилось говорить с незнакомцами, особенно неподготовленным — последствия детской социофобии.

— А я ведь жил здесь, — все продолжал сантехник, туша сигарету. — В детстве. Во-он в том доме. Раньше играли на той площадке. Нынче, конечно, молодежь не та.

Он указал на сетчатый забор футбольного поля, поросший одичалой растительностью — трудно представить, что совсем рядом на детской площадке днями должна резвиться детвора.

— Уткнулся в свои телефоны и все тут, — он сплюнул; было темно, но я мог поклясться, что слова этому мужчине прибавляли лишних пару десятков лет, потому что сквозь лежащиеся друг на друга тени можно выхватить образ молодого человека едва ли больше моих лет — максимум где-то за тридцать. Внезапно, поддавшись порыву, я спросил у него:

— В детстве, говорите? А слышали про Яна Лествицкого?

К моему удивлению он кивнул:

— Мы даже были знакомы. Наверное, были приятелями. Вон на том поле как раз и подрались. Его дружбан мне че-то тогда сказал, а я и вмазал. Тут Ян и подбегает. Отделал меня — с тех пор и не общались.

Он вынул сигарету и чиркнул спичкой, на пару мгновений освещая лицо. Да, и впрямь молодой — в лучшем случае на пять лет старше Лествицкого.

— Это был единственный раз вашего пересечения?

— Не понял.

Вздых.

— Кого он защищал?

— Тут уж извиняй — не вспомню. Но я тогда так разозлился, что думал убью его в следующий раз. Я ж думал, что мы друзья. Вместе арбузы из ларьков тырили. Он как-то у кого-то деньги украл. Ну, то есть, сказал, что украл. А потом сказал, что спрятал в коробке и закопал на родительской даче. Думал, что перекопаю там все, найду эти деньги, но рука не поднялась. А когда подрались — то даже собирался. Я-то знал, где его дача — у моих предков там рядом своя. Видел ее издалека.

Насколько я знал, за Яном не значилось никакой дачи. Юрист по делам недвижимости из меня никакой, но навести справки у кого надо насчет адреса жилого имущества я все-таки в силе. Дача?

— А можете подсказать адрес?

Он растоптал окурок и встал с лавочки.

— Хочешь поискать клад? Ну попытайся.

— Хотя бы поспрашивать у соседей. Вы-то сами подозревали, что он окажется тем, кем... — слово “убийца” не шло с языка; мне казалось, что я запятнаю человека им.

— Да с чего бы? Ты посмотри вокруг. Они среди нас. Думаешь вон за тем фиолетовым окном все чисто? А насчет соседей — ты там ничего не найдешь. Все сгорело. Вот, кстати, моя визитка — если нужно будет трубы починить.

Когда я приехал по адресу искомой дачи, то меня встретил угольный хаос погорелых домов, а длинный ряд черных от копоти опор электропередач были единственными указателями порядка под агонизирующим белизной небом. Такси высадило меня в топкую грязь прямо напротив темнеющего зева веранды, на которой до сих пор стоял самовар да деревянные, чудом не сгоревшие куклы, откуда-то из прошлых времен. Здесь, конечно, ничего нет и вряд ли когда-либо было. Заброшенный огород утопал в тающем снеге. Пройдя меж грядок, я остановился у пустой будки, захлебнувшейся огромной лужей. Искать клад здесь не было смысла — впрочем, как и соседей: страшно представить, что кто-то мог бы продолжать жить на пожарище. В такие моменты мне приходится развести руками — ни прибавить, ни убавить: надеясь съехать с полной от кочек и колдобин дороги им. Лествицкого по удачной на первый взгляд тропе, я лишь оказался пред поросшим бурьяном полем, польза от которого одна — могу занести на карту отметку о том, что съезд здесь бессмысленен. Осторожно! Туда копать не надо.

Я ловил себя на мысли, что топчусь на месте. Чем больше я узнавал и приводил в порядок черновую версию комментария, тем менее весомыми казались мои достижения. Образ Лествицкого проступил со страниц Сквозняка как тень на стене, но когда я обернулся для засвидетельствования подлинника — то увидел лишь доказательство собственного опоздания: пустоту с воющим над ней ветром. Тень тени — я прямо сейчас смотрю за тем, как пляшет, качается из стороны в сторону листва на окне по левую руку от меня, отделенная желтым настенным фонарем на другом конце двора. Сквозняк пишет: “летней ночью фонарный растягивал и, в конце концов,

выжимал досуха узорчатую тень куста, чей кончик едва достигал краешка моего дома” — зачем он это сделал? Чтобы ограбить действительность. Чтобы даже самое безобидное наблюдение тебе не казалось своим, а было лишь тенью, копией чьего-то давно написанного подлинника.

И даже когда я однажды возвращался домой, смотря, как посреди ночи горит антикварная лавка, я вспомнил покрытые сажей дома с обнаженными перед небом крышами — жизнь повторяла мне когда-то случившееся, стоило мне только задержаться на поиск случайно оброненной в темноте мелочи.

Визитка же, которую мне дал сантехник, оказалась с ошибкой — номера телефона, куда я мог позвонить, не существовало, с именем же я поделаться ничего не мог, увы, не найти: Алексей Вениаминович Бах не сидел в социальных сетях, отчего бесследно и навсегда пропал.

Часть вторая.

1.

М.О. Привет, Аркадий... — переписка с Михаилом Осиповым претерпела такое сильное переписыванием Сквозняком, что впору задуматься о том, после какого превращения реальность становится подделкой, — и была ли переписка вообще? Вам, как и мне, снова предстоит угадывать целое по разбросанным частям. Благо для вас: я сумел отыскать каждую из них. Осталось собрать воедино.

Не в последнюю очередь этого удалось добиться благодаря самому Михаилу.

Сперва я записался к нему на прием. И чуть было не пожалел, подобрав для начала предлог, никак не связанный с моей будущей просьбой — украденный чемодан с осенним набором одежды, вместе с которым потерялось первоклассное кобальтовое пальто. Как вы успели понять, находить причины для инициативы я никогда не умел, как и плавно переводить тему, поэтому после фразы:

— ...да, коричневый чемодан, кажется, пластмассовый или какой, не знаю материал, с выдвижной ручкой, мне почти по пояс... кстати, вы ведь помогли поймать Яна Лествицкого? — он замер и посмотрел на меня, все поняв:

— Вы тоже пришли расспрашивать меня о нем?

Я попросил прощения. Неловкость компенсировалась тем, что Михаил в шутку объявил, что в таком случае нам надо распить бутылочку. Я сообщил, что Fish Press поручило мне сопроводить дневники Сквозняка обширным комментарием. “Чтобы с законом проблем не возникло?” — ехидно отозвался Михаил, разливая бокалы. “Читать это было по-началу невозможно. Но потом втянулся. Без восторга. А потом, спустя некоторое время... как бы сказать... Такое чувство, что...”

— Что Сквозняк всегда рядом? — предугадал я.

Во все время разговора Михаил раскрылся мне как душевный и непосредственный человек, что даже о своем бракоразводном процессе говорил с легкой улыбкой, отмахиваясь, как от летней назойливой стрекозы со взятым под арест водопадом слез: “Любовь это такое, да. Детей жаль. Шансов оставить нет. Придется платить алименты... да и ладно. Была да сплыла семья.”

Ему хотелось выговориться.¹⁶

Он любил головоломки, кроссворды, детективы.

¹⁶ Но я знаю, что ты режешь без ножа, не беспокойся. Я почистил тут все сам.

За последний месяц к нему успели нагрянуть все местные газеты — и ни одна из них не удосужилась разнообразить вопросы, позаимствовав их, судя по всему, друг у друга. Оттого интервью с ним были донельзя малоинформативными, и все как одно скрывали под броским заголовком вроде

СЛОВЕСНЫЙ МАНЬЯК: ТАЙНА УБИЙСТВЕННЫХ СЛОВ

удушливую пустоту в наряде политической агитации из секонд-хенда: у Михаила спрашивали как ему живется, правда ли мир прекрасен, и почему кому-то могло взбрести в голову покончить с собой? Кто такой человек, чтобы так распоряжаться с подаренной ему жизнью, и что у него за полномочия такие?

Безусловно, что, когда речь идет об общественном благе, нам стоит сужать свободу человека во владении своим телом. Самоубийство — это отвратительное и вредное для общества явление, и для борьбы с ним можно пойти на все. Я понимаю.

[Но я также понимаю и тех, кто отказывается идти по этому пути, считая, что правда — куда важнее. Возможно, мы бы могли лучше понять природу смерти, взгляды самоубийц, если бы позволили им говорить и рассказывать о своих чувствах. Не для всех наш прекрасный во всех отношениях мир — такой же, каким он видится нам. Так может обществу скорее пошло бы на пользу открытый разговор об этом?

Быть может девочки, пожелавшие прекратить существование — могли бы стать уроком, дай им голоса, а не выставляй в качестве безмолвных кукол на всеобщее обозрение?]¹⁷

— Вы говорили с Лествицким?

— Нет. Я слышал, что в писанине Аркадия Сквозняка есть намеки на его полную осведомленность. Но даю руку на отсечение, что это невозможно. Самого Лествицкого я, кстати, рядом со Сквозняком не замечал. Тот как-то прошел мимо моих глаз.

— Сейчас меня интересует больше Сквозняк. Вы обнародовали его дневники, тем самым подстегнув полицию поймать Лествицкого.

— ...Да. Но должен сказать, что моя роль, конечно, сильно отличается от того, что Аркадий у себя там написал.

Подробнее этот момент Михаил Осипов осветил в гостях в тру-крайм подкасте “В кроличьей норе”. Приведу лишь расшифрованные отрывки.

Осипов. Вообще, наладить с ним контакт было не сложно. На такой случай у меня есть куча самых разных сим-карт, чтобы представляться разными личностями. Тут главное не забывать легенду каждой. Ну и держать в уме какие-то значимые черты. В плане, например, ну, стикеры вы держите перед собой?

Элис (псевдоним, ведущая). Черты характера? Как на этих схемах на Пинтерест? (усмехается.)

Осипов. Ну да, наверное! Я не буду в подробности вдаваться. Делали когда-нибудь фейковый аккаунт в соцсетях, чтобы потом от его лица поговорить с интересующим вас человеком? Та же схема, только сложнее.

¹⁷ Не знаю, что на меня нашло, В.; как будто какой-то морок, как будто это писали не мои руки. Все чаще подобное замечаю, раньше относился с юмором, но сейчас думаю обратиться к врачу. Думаю, температура может быть как-то с этим связана. Ночью проснулся весь мокрый, в поту, не мог вдохнуть, как будто во сне меня кто-то топил.

Если что — абзацы вырезал.

Элис. Просто в опубликованных отрывках, если мне не изменяет память, Сквозняк общается с вами напрямую...

Осипов. Он мог о чем-то догадываться, я не спорю. Я так же не спорю, что с некоторыми личностями, от чьего лица я писал, наверное, я сплеховал.

Элис. Ну вы не занимаетесь профессионально лицедейством, конечно.

Осипов. Дело не только в этом. Просто мы не можем быть людьми, которые при этом были бы умнее нас самих. А со Сквозняком нельзя по-другому. Знакомый психоаналитик, когда я ему описал Сквозняка и показал переписки с ним, сказал, что у парня как минимум там высокофункциональный аутизм. Это ж надо было так поехать на плетении словес.

Что до остального... Алиса, прежде чем появиться на пороге у Сквозняка, я долгие дни, недели, месяцы рыскал по его цифровому следу. Узнавал историю посещений сайтов, ходил за ним где только можно. Если можно, то я бы не стал выкладывать сугубо профессиональные детали своей работы. Тем более, что сам по себе Сквозняк, как оказалось, всего лишь посредник. Лествицкого я заметил слишком поздно.

Элис. ...И странно, что никто, абсолютно никто не подумал, что вся эта серия самоубийств может быть чем-то связана! Ведь... [вырезано.]

Осипов. Я бы не был так категоричен. Найти связь здесь и правда непросто. Правоохранительные органы не видели состава преступления. Его тут сложно усмотреть.

Элис. Как Лествицкий убивал своих жертв? Объясните.

Из неопубликованных записей Аркадия Сквозняка:

Нет ни одного мужчины, что не мечтал бы перед сном не проснуться следующим утром. Пропуск хода засчитывается в копилку будущего поражения, как не-выбор, не-удача, не-желание, не-успех, — как, в общем, любое не дефис жизнь. Гиперактивная гонка с участниками на лошадиной дозе наркотиков и стимуляторов — есть только победа и поражение. Здесь нет третьего пути, здесь демократия реальности поскальзывается; выход из гонки приравнивается к поражению, не хочу, не буду, не ной, благословенный солнцем, идти некуда — только в бесконечные анфилады тьмы вслед за убегающей мыслью — моим референтом: Яном. Это он. И единственное, что остается ему в угасающем сознании — умершая когда-то и в чьих-то стихах женщина. Дама.

Стрелки часов утопали в обозначаемом ими приближении полуночи, и за отбывающим светом — отбывало и время, нарезая куски последних минут, пока капли красных секунд стекали с рук.

Я протягивал перочинный нож, который он дал мне вымыть, поддержать, приготовить. Он помотал головой.

— Тогда зачем? — вопросительный знак, как на крючке, готовился к падению на шесть.

— Я не знаю. Мы договорились, — он опустошенно смотрел на Марию. — Я должен. Я ведь должен?

Он спрашивал разрешения? Сомневаюсь. Пытался подтолкнуть себя к совершению затеянного. Мой референт — я мыслю, а он делает. Но только сейчас он помедлил, словно принесенная ей жертва искупила наши жизни и приказала долго жить.

Не проснуться на следующее утро — в надежде оказаться в укромной, как утроба, ночи.

Осипов. Это... сложный момент.

Элис. Ну вы попробуйте.

Осипов. Если попытаться объяснять прямолинейно, то, наверное, нельзя назвать это в полном смысле убийством. Наверное правильное будет сказать, что Лествицкий подначивал своих жертв к самоубийству. Точнее как: он находил тех, кто изначально был к этому склонен.

Элис. А зачем?

Осипов. В смысле — какой мотив? Я думаю, что

Он боялся оставаться один, он боялся как быть с открытыми глазами, так и закрывать их по ночам. Я не сразу это понял: как и все, возвращаясь домой с работы — каждый раз разной: грузчик, охранник... — он не ложился спать даже вконец уставшим, желая хоть чуть-чуть пожить, не желая ставить скоротечную жизнь на кнопку перемотки; так как страх остаться одному пересиливал всякую утомленность, он никогда не засыпал с намерением заснуть — а включал в полной темноте на ноутбуке в ночной комнате бесконечную трансляцию lo-fi girl: девочку, играющую ему бессловесную колыбельную на фоне, пока она не растворится вместе с ним. Свернувшись в позе эмбриона он ждал, когда я приду, и мы вновь сможем продолжить Sonya in Divoland, облачившись в амплуа Рональда и Алехандро. Как твоя женщина, Ян? Мы оба хотим умереть. Пока не знаю, как выйти к ней на откровенный разговор.

Элис. ...да? Как-то странно звучит. А как же вы тогда смогли его поймать? Ха-ха, у меня начинают появляться сомнения!

Осипов. Я никогда не говорил, что я поймал его. Я скорее помог его поймать.

Приложил руку, едва соприкоснулся, косвенно повлиял — эти и многие другие обходительные формулировки обычно использовал Михаил, устраняя даже слово “помог”. По своей природе он был скромн, не говорил, как все, что недавно развелся с женой, что нужно платить алименты, не жаловался. Дав мне контакты следователя Валерия В.В., ответственного за дело Лествицкого, он наверное собирался самоустраниться, явно с не очень большой охотой присутствуя на полях комментария.

Но уже на следующем абзаце нам суждено было пересечься, когда в полиции мне сообщили, что В.В. подал в отставку, и вообще он исчез, пишет, наверное, мемуары, хе-хе, сказал к нему нет доступа. Я так и понял; отступим на два шага назад.

Элис. Вы собираетесь искать Сквозняка?

Осипов. Ну, слушайте. У меня много работы. Да и к тому же я не думаю, что люди без меня не справятся. Много ведь способов слежки есть. Биллинг мобильного телефона тот же. Отследить когда он в последний раз заходил в сеть не составит труда. А вообще странный вопрос.

Элис. Извините! Просто попросили задать, я не смогла отказать. Хорошо, вернемся к Лествицкому.

Осипов. ...я не думаю, что суд постановит освободить его из заключения. Это хотели спросить? То, что он сделал — тяжелое преступление. Никто не вправе влиять на чужую жизнь так, чтобы эта жизнь обрывалась. Я говорю банальные вещи, да?

Элис. А откуда мы можем знать, что именно Лествицкий заставил их сделать то что сделал?

Осипов. А они сами про это нам рассказали.

Элис. ...?

Осипов. Ха-ха, ну не в таком же смысле! (смеется.) Я слышал, что совсем скоро издательство Fish Press планирует издать полностью неопубликованные записи, дневники и черновики Сквозняка. Думаю оттуда вы и узнаете всю правду.

— И все-таки вам не поступало заказов или предложений о поисках Аркадия Сквозняка?

— Тишина. Я пробовал отыскать какие-нибудь хвосты в интернете, но пусто. Испытал даже имя каждого персонажа из всех рассказов двух его сборников — думал, что может скрываться под ними. Но нет, тоже тишина. Украдкой опрашивал знакомых — и никто не отвечает.

В кладовой кабинета Михаил складировал ящики с бумагами минувших лет: материалы по раскрытым и нераскрытым заказам, что ждут своего часа отправиться на макулатуру. Часть из хранящегося у детектива рука не поднималась выбросить: столько труда и усердия было вложено в каждую из этих зашнурованных папок. Озарив полки светом болтающейся лампочки, мы провозились полчаса в поисках не пригодившихся записей и заметок: вынутые из мусорных урн чеки, расписание прогулок, уходов из дома...

— Можете посмотреть, конечно, но ничего интересного вы там не найдете. Приберите потом обратно.

Для Михаила вряд ли могло представлять интерес, что Аркадий практически не пользовался домашним телефоном — Сквозняк делился в переписках историей, как в детстве его напугала мать, сказав, что по телефону призраки могут похитить твою душу. Отсутствие звонков, практически полное неиспользование телефона лишь подтверждало его историю. Оказалась не байка.

Или вот: по натуре он был консерватором в своих вкусовых предпочтениях, покупая из разу в раз оптом один и тот же набор овощей, мяса и молочной продукции; “делает пиццу”, “слышно, как в блендере взбивается будущий молочный коктейль” — дотошность комментариев Михаила слегка пугала и воображение не отпускало картинку, как он еженощно прислонял ухо к двери, вслушиваясь в каждый шорох. Не удивлюсь, что кроме этого он проверял и выброшенный му... ах да.

— Вы нашли источник его дохода?

Михаил, обуздав крупный нос очками, взглянул из-под них на меня:

— Это важно? Нет. Но ведь его отец был бандитом, а сын удачно сумел распорядиться накоплениями.

— Так это правда?

— А почему нет? Думаю да. Я не стал копать настолько глубоко — это никак не касалось дела.

— Версию торговли органами убитых вы не рассматривали?

Михаил с улыбкой поморщился:

— ...Нет? Нет. У всех девочек органы были при себе. Я понял, конечно, вы шутите, да. Я тоже думал о схемах черного подпольного заработка, но нет. Сквозняк ни в чем не замешан. А где он хранил деньги? Наличные, возможно. Криптовалюта, как вариант.¹⁸ Но счета в банке у него были более чем скромные. В любом случае он позаботился об угрозе налоговой службы, раз та им никогда не интересовалась. Насколько я знаю.

¹⁸ Здесь мои рассуждения приурочены к поиску денег, которые мне внезапно понадобились для интервью с Лествицким. Представь себе, В., тот не захотел со мной общаться никак, кроме как платно. Откуда я возьму деньги? Фиш Пресс не хочет выделить мне чего? В общем, надеюсь, что в окончательной редакции комментария ты смонтируешь эти наши предположения как следует.

Я был далек от юридических перипетий и от дьявольских деталей делопроизводства, так что для меня, как и для читающих эти строки потомков, положенное на операционный стол бюрократическое тело Сквозняка ставило вопросы — что это? как работает это? а это важно? — так, словно бы ко мне вынесли подготовленное ко вскрытию подлинное его тело, и позволили спросить на что из внутренностей стоило бы пристальнее обратить внимание. Михаил, поправляя медицинскую маску и приступая к операции, хмыкал бы про себя: “странно, этот человек жил совершенно полым.”

Во всей ситуации оставалось неразрешенным, как ему удалось оставить такой скудный бумажный след. В случае с Лествицким минимум документов был обусловлен сведенной к минимуму жизнью, но этот минимум был хотя бы не беспочвенным: так, например, мы точно знаем, что Лествицкий ходил в школу и держал при себе медицинскую карточку, три раза менял удостоверение личности по причине утраты, приобрел загранпаспорт, ни разу им не воспользовавшись, и безуспешно пытался получить водительские права, что успешно позволило наметить нам его след.

Сквозняк — бюрократия иного толка.

— На руках у нас толком ничего и нет, — излагал Осипов; позже сказанное им и станет подспорьем как для этого комментария, так и для мысли, что все-таки Сквозняк существовал. — Вместо школьного аттестата — знание, в какой он школе учился. Вместо диплома — название университета, где он его предположительно получил...

— Предположительно? — я рассматривал его книжные шкафы — ничего примечательного в рядах дешевых уличных детективов и документов по юриспруденции.

— Вот в этом вся загвоздка.

Столько вопросов, столько вопросов... — ...

Маргарита. Хотите вы того или нет, но бумаги — это не то, что делает человека человеком. Хотя в случае с Аркадием это звучит более чем иронично ведь мир, как мы знаем, текст. Он любил подтрунивать над этой мыслью, но сам регулярно подтверждал ее. Когда я кидала ему красивые картинки, то он спрашивал: как думаешь, а как бы это выглядело в словах? “Что ты чувствуешь, опиши это” — частая просьба от него. Однажды я слегка вспылила, раздраженная его одержимостью словами. Написала ему, что вместо того, чтобы порадоваться подарку от подруги (музыкальная шкатулка с заводными часами) который я ему сфотографировала, он первым делом спросил: “Это поместится в трех предложениях?”

До меня не сразу дошло, что это он так шутил, иронизировал сам над собой. Просто до этого он вывалил на меня стену текста, посвященную его отношениям с литературой. А я тогда была не очень в настроении, сказала: послушай, кроме твоих хобби есть и другие вещи, люди, любовь, друзья, жизнь. И другие параллельные литературные вещи.

Он мне ответил:

Удаленный аккаунт. Ты сейчас излагаешь ужасно мешанские вещи.

Меня вынесло, я всю эту его простыню бросила в стирку с концами. Немного жалею. Текст ведь был интересным. Что-то про соотношение знаков с реальностью и текста с подлинником. Не помню. Сейчас это к делу не относится.

Я написала ему каких-то глупых грубостей. На несколько часов вышла из сети, переживая все в себе. Хотелось выжать досуха Аркадия, чтобы вся его спесь утекла по ливневым стокам после дождя — тогда у меня за окном поливало, поэтому так быстро нашлось сравнение. Не знаю, что на меня нашло — подумала я где-то через час, хотя

чувства говорили другое. Я поняла про себя, что не всегда и не совсем собой могу управлять. Мне показалось, что раз сердце мне неподвластно, то может быть и вспышка гнева была всего лишь произвольной прихотью? Я долго мирила две половинки своей личности, и в конце концов решила, что должна попросить прощения у Аркадия. Нутро продолжало ныть: “нет! стой на своем!” — хотя последний кирпич фундамента чувственных доводов уже давно (ну, минут пятнадцать назад точно!) был разломан в крошку.

Я открыла переписку и уже приготовилась писать извинения, как вдруг

Удаленный аккаунт. Прости, я не хотел.

У меня руки зависли над клавиатурой, я только написала ему: “Ничего страшного, все в порядке.”

Чувство собственной правоты вновь возобладало во мне. Думаю, что извинись я тогда, наши отношения бы только испортились — потому что почувствуй себя правым тогда он, то больше это не был бы диалог на равных.

Рита. помните, ростислав, вы спросили меня про его недостатки. мягкость. хаха)) да, это может быть смешным, и он тоже отнекивался, говорил, что твердости ему хватает. нелепыш.)

обычно мне мужчины надоедают, когда я начинаю чувствовать над ними власть. вот с Аркашей я почувствовала, что сейчас вот сейчас он все он мой. и нет чувства не пропали. наоборот. хотя он меня не любил. я замечаю, когда мной пытаются манипулировать. вот он пытался. я его полюбила даже несмотря на то что по нему видно что ему нужно было только мое тело. вот думаю он видел во мне привязанность. и думаю это позволило ему закрыть глаза и не замечать что я тоже вижу его насквозь.

так что думаю да, сейчас думаю и да — этот Ян бы смог продавить его.

Маргарита. Не думаю. Не думаю, что у него могло быть другое имя, фамилия... да нет, это бред. Он, конечно, мечтал оказаться шпионом с поддельными документами, преследуемым правительствами всего мира, что скрывается в хибаре и выходит только на свет луны. Вы думаете он так поступил? Ну нет — бюрократия всегда вызывала в нем священный ужас, а перспектива заполнения бумаг могла испортить ему настроение настолько, что кроме как о канцеляризмах он ни о чем бы не думал. Да и к тому же... он был слишком неуклюж по жизни, чтобы сыграть такой спектакль.

Михаил. Вы говорили, что он обращался к вам за консультацией о пересечении границы и о документах, которые ему для этого понадобятся. Это так?

[юридический консультант.] Я не должен вам об этом говорить. Как вы узнали, для начала? Впрочем, думаю, что не нарушу ничье право на тайну, если скажу, что он интересовался из праздного интереса — и не более. Уверяю вас, что серьезных намерений у него на это не было. Почему я так думаю? Он сказал, что хочет сделать из этого стихи.

Вам не удастся найти в открытом доступе стихотворные произведения Аркадия Сквозняка. К счастью, Маргарита предоставила мне черновой вариант, наверное, единственного его стихотворения, которое в принципе можно раздобыть.

*Хрустальный белый луч — ты диво воплощения
Небесного: рука, создавшая тебя,
хранит секрет нетления, принадлежа
Вселенной; ты...
"но, стой, кому ты скажешь — ты?"
Поэту, воспевавшему тебя, звезда,*

*мерцающая там, ты отблеск света,
комета, солнце, призрак — ты
принадлежишь не мне, не небу этому, а
вот смотри: игре
ума и сердца переплетение сулит
рождение.*

*Из почвы пыли звезд
взорвавшихся когда-то, он,
не облаченный светом, сокрытый
тенью — этим
доспехом божества, ворующего
краски — художник, безоглядки
пустился наутек.
Стезей лазурной
от рыцарей, безумный
он правил лошадьми, карета мчалась —
Диво! Да, диво, так
Назвал он царство,*

Маргарита. Как он мне сказал, размер и ритм был навеян стихами _____. Когда я прочитала то его стихотворение про бабочку, то поняла, о чем он — уловила ритм.

Удаленный аккаунт. Ржавая скрипка или, не знаю, правильное будет сказать — подводная: такое чувство, словно я правлю смычком откуда-то из-под воды, и единственное, чего достигаю — это извлеченная из нот рябь посреди нисходящих лесных бемолей.

Маргарита. Вот так и говорил, да.

[*Я вышел на прогулку...* — последовательность, к которой я стремлюсь, обусловлена поиском ключей небытия, разбросанных по карте.]¹⁹

_____\\

Ян:... — я честно пытался встретиться с ним.

Этика журналиста требует от меня представить голос каждого участника для полноты картины — даже виновного.

Протянутое Яну Лествицкому приглашение безуспешно прошло через вторые и третьи руки, чтобы вернуться со слитой суммой впечатлений о нем, как диктофон, что забыли выключить. Отказ от краткосрочного свидания не был никак объяснен кроме нежеланием самого Лествицкого. Руки у меня были коротки, и способы надавить на заключенного отсутствовали — позвонив Михаилу со словами: “Ты не мог бы как-то

¹⁹ Без комментариев. Просто без комментариев, В., просто удали это. Вот что значит — работай пьяным, перечитывай трезвым. Больше никогда я не буду размешивать спиртное с рабочим.

На самом деле я просто очень сильно устал. Такими темпами я сойду с ума.

уговорить начальника тюрьмы заставить Яна дать мне интервью?” — на что он незамедлительно ответил: “Со здоровьем все в порядке?”

Лишь факт общей нужды разговора с Лествицким помог мне вытащить детектива ветреным вечернеюющим днем. Когда он ступил из такси в чавкающую дорогу в неплотно застегнутом кремовом плаще со вжатой в плечи головой и острым сожалением, что машина не разбилась в пути, то я понял, что никакого успеха мы не добьемся. Взяв на себя ответственность достать нам Лествицкого, Михаил прошел мимо меня, я же стенографировал тот самый невыключенный диктофон:

— Как заключенный ведет себя? О чем говорит?

Ануар²⁰, уборщик. Да что сказать? Я ведь с ним не говорю, как и он со мной. В камере сидит один, насколько я помню, сокамерники у него часто меняются. Я бы назвал кого-то, да вот имен и лиц не помню, все они как один.

Кирилл, охранник. Чем он всем вам так интересен? Обычный зэк. Самый что ни на есть. У них там все тихо, проблем с ним было. Ну, вот фотографии на стене.

Никита, охранник. Да с чего бы это с ним должно быть что-то не в порядке? Имеете в виду, что его могли подставить? Все-все! Все, дальше я с вами говорить не буду.

(Даже медицинская маска и желтые очки не могли скрыть в полной темноте мое лицо от недоумения, высвечиваемого синим экраном ноутбука, когда я вбивал эти слова — сначала в тюрьме, потом в комнате, — не находя слов для реакции, которая не очень входила в пазы со словами тюремного персонала. Кто такой? Чем интересен? — большинство из них проявили такое равнодушие, что детальное их перенесение на бумагу выглядела бы как сатира на учреждения не столь отдаленные.

А. Ну я могу потом поспрашивать, перезвоните.

Б. Попытаюсь уговорить его? Да я даже не знаю где он сидит.

В. Мне-то какое дело? А вы кто и почему задаете такие вопросы? У вас есть полномочия?

Представьте себя на месте респондента и выберите правильный вариант ответа; допускается приписать вариант Г. Все ответы верны.

Все это, конечно, безобидные шутки. Сидя в столовой, я обзвонил всех знакомых в надежде, что хоть у кого-то найдется родственник или друг, сидящий или работающий в тюрьме. Многие журналисты по долгу службы общаются как с заключенными, так и с их ближайшими охранителями. Бывшие одноклассники разочаровали сухими отказами, и куда мой список неумолимо сокращался, я, в конце концов, позвонил Виктору:

— Удивительно, что с таким запросом ты позвонил ко мне, — я не стал говорить, что у меня просто не осталось имен в контактном списке. И так как никакими знакомствами он не располагал (да откуда они у меня?), я уже собирался класть трубку, как вдруг он сказал:

— Я недавно окончательно рассорился с участниками Endless Book. Можем встретиться и поговорить. Расскажу тебе кое-что.

Я кивнул. Но, вспомнив, что мы сидим не рядом, ответил “хорошо” и выдохнул. Что-то нехорошо.)

Кирилл, охранник. Да чем он может заниматься? Книжки читает, и много. Я уж названий не вспомню, но последнее, кажется, был _____ и Клаузевиц.

²⁰ Я изменил имена и распределил между парой из них реплики десятка опрошенных, что сумел поймать, когда те шли с работы домой и до кого мне удалось дозвониться.

Я закрыл ноутбук. Поднявшись со скамейки размяться, я тут же стал мишенью для недовольного вахтера, которого явно раздражала моя ходьба. Он попросил выйти на улицу и ходить там без лишнего шума, а затем вскинул, как щит для лица, пожелтелую от времени прессу, на которой невзначай было написано:

~~АРЕСТОВАННОГО — ЗА — ХРАНЕНИЕ — НАРКОТИКОВ — МУЖЧИНУ
ПОДОЗРЕВАЮТ В РЯДЕ УБИЙСТВ СО СКЛОНЕНИЕМ К СУИЦИДУ...~~²¹

Прошел час, прежде чем Михаил вернулся и мы направились обратно под аккомпанемент унылого хлюпанья под ботинками. Я поправил петличный микрофон в галстук и наушники.

— Как успехи?

— Безуспешно, — он закурил, стряхивая пепел в урну моей безутешности. — Зато я наконец-то кое-что понял о нем. О Сквозняке.

— Да?

— Его не существует.

— Не понял?

— Аркадия Сквозняка, — он разгладил плечи, попривыкнув к ветру. — Я думаю, что он и Ян Лествицкий один и тот же человек.

“И такая интерпретация сближения двух судеб не лишена смысла...” — первое, что хотел написать я, но как говорят госслужащие: буква убивает, а дух животворит. И в тот момент мой дух, что день ото дня блуждал по пятам как Лествицкого, так и Сквозняка, не находил себе в метаниях места.

— На чем основано данное предположение?

— Полное отсутствие доказательств его существования, как мы выяснили, и с чем сложно поспорить. Фотографии? При этом у нас нет фотографий Лествицкого. С судебного заседания — ни одного фото, а на единственной записи, где его выводят из зала суда, он прячет лицо за капюшоном. Вы хоть одну достали? Или доверились писанине Сквозняка? — и он встал ко мне вполоборота, смотря на комки грязи у нас на ботинках, оглядывая открывшийся вид на темнеющую лесополосу за автострадой. Тюрьма стояла на холме за городом с вьющейся к ней, как змея, дорогой, и...

— Вы очень доверчивый, Ростислав, — безобидный тон вкупе с переходом на вы звучало не как упрек, а как разочарование. Я не нашел что сказать. Неожиданность предположения могло бы выбить почву из-под ног, если бы я не завяз в грязи по колено, так что я просто не мог ступить и шага. Когда я собрал в кучу россыпь возражений, чтобы выудить на свет, как мне показалось, такое, что комар носа не подточит, за ним уже приехало такси. Последний кадр, что мог бы запечатлеть фотограф: Михаил занес ногу в салон автомобиля и оперся о дверь, сказав мне напоследок: “Я дал вам ответ. Дело закрыто. Идите домой.”

(За спиной лишний раз содрогнулись от ветра железные ворота тюрьмы. Колочая проволока на длинном бетонном заборе царапала небо, после чего раны прижигали зажженные звезды. Почернелый лес сгустился темной стеной впереди, приглашая

²¹ Заметь, что даже имея о нем информацию как в бумажном, так и в цифровом виде, они проявляют фантастический уровень халатности, говоря, что даже не понимают о ком конкретно я их спрашиваю. Думаю, что книга не пойдет вразрез с мнением власти.

P.S. Не понял, зачем ты мне это зачеркнул.

пройти сквозь него, а проезжающие по дороге фуры грез уносились в город, роняя блеск фар, как луна по руслу реки.)

А вот теперь —

И такая интерпретация сближения двух судеб не лишена смысла...

Эпилог

Поставленная точка напоминала о не выпитых таблетках — островках стабильности здравомыслия, профилактики лихорадок. Я безвылазно провел целую неделю дома, не сходя с маршрута от кухни до туалета и обратно — в постель. Комментарии стали моим дневником, конспектом меня вчерашнего, что представлен на суд будущего. Это что, я комментировал? Это мои слова? Я стер всю эту чушь до последнего. Бывает, что тебе стыдно за сказанное — как хорошо, что мне редко приходится общаться с кем-то по переписке, иначе я не смогу избавиться от заикания вездесущих запятых перед желанием что-то сказать.

В моем мире с работой было покончено, и мне оставалось только ждать гонорара, пока к концу недели я не получил то прекрасное письмо со словами: “Ты что, заболел? Я жду окончательного варианта.”

Заболел — мягко сказано. Будет напрасным переводом слов попытка описать коктейль эмоций при виде черновиков, которые я отправил, и который я вторично запивал густо разведенным порошковым антибиотиком, предвкушая в порядке возрастания: ноющую головную боль, распечатанные копии написанного, мучения в попытке вспомнить — что я вообще, мать его, сделал, а что должен был?

Сообразно Obsessii, план мучений был написан и предписан к скорейшему выполнению.

Окинув прощальным взглядом оцифрованные копии дневниковых тетрадей Аркадия Сквозняка в начале недели, в конце я включаю аппаратуру и сижу в тишине со стройным шелестом деревьев, шепчущем о наступающем лете. Утро, брезжит рассвет.

Вместо будильника мне приходит сообщение.

Жду окончательный вариант.

Часть 3.

Я... — ...

Сортировка цитат всех существующих на русском предложений, начинающихся с местоимения “Я”, как не сложно догадаться, вряд ли способна окончиться плодотворно. О каком окончательном варианте может идти речь, если сами тетради обрываются на этапе вымаранных эпиграфов?

Аноним... — кто же на этот раз?

В последние ночи мне снились странные сны, осадки которых застряли в памяти образами на мелководье: выброшенная на сушу рыба, лодка со скрипящей уключиной у причала, туман над рекой. Я болел, был близок к выздоровлению, и казалось снова проваливался в пучину нездоровья.

Меня терзали смутные сомнения и предчувствия, как будто все, что происходило и происходит со мной — не на самом деле. Как будто все подстроено и предопределено заранее, а мне остается только скользить, не задумываясь о конце.

Ответ Михаила, что должен был таким концом стать, вдруг оказался кочкой о которую я нехотая споткнулся и сошел с пути.

Я позвонил в тюрьму, снова надеясь на свидание с Лествицким, но как и раньше получил категорический отказ. Я написал в Endless Book: “было ли у Аркадия раздвоение личности?” — и получил гору насмешек и пару сообщений о том, что я странный и меня надо забанить.

Все это — не иначе как система какого-то бреда, распутывание которого сулит только сумасшествие. Я ходил по комнате с ноутбуком в руках, перечитывая написанное, ища изъяны и думая об одном:

“Даже если Сквозняк и Лествицкий один человек — по какой причине ему понадобилось склонять девочек к суициду?”

Я удостоверился, что не схожу с ума — я проверил их имена и выдохнул, когда окончательно убедился, что они существовали в одном со мной мире, что они дышали и ходили, что *они были*. Сомнение в здравости рассудка — это нормально, и я ущипнул себя, дабы на всякий случай удостовериться, что все еще нахожусь в общей с остальным человечеством реальности. Я перепроверил все еще раз. И еще. И еще, пока мнимые крылья за спиной не исчезли, отдаваясь ощущением твердой почвы под ногами.

Пробыв в прострации еще с несколько дней, я наконец понял, как мне удастся восстановить утраченное, восполнить ушедшее, дописать недописанное. Внимательное штудирование черновиков, рассказов и дневников Сквозняка позволило мне полностью воссоздать во дворце своего ума замысел несчастного друга убийцы. Мне нужно было одно слово, чтобы то стало предложением, и абзац — чтобы превратить его в страницу, а то и главу. Казалось, что с приходом здоровья ко мне пришло ни с чем не сравнимое озарение.

Я проник в его жизнь. *Стал им.*

1.

Я возвращаюсь... — подвешенность сказанного открывает нам поле для спекуляций. Возвращаюсь откуда? Уходил куда? Кто такой Я? Не было ли это неудавшимся зачатием эпитафии?

Во время хождения по двору, где Сквозняк в последний раз снимал квартиру, я насчитал ровно 9867 шагов пути от двери его квартиры до обхода всех интересующих меня соседей. Сколько это ударов сердца? Можно только гадать.

Далее Сквозняк пишет: “*Обитель дальная несчастий и фантазийных нег.*” — потрясающая неразборчивость формулировок. Что это значит? В каком смысле далекая от несчастий?

Надо ли говорить, что пример подобного — лишь первые приметы набегающего кризиса личности, который до сих пор оставался незаметен только потому, что текст принципиально не способен передать тончайшие перемены характера. Однако будет несправедливо относиться со всей строгостью к данным отрывкам, опираясь на потенции, но не на факты — нередко мы угадываем всю фразу человека, стоит тому только выдать первое слово, и чем теснее мы с этим человеком знакомы, тем проще нам даются подобного рода предсказания.

Но даже самый отлаженный механизм дивинации дает сбой.

На деле мы имеем две несвязанных друг с другом строки. О том, что они принадлежат к последней части дневников, нам позволяет говорить вложенные меж пустых страниц записные на стикерах интерполяции Сквозняка.

Я возвращаюсь... — давайте же проследуем за ним.

Во все время разысканий мне не приходило в голову, что раскинутая им сеть уловок, связей и знакомств могла простирается куда дальше и глубже, чем я мог бы предполагать. Выйдя на улицу как будто бы на прогулку, я то и дело ловил взгляды прохожих, даже если те были устремлены куда-то в сторону. Стало ясно, что Сквозняк, прознав о расследовании по его душу, подкупил окружающих меня людей, и доверять

было больше некому. Когда я покупал молоко, то опущенные dolu глаза лишь подчеркивали замаскированную намеренность слежки. Я продолжал кивать, здороваться и пожимать раскрытую ладонь соседу, но больше не мог избавиться от мысли, что и соседи мне больше не друзья, не знакомые, а самые настоящие враги.

Наливая молоко в стакан, я, черт, мог поклясться, что на миг в его поверхности что-то промелькнуло, некий плавник, внезапный взмах крохотного рыбьего хвоста. Я тут же опрокинул все содержимое в раковину — и мой подводный шпион мгновенно улизнул в водосток.

Поимка Сквозняка перестала быть просто сдельной работой.

Воздух надувался жаром, как мехами, и любая летняя одежда делала тебя обнаженным перед чужими взглядами. Самое логичное, что можно сделать — это одеться так, чтобы ни один человек не сумел разглядеть тебя, не сумел проникнуть в тебя взглядом. Я достал осеннюю шапку, черные очки, и как за шлемом, спрятал лицо за медицинской маской. Мое облачение прекрасно дополнил желтый дождевик — в таком доспехе я и отправился на железнодорожный вокзал. Держа фотокарточку Аркадия Сквозняка, я прислонил его к стеклу кассира и ударился о него лбом, хоть так стараясь остудить покрытый испариной лоб.

— Вы видели этого человека? Его звали Аркадий Сквозняк. Возможно, он называл себя Яном. Яном Лествицким. Вы его знали, видели?

Они напугались, узнав эти лица, и когда кассирша робко позвала охранника — я побежал, огибая пассажиров, перепрыгивая через красную линию, минуя металлодетектор.

Я не в безопасности.

Аэропорт? Идти в аэропорт было бессмысленно. Уверен, что Сквозняк заплатил кому надо и там.

Сквозняк стал всеми. Стал ими.

Что ж, в таком случае и я тоже — Аркадий Сквозняк. Я такой же как они. Я такой же, как он.

А раз так, то я имею полное право дописать дневник.

Итак, после моего исчезновения, я наконец-то возвращаюсь...²²

²² Привет, Ростислав.

Я устал повторять тебе одно и то же. У меня складывается впечатление, что ты не читаешь сопроводительные к файлам письма, так как у меня в уме не укладывается, почему ты продолжаешь дублировать нашу с тобой переписку в этих сносках, и никак не реагируешь на присланные мной правки, и вместо этого вносишь все больше ошибок как в рукопись А. Сквозняка, так и в свои комментарии.

Не вижу другого способа обратить на себя твое внимание, кроме как оставить сообщение тебе здесь. Жду окончательный вариант.

С уважением, В.

Послесловие Валентина Виардо

Первое издание дневников Аркадия Сквозняка, несмотря на успешные продажи, публикой было встречено прохладно. И без того немногочисленные положительные отзывы разбавлялись полными непонимания рецензиями пользователей. Вот что пишет, к примеру, на одном популярном книжном сайте читатель под ником Pleuronectes platessa в своих впечатлениях: *текст, пусть и не лишенный очарования, явно не заслуживает того скандала в сми, который мы имеем в итоге; я не большой любитель автофикшена, но, пожалуй, посыл книги емко уместается в уголовный кодекс без растягивания на сотню страниц.*

Ему вторит человек под ником Bothus ocellatus: *когда депутат Н. заявляет во всеуслышание, что текст Аркадия Сквозняка тиражирует мысль о приемлемости самоубийства, я хочу посмеяться ему в лицо. Единственную смерть, которую можно констатировать по прочтении — это смерть от избытка воды в легких.*

Не в последнюю очередь именно благодаря схожим по мысли отзывам издательством Fish Press было принято решение снабдить дневники комментарием в целях развеять зреющий предрассудок о том, что чтение какого бы то ни было текста способно подтолкнуть человека к неправомерным действиям.

Также хотелось бы ответить на шквал критики, обрушившийся на нас — мы приносим искренние соболезнования всем родственникам и близким погибших жертв. Случившееся ужасно, и у него не может быть никаких оправданий. Никто не ставит под сомнение тяжесть трагедии.

Но необходимо сказать, что такие истории важно рассказывать. История Яна Лествицкого — это и голоса жертв, им убиенных, которые до сих пор остаются не услышанными и оглушенными шумом современности. Тот факт, что человека можно убить, манипулируя его желанием самопожертвования позволяет нам взглянуть совсем иначе на то, что мы называем убийством. Мы не можем знать, как часто подобное происходит. Но нам достаточно того, что это произошло хотя бы один раз.

И в первую очередь мы обращаемся здесь к законодательным исполнителям, что углядели в дневниках нарушение т.н. “антисмертного закона”. Если мысли о смерти уже являются толчком к ней, то все мы преступники от рождения. Надеемся, что все-таки это не так.

В отличие от первого издания, мы приняли решение вырезать из основного корпуса дневниковых записей главу с разговором Яна и Аркадия — теперь, когда читатель прошел весь этот длинный путь и принял во внимание дисклеймер, он может ознакомиться с ней в приложении.

Выражаем благодарность всем способствовавшим составлению комментария. Отдельную благодарность заслуживает Ростислав Литвинов — от лица всей команды Fish Press: желаем ему скорейшего выздоровления.

Приложение 1. Невошедшая глава.

Нет ни одного мужчины, что не мечтал бы перед сном не проснуться следующим утром. Пропуск хода засчитывается в копилку будущего поражения, как не-выбор, не-удача, не-желание, не-успех, — как, в общем, любое не дефис жизнь. Гиперактивная гонка с участниками на лошадиной дозе наркотиков и стимуляторов — есть только победа и поражение. Здесь нет третьего пути, здесь демократия реальности поскальзывается; выход из гонки приравнивается к поражению, не хочу, не буду, не ной, благословенный солнцем, идти некуда — только в бесконечные анфилады тьмы вслед за убегающей мыслью — моим референтом: Яном. Это он. И единственное, что остается ему в угасающем сознании — умершая когда-то и в чьих-то стихах женщина. Дама.

Стрелки часов утопали в обозначаемом ими приближении полуночи, и за отбывающим светом — отбывало и время, нарезая куски последних минут, пока капли красных секунд стекали с рук.

Я протягивал перочинный нож, который он дал мне вымыть, подержать, приготовить. Он помотал головой.

— Тогда зачем? — вопросительный знак, как на крючке, готовился к падению на шесть.

— Я не знаю. Мы договорились, — он опустошенно смотрел на Марию. — Я должен. Я ведь должен?

Он спрашивал разрешения? Сомневаюсь. Пытался подтолкнуть себя к совершению затеянного. Мой референт — я мыслю, а он делает. Но только сейчас он помедлил, словно принесенная ей жертва искупила наши жизни и приказала долго жить.

Не проснуться на следующее утро — в надежде оказаться в укромной, как утроба, ночи.

— Мы оба хотели уйти, — продолжал он в полной тишине, и по его опущенным плечам я почувствовал, что моя фигура для него сейчас не более чем тень. — Мы слушали с ней музыку, сидели, как с тобой. Играли в игры. Нам было хорошо, и именно потому что нам было хорошо — жизнь казалась нам бесконечно тяжелой, и что ее нельзя было выносить. Ты скажешь, что у нас нет проблем. Не было проблем. Тебе легко говорить. Тебе всегда было хорошо. Проблемы тебе приходилось выдумывать, потому что они проходили мимо тебя. Или нет. Как ты говорил? Не чувствую укусов комаров.

— Я каждый день вижу порталы, я могу уйти в любой момент, но не так, как ты. Всегда есть другие пути.

— А что, если не у всех?

— Тогда их стоит придумать.

— Мы не можем, — его голос звучал без печали, а как гулкое падение холодного камня в пещере, где никого нет. — Мы просто чувствуем. Я не хочу умирать. И я думаю, что и Мария не хотела. Но просто смерть — это не конец, мы оба знали это. И ты тоже знаешь, Аркадий. Мы уйдем от этой злой власти туда. Туда, куда ты говорил — в Царство Дива.

— Я не осуждаю ваш поступок, — я не лгал; мне правда было все равно, и я более чем понимал его. — Но тогда избегай этого малодушичества.

— Я не малодушничая. Просто ты не давал мне сказать. Ты и им не дал слова. Даже сейчас, когда они мертвы, для тебя они не более чем немые куклы. Такими их же увидят все.

— Но ведь ты сейчас говоришь.

— Потому что мы друзья. Даже в таком положении, когда ты можешь изменить любое мое слово, даже когда я не более чем строчки на бумаге — ты ценишь даже образ нашей дружбы. Поэтому я тебе тогда все рассказал, в парке.

Ты никогда не предашь меня.

И всегда сможешь меня понять.

Фотографии Кирилла Непольского²³

²³ К сожалению, все фотографии, сделанные Кириллом Непольским, не сохранились, сгорев при трагических обстоятельствах.